

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ЕГО СТАРАГО ОФИЦЕРА

съ 1831-го по 1846 г.

I.

Въ концѣ 1831 года, я изъ родительскаго дома былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и по выдержаніи мной экзамена въ наукахъ, былъ опредѣленъ въ военную службу, поступивъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, съ зачисленіемъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, первоначально на 3 мѣсяца рядовымъ солдатомъ; а впослѣдствіи, когда были провѣрены всѣ представленны мной документы о моемъ происхожденіи и о дворянскомъ моемъ достоинствѣ, я былъ уже утвержденъ въ званіи подпрапорщика л.-гв. Преображенскаго полка.

Тогда было положеніе, принятое даже самимъ обществомъ, чтобы молодые люди изъ дворян непремѣнно служили и большею частію поступали въ военную службу.

Вообще, въ военную службу, какъ въ гвардію, такъ и въ армію, молодые люди принимались не ранѣе 16-ти лѣтняго возраста; но допускалось иногда, что молодыхъ людей опредѣляли на службу и ранѣе 16-ти лѣтъ, смотря по ихъ сложенію и физическому развитію.

Когда я выдержалъ экзаменъ въ наукахъ и былъ принятъ на службу въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, мнѣ до 16 лѣтъ не доставало еще нѣсколько мѣсяцевъ, но какъ все это тогда устроилось—я теперь уже не помню...

Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ то время была совершенно на другихъ основаніяхъ относительно существовавшихъ въ тѣ времена военно-учебныхъ заведеній: кадетскихъ корпусовъ,

Пажескаго корпуса, Дворянскаго полка, Морскаго корпуса и других... Мы, всѣ подпрапорщики и юнкера, принятые въ школу, мы числились на дѣйствительной службѣ въ полкахъ и носили полное обмундированіе тѣхъ полковъ, въ которыхъ состояли и даже въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, полковой праздникъ, подпрапорщики и юнкера требовались въ полки, гдѣ во время дѣлаемаго парада государемъ, размѣщались въ строю въ числѣ всѣхъ прочихъ унтеръ-офицеровъ полковыхъ. Равномѣрно, участвовали на всѣхъ церемоніяхъ и парадахъ, дѣлаемыхъ государемъ гвардейскому корпусу. Все же остальное время, подпрапорщики и юнкера проводили въ научныхъ занятіяхъ въ зданіи школы, гдѣ находились собранными и имѣли постоянное мѣсто жительства.

Въ гвардейской тогда школѣ подпрапорщики и юнкера проходили полный 2-хъ годовой курсъ наукъ и, кромѣ того, полный курсъ военныхъ наукъ, безъ чего ни одинъ юнкеръ, ни подпрапорщикъ, не удостоивались къ производству въ офицеры въ гвардію, хотя бы по строевой части они и оказались отличными фронтовиками; но въ этихъ случаяхъ производились офицерами уже въ армію, какъ не прошедшіе удовлетворительно 2-хъ годоваго курса въ наукахъ.

Между тѣмъ, фронтовое образованіе подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ школѣ требовалось въ полномъ и обширномъ знаніи тогдашней очень сложной военной службы. При чемъ, военная дисциплина и субординація были доведены до неимоверно строжайшей степени! Не говоря уже о познаніяхъ въ наукахъ, которыя требовались отъ молодыхъ людей въ школѣ, какъ отъ сословія просвѣщеннаго, но познанія по строевой военной службѣ требовались такіа, что молодой человѣкъ, выпущенный изъ школы подпрапорщикомъ въ гвардію офицеромъ, при поступленіи его въ полкъ, зналъ практично всѣ должности и обязанности по военной службѣ, какъ напримѣръ, ротнаго командира и даже самаго командира баталіона... И только потому каждый изъ подпрапорщиковъ въ школѣ могъ это знать, что предъ тѣмъ, чтобы быть удостоеннымъ къ производству въ офицеры въ гвардію, надо было выдержать строгій экзаменъ у самаго его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Павловича. Его высочество въ то время былъ командиромъ гвардейскаго корпуса и не пропускалъ ни единого представленія о производствѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицеры въ гвардію безъ смотра и личнаго испытанія знаній ими военной службы не только въ обширномъ смыслѣ, но даже его высочество обращалъ особенное свое вниманіе на фигуру, порядочность и представительность каждого желающаго служить въ гвардію офицеромъ. Это всѣ тѣ, кто только въ тѣ времена жили и

служили, должны очень хорошо помнить—каковымъ великій князь былъ по отношенію служащихъ офицеровъ въ гвардіи.

И такъ, выпускные подпрапорщики предъ тѣмъ, чтобы быть представленными къ производству въ офицеры, должны были предстать на смотръ и на экзаменъ великаго князя Михаила Павловича. И что же это былъ за страшный тогда судъ?!... по истинѣ, сказать правду, я не могу по сіе время вспомнить безъ страха Божіаго!!... Для этого смотра, приводили въ Михайловскій манежъ одинъ изъ гвардейскихъ баталіоновъ въ полномъ составѣ и въ полномъ числѣ рядовъ тогдашняго 3-хъ шереножнаго пѣхотнаго строя. Великій князь поочередно ставилъ подпрапорщиковъ на мѣста офицеровъ въ баталіонѣ командовать взводами, ротами, и поочередно одного изъ подпрапорщиковъ назначалъ командовать баталіономъ. И вотъ тутъ-то начиналось испытаніе въ полномъ знаніи каждымъ строевой пѣхотной службы, въ обширномъ смыслѣ взятой—какъ командовать частію, какъ умѣть сноровить при эволюціяхъ и построеніяхъ и въ особенности при тогдашнихъ депождахъ, которыя производились въ тѣ времена въ военномъ строю съ живостью и отчетливостію непостижимыми... Однимъ словомъ, это были тогда—страсти Господни!!.. затѣмъ, продолжался экзаменъ по службѣ въ гарнизонѣ и по службѣ полевой съ присовокупленіемъ къ этому фундаментальнаго знанія воинскаго устава. И только по удовлетворительномъ испытаніи, подпрапорщики удостоивались къ производству офицерами въ гвардію. Въ противномъ случаѣ—или отставлялись отъ производства въ офицеры до слѣдующаго года, или выпускались офицерами въ армейскіе полки.

Кавалерійскіе юнкера, въ свою очередь, требовались на такой же экзаменъ по знанію верховой ѣзды и всей кавалерійской службы. Такъ что въ тѣ времена тотъ, кто долженъ былъ быть выпущеннымъ въ гвардію офицеромъ, не могъ миновать страшнаго суда!

Теперь еще разъ возвращусь къ обстановкѣ воинской дисциплины въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ царствованіе государя Николая Павловича. Но предварительно надо сказать вообще касательно нижнихъ чиновъ, именно: что нижніе чины всѣхъ войскъ, въ какомъ бы они званіи ни были: дворяне, графы и князья, но ежели только этотъ дворянинъ, графъ, или князь состоитъ на службѣ нижнимъ чиномъ, то-есть подпрапорщикъ или юнкеръ, то онъ считается наравнѣ со всѣми нижними чинами войскъ и точно также, безъ всякаго различія, подчиняется самой строгой дисциплинѣ. Нижній чинъ не имѣлъ права ѣздить по городу въ экипажѣ или на извозикѣ, а долженъ былъ пѣшій ходить, по дѣламъ-ли службы, или по собствен-

нымъ дѣламъ—это безразлично. Даже писаря, какъ полковые, такъ и разныхъ военныхъ вѣдомствъ, всѣ подчинялись одинаковой военной субординаціи; почему и имъ, хотя и занимавшимся постоянно одною лишь письменной частію, строго воспрещалось, подъ личною отвѣтственностію, ѣздить по городу въ экипажѣ, или на извозникѣ.

Мы, подпрапорщики и юнкера школы, но какъ числящіеся въ полкахъ, тоже подчинялись тогда этому строгому военному закону. Но прочіе всѣ военно-учебныя заведенія, какъ-то: кадеты, Пажескій корпусъ, морской корпусъ, дворянскій полкъ и другіе, всѣмъ разрѣшалось ѣздить по городу въ экипажахъ и на извозникахъ, потому именно, что они не числились въ полкахъ и не состояли на дѣйствительной службѣ.

Въ тѣ времена тоже каждый нижній чинъ, при встрѣчѣ не только съ генераломъ или со штабъ-офицеромъ, но при встрѣчѣ просто съ офицеромъ, снималъ лѣвою рукою съ головы фуражку и останавливался. И это называлось дѣлать фронтъ офицеру, отдавая этимъ подлежащую ему честь. Но ежели нижній чинъ—при португупеи и имѣетъ на головѣ киверъ, то онъ дѣлаетъ офицеру фронтъ, останавливаясь, и стоитъ на этомъ мѣстѣ, пока его минуетъ офицеръ, или скажетъ нижнему чину, чтобы онъ проходилъ. Но киверовъ нижніе чины нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не снимали при входѣ въ домъ и даже во дворцѣ. Равномѣрно, офицеры, находящіеся на службѣ, напримѣръ, во дворцѣ и въ особенности во внутреннемъ караулѣ, въ залахъ, дѣлныи день и ночь—киверъ или каска на головѣ.

Бывало, когда насъ отпускали изъ школы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для свиданія съ родными, то случалось, въ особенности, проходя по Невскому проспекту, гдѣ постоянная ѣзда и ходьба офицеровъ, останавливаться и дѣлать фронтъ можетъ быть до ста разъ, пока дойдешь до своего дома!

Такимъ образомъ, съ раннихъ молодыхъ лѣтъ, въ насъ усвоивали строжайшую дисциплину и чинопочитаніе, и малѣйшій подобный проступокъ подпрапорщика или юнкера въ этихъ случаяхъ карался безпощадно, не взирая даже на молодость лѣтъ. До какой строжайшей степени требованія военной службы тогда соблюдались и какой неумолимой кары каждый изъ насъ тогда подвергался, я могу показать примѣръ на себѣ, именно то, что со мной случилось, будучи тогда такимъ еще юнымъ на службѣ и притомъ всегда исправнымъ подпрапорщикомъ, ибо я, дѣйствительно, любилъ военную службу.

И такъ, въ одинъ воскресный лѣтній день, я былъ отпущенъ изъ школы къ моей родной теткѣ Бутурлиной, которая въ это время

имѣла дачу на островахъ, гдѣ она ежегодно проводила лѣто. Насъ обыкновенно отпускали изъ школы, тѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, которые могли имѣть ночлегъ у своихъ родныхъ—съ кануна праздничнаго дня или воскресенія и на самое воскресенье до 9 часовъ вечера, или вѣрнѣе сказать, до пробитія вечерней зори, всѣ отпущенные изъ школы должны были возвратиться и явиться дежурному офицеру. Но ежели-бы подпрапорщикъ опоздалъ хотя-бы 5 минутъ послѣ пробитія зори, то неминуемо подвергался или аресту, или тому, что на слѣдующее воскресенье не будетъ отпущенъ изъ школы. И это соблюдалось весьма строго, ибо командиръ школы, строжайшій изъ самихъ тогда строгихъ генераловъ, баронъ Шлиппенбахъ, жилъ въ самой школѣ и ни одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ не могъ взять на себя оказать какое-либо снисхожденіе подпрапорщику или юнкеру, потому что генералу Шлиппенбаху все было извѣстно, а его превосходительство по службѣ шутить не любилъ, и все наше школьное ближайшее начальство поступало крайне осмоторительно и осторожно.

Тѣ же изъ подпрапорщиковъ, которые не могли имѣть ночлега у своихъ родныхъ, отпускались изъ школы въ праздничный день съ ранняго утра. Я вышелъ изъ школы въ воскресенье часовъ въ 8 утра, одѣтый въ мундиръ преображенскаго полка, бѣлая португеза съ тесакомъ чрезъ плечо и киверъ на головѣ съ длиннымъ унтеръ-офицерскимъ султаномъ. А такъ какъ, съ утра, моросилъ маленький дождь, то намъ приказывалось надѣвать въ накидку нашу солдатскую шинель. Однимъ словомъ, форма обмундированія нижняго чина, во всѣхъ частяхъ войскъ, соблюдалась въ тѣ времена, въ каждомъ даже часу дня, однообразно и пунктуально. За всѣмъ этимъ былъ строжайшій надзоръ, ибо каждый офицеръ могъ придратъся, могъ остановить, потому что офицеръ тогда считался начальникомъ всякаго нижняго чина.

Такъ какъ тетушка моя, Бутурлина, была, какъ въ тѣ времена подразумевалось, большой барыней, потому что поздно вставала и обѣдала не ранѣе 5 часовъ пополудни, почему я прежде чѣмъ попасть къ тетушкѣ, по выходѣ изъ школы, зашелъ въ преображенскіе казармы 1-го баталіона на Миліонную. Я былъ подпрапорщикъ преображенскаго полка и числился въ 3-й фузилерной ротѣ, которою командовалъ мой двоюродный братъ, штабсъ-капитанъ Потуловъ, и кромѣ того въ полку служилъ еще и мой родной братъ и они жили вмѣстѣ на одной квартирѣ, почему я и былъ знакомъ со многими офицерами полка.

Въ этотъ день мои братья собирались тоже ѣхать на дачу къ

тетушкѣ обѣдать; но я, какъ нижній чинъ, долженъ былъ понтировать на дачу пѣшкомъ, почему, пробывъ въ казармахъ до 1-го часа дня и накурившись трубки Жукова табаку вдоволь, ибо въ шкѣ курить строго воспрещалось, а о папиросахъ тогда никто еще не имѣлъ понятія, я явился къ моей тетушкѣ на дачу, гораздо раньше обѣденнаго часа. У моей тетушки въ то время жила воспитанница, нѣкто mademoiselle Лапдсбергъ, очень хорошенькая собой молодая дѣвушка лѣтъ 17-ти. Мы съ ней до обѣда гуляли въ саду и очень весело провели время, не замѣтивъ, что обѣденный часъ уже насталъ и что съѣхалось много гостей къ обѣду, ибо тетушка Бутурлина была богатая женщина, очень гостепріимная и въ праздники у нея постоянно собиралось много гостей. Мы сѣли за столъ уже въ 6-й часу и пока мы обѣдали и вышли изъ-за стола, было уже слишкомъ 8 часовъ вечера, а къ 9 часамъ, до пробитія зори, мнѣ необходимо было быть уже въ школѣ, которая тогда находилась у Синяго моста, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны, слѣдовательно, отъ дачи тетушки мнѣ приходилось пройти порядочное разстояніе.

Тетушка Бутурлина, будучи родною сестрой моей матери, меня, какъ роднаго ея племянника, очень любила и баловала, и, зная всю строгость нашей тогда военной службы и зная, что такое значить опоздать въ школу, предлагала довести меня до школы въ ея каретѣ. Но я наотрѣвъ отказался, изъ опасенія, какъ нижній чинъ, встрѣтиться съ начальствомъ, да еще въ каретѣ. А тѣмъ болѣе, Боже сохрани, встрѣтиться съ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ,—это была-бы тогда такая бѣда, отъ которой положительно могли-бы пострадать не только я, но командиръ школы и все мое ближайшее начальство, ибо такою гровою, какой оказывался великій князь Михаилъ Павловичъ, по отношенію военнаго сословія, въ настоящее время этого себѣ и представить невозможно; и могутъ помнить только тѣ, которые въ тѣ времена жили и служили!... И потому, поблагодаривъ тетушку, я увѣрилъ, что ускореннымъ шагомъ я въ свое время дойду до школы.

Имѣя тогда отъ роду уже 17 лѣтъ и будучи въ полной силѣ здоровья и молодости, я чуть ни бѣгомъ пустился съ дачи моей тетки по направленію къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Проходя по улицамъ дачъ, я не встрѣтилъ ни одного офицера и шелъ безпрепятственно и скоро. Но до Троицкаго моста, который пересѣкалъ рѣку Неву, казалось, что было еще довольно далеко, почему я болѣе и болѣе убѣждался, что къ 9-ти часамъ, т. е. къ пробитію вечерней зори, мнѣ не успѣть дойти до школы, слѣдова-

тельно, за опозданіе, я неминуемо подвергнусь или аресту, или, что еще того хуже, не буду отпущенъ на слѣдующее воскресенье со двора и тѣмъ лишуся удовольствія опять побывать на дачѣ у тетюшки и провести время съ mademoiselle Ландсбергъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ мнѣ это тогда казалось! Вслѣдствіе этихъ мечтаній, молодость взяла свое; я вдругъ рѣшился взять перваго встрѣчающагося мнѣ одноконнаго извозчика съ тѣмъ, чтобы скорѣе добраться до Троицкаго моста, которымъ тогда такъ называли именно тотъ мостъ, который, пересѣкая Неву, подходилъ къ Царицыну лугу и къ дому Гоголя, что нынѣ принца Ольдебургскаго. Я полагалъ, переѣхавъ мостъ, сойти съ дрожекъ извозчика и опять пѣшкомъ по Большой Миліонной, чрезъ Дворцовую площадь, достигнуть Синяго моста и школы. При этомъ я имѣлъ въ виду сговориться съ извозчикомъ и условиться въ томъ, чтобы онъ зорко смотрѣлъ впередъ и какъ только замѣтитъ ѣдущаго или идущаго офицера, то чтобы заранѣе остановился; я сойду съ дрожекъ, сдѣлаю офицеру фронтъ и, пропустивъ его, опять сяду и поѣдемъ далѣе.

Я хотя и былъ въ мундирѣ Преображенскаго полка унтеръ-офицерскаго званія, но на мнѣ была въ накидку солдатская шинель, цѣлкомъ подходящая къ тѣмъ шинелямъ, которыя носили и воспитанники военно-учебныхъ заведеній, имѣвшіе разрѣшеніе ѣздить въ экипажахъ и на извозникахъ; къ тому же я моей шинелью прикрывалъ красные лацканы моего мундира, слѣдовательно, издали въ особенности, встрѣчающееся со мной начальство не вдругъ могло различить—кадетъ я или юнкеръ. Конечно, на головѣ я имѣлъ киверъ, съ длиннымъ изъ щетины чернымъ султаномъ, но такіе же кивера носили и кадеты, а преимущественно Дворянскаго полка воспитанники, — всѣ носили кивера съ султанами, натурально съ нѣкоторыми отличіями отъ киверовъ нашихъ полковыхъ, но чтобы тотчасъ отличить, надо было хорошенько всмотрѣться.

Между тѣмъ, форма одежды офицеровъ въ Петербургѣ строго соблюдалась. Всѣ военные, начиная съ генералитета, всѣ офицеры ѣздили и ходили по городу не иначе какъ въ трехъ-угольных шляпахъ, пѣхотные—съ черными изъ перьевъ султанами, а кавалерійскіе—съ бѣлыми. И потому весьма легко было издали усмотрѣть офицера. Нынѣшнія же фуражки существовали только для лагеря, и то не всегда, и для дорожной ѣзды.

Такимъ образомъ я очень благополучно доѣхалъ до Троицкаго моста, не встрѣчая ни одного офицера. Не доѣзжая моста, въ близкомъ отъ него разстояніи, мой извозчикъ внезапно остановился, увидавъ впереди шедшаго по мосту офицера. Я соскочилъ съ дрожекъ,

а мой извозчикъ шагомъ въѣхалъ на мостъ. Я очень исправно остановился на разстояніи 3-хъ шаговъ отъ подходившаго офицера, сдѣлалъ ему фронтъ, и какъ сейчасъ вижу предъ собою полковника путей сообщенія, въ серебряныхъ эполетахъ и въ трехъ-угольной шляпѣ съ чернымъ султаномъ идущаго подъ руку съ дамой, которая мнѣ показалась очень тогда молодой. Пропустивъ мимо себя эту чету, я вновь сѣлъ въ извозника и поѣхалъ по Троицкому мосту.

Мостъ этотъ большой и длинный; я на извозникѣ проѣхалъ чуть ли уже не за половину моста, такъ что оставалось очень немного, сѣхавъ съ моста до дома Гоголя или принца Ольденбургскаго, около котораго я намѣревался сойти съ извозника и по Большой Милліонной пройти до школы. Какъ вдругъ, и совершенно неожиданно, послышался сзади насъ топотъ нѣсколькихъ лошадей, который на деревянномъ мосту сильно раздавался, и вмѣстѣ съ тѣмъ крикъ кучера держать вправо.

Мой извозчикъ обернулся и торопливымъ голосомъ проговорилъ мнѣ: «сударь, два генерала догоняютъ въ коляскѣ, прикажете остановиться?» Я въ свою очередь обернулся и тотчасъ усмотрѣлъ нашего командира школы, генерала Шлиппенбаха, съ какимъ-то другимъ генераломъ, очень высоко сидѣвшихъ въ коляскѣ. Я такъ испугался, что совершенно растерялся! И такъ какъ все это произошло въ какой-нибудь мигъ времени, я только могъ сообразить, что теперь уже не удобно и не кстати сходить съ дрожекъ и дѣлать фронтъ и потому сказалъ извознику: пошелъ скорѣе съ моста на лѣво, къ дому Гоголя! Я теперь сознаюсь чистосердечно, что у дома Гоголя я думалъ шмыгнуть въ калитку и тѣмъ спастись отъ бѣды! Но не тутъ-то было! Коляска съ генералами у насъ была, такъ сказать, на плечахъ. Мой извозчикъ, подгоняя лошадь сѣзжая съ моста, только что собирался повернуть налѣво къ дому Гоголя, какъ коляска съ генералами пересѣкла намъ дорогу и кучеръ крикнулъ: «остановись извозчикъ!» Видно было, что это было приказаніе генераловъ.

Въ эту минуту я вынужденнымъ уже былъ соскочить съ дрожекъ, и предъ генералами вытянулся, какъ говорится по старинному, — въ нитку!... Мой испугъ тогда былъ такъ великъ, что я теперь не въ состояніи этого и передать!... Въ моихъ мысляхъ я сообразилъ всю бѣду и сдѣланное мной по тогдашнему преступленіе по службѣ!... Мое тревожное состояніе представило мнѣ страшную картину!... Я думалъ о потерѣ всей моей карьеры, и о томъ, что не быть мнѣ въ гвардіи офицеромъ, а выкинуть меня въ армію тѣмъ же унтеръ-офицерскимъ званіемъ, и каково же послѣ того положеніе моихъ родителей!

При строгости тогдашней военной службы, при правахъ и авто-

ритетѣ военнаго начальства того времени, такое наказаніе могло считаться только дѣломъ должнымъ по винѣ. Однимъ словомъ, въ эту минуту, при моихъ тогда юныхъ лѣтахъ, мое отчаяніе могло бы дойти до крайнихъ предѣловъ, ежели бы я не былъ тогда въ полной силѣ молодости и здоровья...

Предо мной стояла коляска, запряженная 4-мя большими лошадыми врядъ, и два генерала сидѣли въ коляскѣ очень высоко. Тогда была мода дѣлать экипажи съ высокимъ сидѣніемъ. Оба генерала имѣли на головахъ трехъ-угольныя шляпы, надѣтыя по формѣ, что придавало ихъ лицамъ еще болѣшую суровость! Я смотрѣлъ на этихъ генераловъ какъ бы на колокольную,—такъ высоко было ихъ положеніе по отношенію меня, стоящаго на землѣ, и мнѣ показалось, конечно, въ это время со страху, что у нашего свирѣпаго командира школы глаза какъ будто страшно блестящи!...

Все это, конечно, есть отзывъ воспоминанія такой молодости, послѣ которой прошло уже чуть-ли ни полвѣка!...

Съ нашимъ командиромъ школы, генераломъ Шлиппенбахомъ, сидѣлъ въ коляскѣ одинъ изъ генераловъ директоровъ кадетскаго корпуса, фамилію котораго я совершенно не помню. Генералъ Шлиппенбахъ былъ одѣтъ въ мундиръ Преображенскаго полка и на шеѣ имѣлъ орденъ св. Анны съ бриліантами. При поступленіи моемъ въ школу, я засталъ командиромъ школы генерала Годайна, а командиромъ роты былъ Шлиппенбахъ, въ полковничьемъ еще чинѣ Преображенскаго полка. Онъ въ этомъ же году былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ школы вмѣсто генерала Годайна, который получилъ назначеніе директоромъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ.

Государь Николай Павловичъ, какъ особенную милость, при производствѣ Шлиппенбаха въ генералы, пожаловалъ ему право носить мундиръ Преображенскаго полка. Шлиппенбахъ былъ изъ старыхъ офицеровъ Преображенскаго полка, будучи произведенъ офицеромъ въ нашъ полкъ еще въ 1813 году, и всегда былъ на счету, какъ одинъ изъ отличныхъ фронтовыхъ офицеровъ. Почему, какъ я узналъ впоследствии, и что очень правдоподобно, что генералъ Шлиппенбахъ, какъ всѣ тогдашняго времени строгіе военные начальники, имѣлъ какой-то особенный зоркій глазъ по отношенію всего, что касается службы, и потому, очень можетъ быть, что онъ издавѣка усмотрѣлъ, что на извозикѣ долженъ ѣхать не кадетъ, а кто нибудь изъ полковыхъ унтеръ-офицеровъ, или подпрапорщикъ, ибо бѣлая щетинка съ желтой полоской на концѣ моего султана указывала на строеваго унтеръ-офицера, слѣдовательно, подобнаго проступка нижняго чина въ тѣ

времена и при тогдашней строгой дисциплинѣ, никакое начальство древнихъ временъ легко переварить не могло. Поэтому, Шлиппенбахъ, когда это замѣтилъ, вѣроятно, и велѣлъ своему кучеру догнать меня на извозчикѣ съ цѣлю убѣдиться.

Когда я соскочилъ съ дрожекъ, генералъ Шлиппенбахъ подзвалъ меня ближе къ коляскѣ и своимъ обычнымъ грубымъ тономъ голоса, крикнулъ на меня:

— «Что вы дѣлаете, недостойный подпрапорщикъ? Какъ вы осмѣливаетесь преступать военный уставъ и ѣздить на извозчикѣ, когда вы должны на каждомъ шагу отдавать честь офицерамъ?! Вы негодный подпрапорщикъ! Я васъ выпшвырну изъ школы! Я завтра же дамъ объ васъ великому князю и вамъ не видать гвардіи, какъ своихъ ушей; вы негодный подпрапорщикъ, что изъ васъ послѣ того можетъ выйти?» И слово «негодный» онъ мнѣ повторилъ и такимъ какъ будто бы тономъ, который можетъ соответствовать слову негодяй. Потомъ отрывисто произнесъ: «ступайте въ школу, явитесь дежурному офицеру и чтобы онъ васъ сейчасъ посадилъ въ карцеръ!»

Послѣ всего этого можно себя представить, въ мои тогдашние года, съ какими ощущеніями я могъ возвращаться въ школу?.. Въ головѣ шумѣло, какъ въ кипящемъ самоварѣ... Кромѣ ожидаемаго наказанія, я чувствовалъ себя крайне обиженнымъ грубымъ со мною обращеніемъ генерала Шлиппенбаха! Это, повтореніе его «негодный» звенѣло у меня въ ушахъ!.. Я упрекалъ себя, почему я смолчалъ? Я упрекалъ себя, отчего я не возражалъ ему, какъ возражалъ ему нашъ же, школы подпрапорщиковъ, л.-гв. Измайловскаго полка юнкеръ князь Урусовъ (Иванъ), который не выдержалъ сказанныхъ ему грубостей Шлиппенбахомъ, вышелъ изъ себя и даже сдѣлалъ какъ будто какое-то движеніе кинуться; но такъ какъ это было въ присутствіи роты, то тотчасъ онъ былъ отведенъ подъ арестъ и чрезъ нѣсколько дней не только былъ исключенъ изъ школы, но переведенъ на Кавказъ, въ армію, и чуть ли не разжалованнымъ до выслуги... Но совсѣмъ тѣмъ, мы всѣ, тогда молодые люди, подпрапорщики и юнкера, видѣли въ поступкѣ Урусова какъ бы говоръ, какъ бы заступничество за честь свою... И это болѣе всего меня мучило!..

И такъ, вотъ какая была строгость въ нашей военной тогда службѣ! Какъ только преступилъ противу устава службы, а паче, противу воинской дисциплины и субординаціи, пощады никому не было, но смотрѣли ни на какую личность, ни на какое званіе! А между тѣмъ, родной братъ князя Ивана Урусова, въ это время, былъ флигель-адъютантомъ государя Николая Павловича, а отецъ Урусо-

вить чуть ли не занималъ одну изъ высшихъ тогда должностей въ государствѣ.

Все это тогда гнѣздилося въ моей воспаленной головѣ и я въ полномъ смыслѣ, какъ ошеломленный, пробѣжалъ Большую Миліонную, Дворцовую площадь, пришелъ въ школу къ 10 часамъ вечера, явился къ дежурному офицеру подпоручику л.-гв. Финляндскаго полка барону Цедеркрейцу, который поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала Шлиппенбаха и тотчасъ посадилъ меня въ карцеръ.

Прежде чѣмъ описать послѣдствія, которыя меня постигли вслѣдствіе того, что я, будучи юнкеромъ, а потому наравнѣ съ нижнимъ чиномъ, осмѣлился прокатиться по городу въ экипажѣ, что въ настоящее время разрѣшено нижнимъ чинамъ не дворянскаго сословія, разѣзжать по столицамъ въ экипажахъ и на извозникахъ, я, кстати, приведу еще примѣръ, случившійся при мнѣ въ школѣ нашей, гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, который опредѣляетъ существовавшее тогда воинское постановленіе по отношенію поступковъ нижнихъ чиновъ въ смыслъ строжайшей тогда субординаціи и чинопочитанія, какъ на примѣръ, что младшій никогда не могъ обсуждать дѣйствій старшаго. Младшій предъ старшимъ въ чинѣ стоялъ погруженный въ молчаніе, а старшій, опираясь на свою власть, иной разъ, быть можетъ, этимъ и пользовался и въ гнѣвъ своему не стѣснялся ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ, и не принималъ то же, можетъ быть, въ соображеніе ни происхожденіе, ни званіе ему подчиненнаго.

Я, какъ теперь, помню этотъ случай очень хорошо. Въ мое время въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ былъ кавалергардскаго полка юнкеръ князь Барятинскій, который по своему рожденію, по своей фамиліи и по связямъ родства, принадлежалъ къ кругу высшаго сословія въ Россіи. И этотъ самый князь Барятинскій впоследствии былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ и за покореніе Кавказа и плѣненіе знаменитаго кавказскаго предводителя Шамиля былъ возведенъ въ фельдмаршалы.

И такъ, этотъ самый князь Барятинскій былъ въ одно время со мной въ школѣ, какъ я сказалъ, юнкеромъ кавалергардскаго полка. Онъ былъ старше меня годами, но совершенно еще молодой человекъ, веселый, милый, отличный товарищъ, и мы всѣ его очень любили. Ко всему этому, онъ въ то время, какъ казалось, обладалъ такими матеріальными средствами, какихъ, надо полагать, ни одинъ изъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ не имѣлъ. А потому онъ имѣлъ болѣе возможности и не былъ прощъ, а напротивъ, любилъ подчасъ кутнуть и хорошо кутнуть.

Теперь, когда прошло болѣе полвѣка съ того времени и когда я за собою самъ имѣю уже много лѣтъ службы, я, при описаніи моихъ воспоминаній о прошедшемъ времени удалой нашей юности, не считаю нужнымъ стѣсняться при изложеніи сущей правды, тѣмъ болѣе, что кромѣ благородства всѣхъ тѣхъ личностей изъ молодыхъ людей, съ которыми я началъ мою военную карьеру, я ничего не помню и не знаю.

Находившіеся собранными въ зданіи школы, мы, пѣхотные подпрапорщики, занимали верхній этажъ, а кавалерійскіе юнкера средній, а внизу была большая зала, называемая учебной залой для фронтальныхъ занятій.

Въ свободное время отъ классовъ, никому изъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ не воспрещалось посѣщать другъ друга и мы, какъ пѣхотные, такъ и кавалерійскіе юнкера, обитавшіе одно жилище, всѣ были между собою пріятелями и жили очень дружелюбно и это очень естественно, потому что какъ судьба, такъ и положеніе всѣхъ насъ въ это время, было совершенно равное.

При этомъ бывали дни, когда пѣхотные и кавалерійскіе юнкера сводились въ одинъ классъ и, кажется, это былъ чуть ли не классъ математики, которую намъ преподавалъ извѣстный тогда инженеръ-капитанъ Ласковскій, котораго впоследствии я знавалъ въ чинѣ генерала. Наши преподаватели въ наукахъ всѣ почти были военныя офицеры гвардейскихъ инженеровъ и гвардейской артиллеріи. Инженеръ-капитанъ Ласковскій, когда наши два класса пѣхотный и кавалерійскій соединялись въ одинъ, въ продолженіи 2-хъ часовъ преподаванія математики, своими выводами математическихъ формулъ наводилъ смертельную тоску, какъ на пѣхоту, такъ и на кавалерію. И потому, многіе изъ насъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, выходили изъ класса разгонять тоску куреніемъ трубокъ табаку извѣстнаго тогда знаменитаго фабриканта Жукова, и это куреніе наше производилось тогда не иначе, какъ въ печку. Вотъ въ этомъ-то препровожденіи времени я частенько сталкивался съ Барятинскимъ у извѣстной печки и мы очень дружелюбно покуривали вмѣстѣ трубочку. Я съ нимъ былъ тогда на ты и мы были пріятелями, и эти отношенія между нами сохранились и въ то время, когда я былъ уже офицеромъ Преображенскаго полка, а онъ адъютантомъ наслѣдника цесаревича.

Такимъ образомъ, когда въ одинъ изъ праздничныхъ дней мы всѣ были отпущены изъ школы по роднымъ, юнкеръ князь Барятинскій, въ компаніи своихъ товарищей кавалерійскихъ юнкеровъ, такъ хорошо этотъ разъ кутнули, что по Петербургу огласился ка-

кой-то скандалъ! А такъ какъ въ тѣ времена существовала такая организація полиціи, что не только что нибудь явное, но ничего тайнаго не могло тогда ускользнуть отъ Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, почему, потомъ, слѣдовала по всѣмъ частямъ управленій и вѣдомствъ, не исключая и военного, такая переборка или простѣе сказать по русски: такая перебуровка всѣхъ и вся, что врядъ ли когда нибудь что либо могло укрыться. При этомъ вліяніе великаго князя Михаила Павловича тогда, какъ командира гвардейскаго корпуса, какъ фельдцеймейстера, какъ начальника инженеровъ и, кромѣ того, начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній,—при такой, можно сказать, непостижимой дѣятельности, какая была у великаго князя его высочества, какъ на все хватало? это мало сказать, что надо было дивиться... Кромѣ ежедневныхъ пріемовъ всего начальства гвардейскаго корпуса, ежедневныхъ разводовъ съ церемонією, посѣщеній всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, засѣданій въ государственномъ совѣтѣ и предсѣдательство по артиллерійскому и инженерному комитету; однимъ словомъ, какъ было тогда повсемѣстно извѣстно, великаго князя Михаила Павловича всегда и на все доставало; а поэтому и давленіе на военное сословіе вообще было такое, что его страшились какъ огня; онъ положительно слылъ грозой для всей военной іерархіи.

Слѣдовательно, какъ только до великаго князя дошелъ безпорядокъ, произведенный юнкерами гвардейской школы, то уже, конечно, нашему командиру генералу Шлиппенбаху не поздоровалось. Онъ былъ, говоря тогдашнимъ нашимъ школьнымъ, юнкерскимъ языкомъ, порядочно вымученъ за допущеніе... Да и намъ всѣмъ, не безъ того было, какъ говорится, чтобы не держать послѣ того ухо остро...

Какой пронавели тогда Бятынскій и компанія скандалъ, я теперь рѣшительно опредѣлить не могу. Я помню только, что изъ числа участниковъ, которыхъ тоже большую часть я перезабылъ, Шлиппенбахъ сильно тогда тоже разносилъ: конной гвардіи юнкера Новикова и, впоследствии выпущеннаго офицеромъ кажется въ лейбъ-драгуны, юнкера Юкавскаго. А остальныхъ я совершенно не помню. Всѣ эти господа, подъ предсѣдательствомъ, конечно, Бятынскаго, кутили въ какомъ-то ресторанѣ или заведеніи и очень естественно, что въ заключеніе кутежа, можетъ даже и нечаянно, перебили окна.

Натурально, явилась полиція и обо всемъ донесла С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру, генералъ-адъютанту Кокошкину; а коль скоро дѣло дошло до Кокошкина, то уже тутъ пардона не было никому. Его и самые петербургскіе обыватели порядочно трусили!..

Вслѣдствіе всего мной изложеннаго, командиръ школы Шлиппен-

бахъ приказалъ собрать внизу, въ учебной залѣ, всю школу: какъ пѣхотную роту, такъ и кавалерійскій эскадронъ юнкеровъ. Этотъ, въ ряда выходящій, сборъ насъ всѣхъ вмѣстѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, не могъ не предвѣщать страшной бури, которая въ старинное время всегда производила сильное впечатлѣніе на наши тогда молодые и робкіе умы, въ особенности, при тогдашней всегдашней экстренныхъ случаяхъ обстановкѣ.

Насъ построили въ учебной залѣ, одна часть противу другой. Пѣхота, въ 3-хъ шереножномъ строю, а кавалерія въ двѣ шеренги. При частяхъ находились ближайшіе наши начальники. При пѣхотѣ — нашъ командиръ роты, полковникъ Семеновскаго полка Гельмерсегъ, который тогда не давно только возвратился изъ польской войны и былъ обвѣщенъ медалями и орденами. При кавалеріи находились командиръ эскадрона, старый полковникъ кавалергардскаго полка полковникъ Гудимъ-Левковичъ. И затѣмъ, при частяхъ были собраны и всѣ наши дежурные офицеры; у насъ при школѣ ихъ состояло въ достаточномъ количествѣ и все гвардейскіе пѣхотные и кавалерійскіе офицеры разныхъ полковъ.

Я, какъ теперь, вижу всѣхъ этихъ офицеровъ, какъ они до появленія въ учебную залу генерала Шлиппенбаха втихомолку около насъ суетились!.. То подравнивали шеренги, то поправляли на головѣхъ надѣтыя на нихъ фуражки, и все разговаривало шопотомъ. Однимъ словомъ, какъ-то чувствовалось и замѣтно было, что сами офицеры не могли находиться въ спокойномъ расположеніи духа въ ожиданіи появленія командира школы, генерала Шлиппенбаха.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, оба наши командира, и пѣхотный и кавалерійскій, скомандовали каждой своей части: «смирно!» Всѣ дежурные офицеры встали по старшинству на правые фланги своихъ частей и приложили лѣвыя руки къ трехъ-угольнымъ шлупамъ, которые тогда носили, и съ этимъ вмѣстѣ водворилась мертвая тишина въ учебной залѣ...

Какъ только генералъ Шлиппенбахъ переступилъ порогъ двери, ведущей въ учебную залу, такъ начали къ нему подходить съ рапортомъ дежурные въ этотъ день офицеры по ротѣ и эскадрону, въ полной парадной формѣ, ибо другой формы въ тѣ времена для дежурствъ не существовало. За офицерами стали подходить, также одинъ за другимъ, юнкера пѣхотные и кавалерійскіе и каждый словесно рапортовалъ о благополучіи своей части.

При этомъ надо замѣтить ту пунктуальность, которая въ тѣ времена существовала при всѣхъ случаяхъ въ тогдашней нашей военной службѣ, — это единство: ни шага болѣе, ни шага менѣе

одинъ противу другаго; такъ все было опредѣлено одинъ разъ и навсегда.

Подходившимъ дежурнымъ офицерамъ генералъ Шлиппенбахъ не сказалъ ни слова и ни одного изъ дежурныхъ юнкеровъ не поправилъ. Видъ его казался очень суровымъ. И такимъ образомъ, послѣ молчаливаго его появленія, онъ обратился къ намъ, къ пѣхотной ротѣ, и поздоровался какъ будто сухо, но мы однако отвѣтили дружнымъ: «здравія желаемъ, в. п—ство!» Но съ кавалерійскимъ эскадрономъ онъ не поздоровался, вѣроятно потому, что онъ былъ сердитъ за случившійся безпорядокъ. И это совершенно вѣрно, ибо въ тѣ времена гнѣвъ начальства всегда рѣзко отражался на цѣлую команду. Тогдашнее начальство знать ничего не хотѣло; въ командѣ должно было существовать единство, а потому и единство должно было быть по соблюденію порядка въ части всѣми чинами.

Затѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ и грозный гнѣвъ командира школы. На средину были вызваны юнкера князь Барятинскій, со всѣми тѣми, которые съ нимъ кутили. И что тогда происходило! что за возгласы и что за угрозы раздавались!!.. Чтобы имѣть понятіе въ этомъ случаѣ, надо только взять въ соображеніе тѣ времена и ту зависимость, въ какой тогда находились подчиненные относительно своего начальника.

И такъ, все выговоренное и все высказанное нашимъ командиромъ школы, генераломъ Шлиппенбахомъ, безцеремонно имъ было обращено и на ближайшее наше начальство. Старшіе начальники, въ старину, умѣли наводить такой холодъ на каждого и на всѣхъ, что не скоро послѣ того всякій могъ опомниться! Но, что болѣе всего врѣзалось въ мою память, это то, что Шлиппенбахъ сказалъ Барятинскому:

— Вы не князь, а грязь!.. Я въ гвардію, въ офицеры васъ не выпущу!!...

И что же? все это такъ и случилось въ дѣйствительности. Въ слѣдующемъ 1833 году, Барятинскій былъ уже выпускнымъ юнкеромъ и затѣмъ произведенъ въ офицеры. Но такъ или иначе, но предсказаніе генерала Шлиппенбаха осуществилось на самомъ дѣлѣ. Барятинскій не былъ произведенъ въ гвардію, ни въ кавалерійскій полкъ, въ которомъ онъ два года числился на службѣ, а былъ произведенъ въ кирасиры наслѣдника цесаревича, причисленные тогда къ гвардейскому корпусу и стоявшіе въ Гатчинѣ.

И такъ, вотъ какая была тогда сила военного начальства, что ни происхожденіе, ни родство, ни связи не могли въ тѣ времена

имѣть вліяніе на авторитетъ начальника, во власти котораго было полное довѣріе удостоивать или не удостоивать своихъ подчиненныхъ.

Князь Барятинскій, какъ все это еще живо въ моей памяти, въ скоромъ времени и въ первомъ еще своемъ офицерскомъ чинѣ, ѣздилъ въ экспедицію на Кавказъ въ то самое время, какъ тамъ сильно дѣйствовалъ правитель горцевъ, извѣстный Шамиль. Это было первое боевое поприще Барятинскаго и тутъ-же онъ былъ тяжело раненъ въ грудь. До какой степени все это сохранилось въ моей памяти, что я очень хорошо помню, что въ этотъ самый годъ, я, будучи уже офицеромъ Преображенскаго полка, возвратился изъ отпуска изъ Москвы и долженъ былъ представляться его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, какъ командиру гвардейскаго корпуса и въ приемный великаго князя, я неожиданно встрѣтился съ Барятинскимъ, который тоже являлся по случаю его возвращенія изъ экспедиціи и что меня крайне въ первую минуту удивило, что Барятинскій, вмѣсто того, чтобы быть въ полной формѣ, былъ въ сюртукѣ и при палашѣ. И вотъ тутъ я узналъ отъ него о его ранѣ и о перевязкѣ, которую онъ еще носилъ.

Это было еще до выхода великаго князя. Приемная комната по обыкновенію была полна генералитета, полковныхъ командировъ и адъютантовъ, которыхъ великій князь постоянно ежедневно принималъ.

Барятинскій, вскорѣ послѣ этого нашего свиданія, былъ вытѣсненъ къ наследнику цесаревичу и долго состоялъ при особѣ его высочества, а я продолжалъ мою военную карьеру въ строю нашего л.-г. Преображенскаго полка.

Теперь возвращусь къ окончанію описанія о послѣдствіяхъ моей ѣзды на извозникѣ какъ нижняго чина, что въ старину, по службѣ, считалось преступленіемъ. Я, какъ выше сказалъ, въ тотъ-же самый вечеръ, когда я попался на извозникѣ нашему командиру школы, я, по приказанію дежурнаго офицера, былъ отведенъ въ особую отдѣльную комнату, именуемую въ школѣ арестантской комнатой, или карцеромъ. Но пожаловаться на эту комнату нельзя было, ибо она содержалась очень чисто и прилично, но только посаженный въ нее находился запертымъ, и я просидѣлъ въ ней почти 6 дней, изъ которыхъ два дня на хлѣбѣ и водѣ, безъ всякой другой пищи, ежели-бы сторожъ, нашъ общій другъ, инвалидный солдатъ Кингинъ, который у насъ всѣхъ былъ постояннымъ парламентаромъ отъ школы въ канцелятерскую, которая находилась напротивъ, и потомъ изъ лавочки всегда приносилъ бѣлыя 8 копѣечныя булки и колбасу.

Но что болѣе всего меня мучило и тревожило, это ежеминутное

ожиданіе, что сегодня—завтра опять соберутъ въ учебной залѣ всю школу и генералъ Шлиппенбахъ будетъ меня разносить!

Наконецъ, въ субботу этой-же недѣли, ко мнѣ вошелъ нашъ фельдфебель. У насъ тогда былъ фельдфебелемъ л.-г. Сапернаго баталіона юнкеръ Глуховъ, который вскорѣ вышелъ офицеромъ л.-г. въ Литовскій пелкъ. Глуховъ мнѣ объявилъ, что командиръ роты, полковникъ Гельмерсенъ, приказалъ меня освободить изъ-подъ ареста; но что меня не будутъ выпускать изъ школы со двора въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Потомъ присовокупилъ, какъ-бы по секрету, что начальство, въ школьномъ совѣтѣ, предполагало было, первоначально, за такое сдѣланное мной по службѣ преступленіе меня исключить изъ школы, но командиръ роты, полковникъ Гельмерсенъ, и еще инспекторъ классовъ, подполковникъ инженеръ Павловскій, меня отстояли въ уваженіи того, что въ то время я былъ такъ молодъ, какъ будто моложе всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ школѣ. Это умилоствовало Шлиппенбаха, который однако рѣшилъ оставить меня во 2-мъ классѣ еще на одинъ годъ, не переводя меня въ первый, что оттягивало мое производство въ офицеры на цѣлый годъ, ежели не болѣе.

Вотъ какова была въ тѣ времена строгость военной службы! Кромѣ сдѣланнаго мнѣ домашняго наказанія, оставленіе меня лишній годъ въ томъ же классѣ повліяло тогда на мою военную карьеру и въ будущемъ тѣмъ, что всѣ тѣ мои товарищи, съ которыми я-бы могъ быть произведенъ въ офицеры, ежели-бъ я не попался на извонигѣ, всѣ стояли выше меня по производству въ слѣдующіе чины, даже мои товарищи въ другихъ полкахъ.

И такъ, вотъ при какой обстановкѣ военной службы начиналась въ то время карьера всѣхъ насъ молодыхъ людей. Но со всѣмъ тѣмъ, я долженъ по истинѣ сознаться, что эта тогдашняя крутая, пожалуй, ужасная строгость военной службы, молодого человѣка, вышедшаго изъ дома, и вообще всякаго поступающаго на военную службу, такъ сказать, перерабатывала, переформировала, усваивала съ долгомъ безпрекословнаго повиновенія старшему, и тѣмъ, въ послѣдствіи, подготавливала офицеровъ самостоятельныхъ, пригодныхъ и способныхъ управлять воинскою частію, ибо неопровержимая истина: чтобы умѣть командовать надо умѣть и повиноваться,—никогда не можетъ выдохнуться, а всегда останется крайне полезною для военной службы.

II.

Въ 1834 году я былъ произведенъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ офицеромъ. Въ этомъ, могу сказать, блестящемъ тогда полку, я прослужилъ четырнадцать лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ въ царствованіе государя Николая Павловича. И дѣйствительно, то былъ великолѣпный полкъ, то всегда былъ первый полкъ великой россійской арміи, это всегда былъ основной фундаментъ крѣпости и вѣрности русскаго воинства своему державному вождю.

Поэтому, при воспоминаніи о моемъ служеніи въ Преображенскомъ полку, я считаю долгомъ изобразить всѣ тѣ милости и особенное вниманіе, которыми государь Николай Павловичъ постоянно удостоивалъ нашъ полкъ. При этомъ, само собою должно выказаться наше всѣхъ служеніе, составъ самаго полка, военная дисциплина, фронтное образованіе того времени, выправка солдата и самый наружный видъ, каковымъ нашъ Преображенскій полкъ постоянно представлялся во главѣ всего гвардейскаго корпуса. Потомъ, наше ближайшее начальство, полковое, которое я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ,—мнѣ бы крайне было пріятно, чрезъ воспоминаніе, воскресить всѣ тѣ личности въ той обстановкѣ, въ томъ положеніи, какими тогда они казались и влияли на насъ молодыхъ людей, только что вступившихъ на житейское поприще. Наконецъ и тѣхъ сослуживцевъ, которые ближе подходили по товариществу, съ которыми я продолжалъ службу въ полку; наше молодое казарменное житіе; разные эпизоды тогдашней нашей молодой беззаботной жизни, не исключая и многихъ событій, въ особенности одно изъ такихъ важныхъ, какъ, напримѣръ, пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году, гдѣ мы, офицеры 1-го баталіона, какъ ближайшіе сосѣди съ дворцомъ, въ первый моментъ этого ужаснаго тогда происшествія повискали изъ своихъ казармъ, какъ обезумѣвшіе, вмѣшавшись въ общую суматоху, не зная, что дѣлать и что предпринять до той самой минуты, какъ появился на пожаръ самъ государь Николай Павловичъ, который, среди всеобщаго бѣдствія, лично давалъ направленіе по всѣмъ распоряженіямъ.

Однимъ словомъ, по служенію моему въ Преображенскомъ полку, я постараюсь изложить все бывшее по воспоминанію, настолько, насколько память моя мнѣ поможетъ, именно такъ, какъ это запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ и сохраняется по сіе время, какъ вѣщныя дни въ моей жизни.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ мое время, былъ особенно отличаемъ отъ всѣхъ другихъ полковъ гвардіи постояннымъ вниманіемъ, которое его величество при всякихъ представлявшихся случаяхъ выказывалъ полку; вѣроятно, по свѣжей еще тогда памяти того возмущенія, которое было въ 1825 году 14-го декабря на площадяхъ Исаіевской и Дворцовой, куда прибыли многіе изъ возмущившихся полковъ гвардіи тогда, какъ изъ нашего Преображенскаго полка ни единого чина не оказалось не только причастными къ возмущенію, но напротивъ того, нашъ первый баталіонъ явился первый на площадь, а затѣмъ весь полкъ, и встали противу возмущившихся гвардейскихъ полковъ.

Государь Николай Павловичъ никогда этого не забывалъ и въ доказательство этого можетъ служить то, что впоследствии и во все мое служеніе въ Преображенскомъ полку, его величество ежегодно, въ день 14-го декабря, вмѣстѣ съ императрицею, безъ всякой свиты, пріѣзжалъ въ казармы 1-го баталіона, расположеннаго на Миліонной, рядомъ съ дворцомъ.

Все общество насъ офицеровъ всего полка, имѣя во главѣ нашего полковаго командира, свиты его величества генералъ-маіора Микулина (впоследствии генералъ-адъютантъ), ожидало пріѣзда государя у воротъ казармъ 1-го баталіона на Миліонной.

Ровно въ часъ дня, какъ я уже выше сказалъ, вдвоемъ съ императрицею за-просто, безъ всякой свиты, государь подѣзжалъ къ казармамъ; милостиво насъ привѣтствовалъ и, вмѣстѣ съ императрицею, обходилъ всѣ помѣщенія, гдѣ расположены были нижніе чины 1-го баталіона, даже помѣщенія женатыхъ солдатъ. Въ этотъ день, всѣ нижніе чины 1-го баталіона находились въ сборѣ. Государь ко всѣмъ солдатамъ относился съ необыкновенно милостивымъ вниманіемъ и, обойдя каморы женатыхъ, его величество никогда не уѣзжалъ безъ того, чтобы не сдѣлать въ этотъ день какой-либо особенной милости для какой-нибудь семьи солдата. А къ намъ, къ обществу офицеровъ Преображенскаго полка, государь обращался съ такими словами, которыхъ не можетъ не помнить каждый, кто только тогда имѣлъ честь служить въ Преображенскомъ полку. Его величество не преставаѣ намъ повторять, что насъ «онъ считаетъ не иначе, какъ своей семьей».

И эти посѣщенія государя съ императрицею, всякій годъ въ день 14 го декабря, продолжались до тѣхъ поръ, пока въ баталіонѣ оставался хотя одинъ солдатъ изъ тѣхъ, которые въ день 14-го декабря съ 1-мъ баталіономъ явились на площадь и изъ первыхъ встали противу возмущившихся полковъ гвардіи.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ, какъ всѣ полки гвардіи и арміи, въ полномъ комплектѣ людей по тысячѣ человекъ въ баталіонѣ и 250 въ ротѣ, ибо баталіоны были 4-хъ ротнаго состава.

Въ Петербургѣ въ то время изъ каждого гвардейскаго полка два баталіона постоянно находились въ Петербургѣ для содержанія карауловъ и прочей службы, и находились размѣщенными каждый въ своихъ казармахъ, а одинъ изъ баталіоновъ былъ расквартированъ по ближайшимъ деревнямъ въ окрестностяхъ столицы и обыкновенно стоялъ годъ въ деревни до лагернаго сбора, когда всѣ полки, въ полномъ уже составѣ, одновременно выступали въ лагерь подъ Красное Село.

Баталіоны нашего Преображенскаго полка, какъ и во всѣхъ другихъ полкахъ одинаково, поочередно уходили на стоянку въ деревню на цѣлый годъ. Наша преображенская деревня находилась въ 25-ти верстахъ отъ Царскаго Села и въ 4-хъ отъ города Павловска. Это было огромное село, имѣніе графини Самойловой, надрезале находившееся подъ расквартированіемъ нашего полка, и жители до такой степени свыклись съ полкомъ, что бывало, когда мы долгое время остаемся въ лагерьѣ или на маневрахъ, то они ждутъ не дождутся скорѣйшаго возвращенія баталіона въ Славянку.

Первый баталіонъ нашего полка въ то время, когда онъ находился въ Петербургѣ, имѣлъ преимущество предъ другими нашими, былъ всегда расположеннымъ около Зимняго дворца въ казармахъ, которыя съ той цѣлю и были построены совершенно рядомъ съ эрмитажемъ дворца, такъ что чрезъ комнату фельдфебеля государевой роты нашего полка имѣлось совершенно свободное сообщеніе съ эрмитажемъ и съ самимъ Зимнимъ дворцомъ. Ниже я сообщу о тѣхъ преимуществахъ, которыя мы, преображенскіе офицеры, имѣли во дни выходовъ и баловъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Второй и 3-й баталіоны нашего полка, за уходомъ одного на годовую стоянку въ деревню Славянку, поочередно располагались въ Таврическихъ казармахъ, вблизи тоже Таврическаго дворца. Когда же 1-му баталіону приходила очередь уходить на стоянку въ деревню въ Графскую Славянку, тогда 2-й и 3-й баталіоны тоже по очередно размѣщались въ казармахъ 1-го баталіона на томъ самомъ мѣстѣ около Зимняго дворца.

Штабъ-и оберъ-офицеры нашего 1-го баталіона, во все время, пока они находились въ составѣ 1-го баталіона, имѣли преимущество не только предъ офицерами всѣхъ другихъ полковъ гвардіи, но и предъ

офицерами своего полка, тѣмъ, что независимо получаемого содержанія, постоянно пользовались отпускомъ еще тысячи рублей на каждаго, такъ называемыхъ столовыхъ денегъ. Это положеніе, какъ мы тогда слышали, велось съ древнихъ временъ, можетъ быть съ тѣхъ поръ еще, когда весь Преображенскій полкъ составлялъ только одинъ баталіонъ. А такъ какъ онъ считался тогда собственной охраной царской и всегда находился расположеннымъ около дворца, или резиденціи царской, то офицеры, составлявшіе тогда этотъ баталіонъ, имѣли постоянно обѣденный столъ во дворцѣ, или, какъ гласитъ преданіе, имѣли полное право ежедневно являться во дворецъ къ обѣденному столу. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени, впослѣдствіи, когда все это было прекращено, а полкъ въ это время можетъ быть увеличился въ своемъ составѣ, но первому баталіону, по старой памяти, этотъ отпускъ въ 1,000 рублей и по сіе время сохраняется.

Въ мое время ротные командиры въ 1-мъ баталіонѣ, какъ утвержденные въ командованіи частями, не могли быть переводимы въ другіе баталіоны, почему получали эти тысячи рублей столовыхъ денегъ. Но остальныхъ младшихъ, или субалтернъ-офицеровъ, насъ по очередно, для несенія служебныхъ обязанностей, переводили изъ баталіона въ баталіонъ на годичный срокъ времени и такимъ образомъ, всѣ тѣ изъ насъ офицеры, которые въ свою очередь попадали въ 1-й баталіонъ, получали тоже эти столовые тысячу рублей, такъ что отпускъ этотъ, по всему полку, такъ сказать, уравнивался.

Нашъ Преображенскій полкъ, какъ я уже говорилъ, состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ полнаго комплекта людей. И что были это за люди тогда,—это были гиганты и богатыри. Въ особенности, въ формѣ обмундированія того времени,—эта бѣлая широкая амуниція, скрепленная на груди; киверъ на головѣ съ длиннымъ стоячимъ изъ щетины чернымъ султаномъ; двухъ-главный орелъ на широкомъ гербѣ округлялъ весь киверъ и такимъ образомъ выстроенный фронтъ изъ такихъ гигантовъ невольно производилъ на всякаго сильное впечатлѣніе!

Рота его величества, нашего тогда полка, состояла изъ людей мужественной красоты. Необыкновенно высокіе ростомъ и чрезвычайно стройные; а съ симъ вмѣстѣ плечистые, здоровые, истинно богатыри.

Фланговымъ государевой роты въ мое время, слѣдовательно, фланговымъ цѣлаго полка, когда полкъ былъ весь выведенъ въ строй, я засталъ унтеръ-офицера, по прозванію Хонинъ. То былъ красавецъ-

мущина во всей силѣ слова. Хонинъ былъ ростомъ въ 2 аршина и 14-ть съ чѣмъ-то вершковъ; а при этомъ еще въ киверѣ съ длиннымъ султаномъ, его ростъ выказывался еще болѣе. Подлѣ него стоящій и такъ далѣе, весь первый взводъ былъ подобранъ положительно изъ такихъ же людей; но незамѣтно и постепенно понижались къ лѣвому флангу и доходили до рядовъ, стоявшей съ государственной ротой, 1-й роты, которая въ свою очередь, была составлена изъ подобныхъ гигантовъ, къ которымъ пристраивалась вторая и третья роты, пополняющія составъ всего 1-го баталіона какъ подборомъ, такъ и видомъ необыкновенныхъ тогда людей. Наконецъ, 2-й и 3-й баталіоны нашего полка, когда весь полкъ цѣлкомъ выводился въ строй, положительно можно сказать, увѣнчивали такое войско, которое однимъ только своимъ воинственнымъ видомъ внушало тогда полное довѣріе ко всѣмъ случаямъ въ жизни.

Государь Николай Павловичъ видимо заботился о своей ротѣ. Въ память покойнаго августѣйшаго своего брата, государя Александра Павловича, его величество пожаловалъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ,—тѣмъ, которые въ то время стояли въ ротѣ его величества,—вензеля на эполеты. Гг. офицеры государственной роты носили на эполетахъ золотую букву А; а нижніе чины—на погонахъ бронзовую. И даже, по выходѣ изъ службы, каждый изъ получившихъ это вензелевое изображеніе имѣлъ полное право носить его на борту своего платья.

Случалось иногда, что государь Николай Павловичъ лично дѣлалъ провѣрку своей роты; самъ становился въ переднюю шеренгу своихъ гренадеръ, и, насколько я теперь припомнить могу, его величество оказывался 18-мъ или 19-мъ съ праваго фланга по ранжиру.

Я полагаю, что будетъ кстати, ежели я теперь скажу нѣсколько словъ о нашемъ тогда тамбуръ-мажорѣ полка, который выходилъ изъ ряда людей обыкновенныхъ своимъ ростомъ.

Государь Николай Павловичъ, во время своихъ путешествій по осмотру войскъ, увидалъ одного изъ казаковъ, которому, по огромному его росту, никакая лошадь не могла быть годна подъ верхъ. Государь приказалъ этого казака привезти въ Петербургъ и приказалъ опредѣлить его въ Преображенскій полкъ тамбуръ-мажоромъ. Этотъ тамбуръ-мажоръ, по фамиліи Лучкинъ, имѣлъ ростъ 3 аршина съ вершкомъ. Онъ далеко былъ не красавецъ, вслѣдствіе грубыхъ чертъ лица его и при томъ онъ немного казался какъ будто сутуловатымъ; но со всѣмъ тѣмъ, по его необыкновенному росту.

онъ былъ сложенъ довольно пропорціонально; только громоздкіе объемы всей этой фигуры представляли его настоящимъ великаномъ. Въ особенности, когда Лучкинъ былъ одѣтъ въ полную парадную форму въ мундирѣ съ генеральскими золотыми эполетами, на головѣ киверъ съ длиннымъ стоячимъ и соотвѣтственно музыкантовъ краснымъ султаномъ, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, съ булавой въ рукахъ.— На Царицыномъ лугу, во время парада, когда онъ стоялъ впереди нашихъ барабанщиковъ и музыкантовъ, онъ имѣлъ видъ какъ будто стоитъ длинное, высокое дерево, а весь гвардейскій корпусъ предъ нимъ казался кустарникомъ.

Намъ, свыкшимся съ его фигурой, все-таки казалось всего уродливѣе, въ его фигурѣ, его руки и этотъ голосъ, который выходилъ какъ будто изъ какой-то пропасти, когда онъ заговоритъ. Ладони его рукъ чуть-чуть не соотвѣтствовали объему обыкновенной тарелки. Казалось бы этому человѣку должно было быть сильнымъ и здоровымъ, но, напротивъ того, онъ скорѣе былъ слабъ здоровьемъ и не имѣлъ никакой особенной силы. При этомъ не можетъ не казаться страннымъ, что такой мущина-великанъ, какъ Лучкинъ, имѣлъ жену, очень маленькую ростомъ по сравненію, конечно, не съ нимъ, но со всѣми другими жейщинами, и потому, когда бывало въ праздничные дни онъ выходилъ на прогулку съ своей супругою, то всѣ встрѣчные невольно ядвойнѣ на него заглядывались. Ниже я сообщу анекдотъ, случившійся съ Лучкинымъ и нѣмцами въ 1839 году, когда часть нашей гвардіи ходила на маневры подъ городъ Калишъ.

И такъ, вотъ какимъ я засталъ, при производствѣ моемъ въ офицеры, тогда нашъ Преображенскій полкъ по наружному его виду. А что относится до внутренняго порядка полка, какъ, напримѣръ, до служебныхъ обязанностей по требованіямъ того времени, мнѣ кажется, что тогда все это было доведено, какъ будто, до совершенства. Военная служба была чрезвычайно строга. Ни малѣйшее упущеніе по службѣ не могло пройти незамѣченнымъ. Военная дисциплина была доведена этою самою строгостію до пунктуальности невыразимой. Чинопочитаніе и уваженіе къ старшему были установлены тогда въ такой степени, которая не могла поколебаться. Даже въ сношеніяхъ рядового, простого солдата съ его ефрейторомъ постоянно видна была эта ненарушимая субординація. А между тѣмъ, мнѣ очень памятно и я утвердительно могу сказать, что у насъ въ то время, въ Преображенскомъ полку, начиная съ командира полка, генерала Микулина, всегда избѣгали существовавшаго тогда тѣлеснаго наказанія. Мы, молодые офицеры, замѣчали въ нашихъ ротныхъ командирахъ стре-

мленіе, по мѣрѣ возможности, вывести всѣ эти наказанія. Мы видѣли въ отношеніяхъ ихъ къ фельдфебелямъ и къ ротамъ строгость большую; ничто не спускалось за упущеніе по службѣ, но все это обходилось, какъ говорится, ладно. И надо полагать, что это не могло быть иначе, какъ вслѣдствіе усвоенной въ нижнихъ чинахъ, такъ сказать, закаленной субординаціи.

И то сказать, въ тѣ времена воспитаніе солдата было простое. Взятаго новобранца развивали, какъ говорится, въ страхѣ божіемъ. Прежде всего внушалось безпрекословное повиновеніе и почитаніе старшаго. Затѣмъ, присягнувъ уже на службу государю, онъ причислялся какъ бы къ кастѣ военной; усваивался съ мыслию тою, что онъ отдѣлился отъ своего бывшаго сословія, отъ родныхъ, отъ семьи и что для него, пока онъ на службѣ, нѣтъ другой среды, какъ только та, въ которой онъ находится, и наши тогдашніе солдаты до того съ этимъ усваивались, что безпредѣльная преданность своему долгу была истинно ненарушимою святостію для военной службы. Каждый изъ начальствующихъ лицъ, всякій командиръ отдѣльной части могъ смѣло ручаться прямо государю за командуемую имъ часть и можно было отвѣтствовать, что ежели военная команда выставлена была бы противу какой-либо толпы, въ которой солдаты хотя бы и усмотрѣли своихъ родныхъ, быть можетъ отцовъ и братьевъ, но ежели бы начальствомъ приказывалось стрѣлять въ эту толпу, то ни одинъ бы не задумался; вотъ до чего была доведена сила нашей дисциплины.

III.

При поступленіи моемъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, я засталъ командиромъ полка свиты его величества генералъ-маіоръ Василія Яковлевича Микулина, вскорѣ назначеннаго генералъ-адъютантомъ къ государю Николаю Павловичу. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени... Одинъ изъ такихъ необыкновенно энергичныхъ людей, которыхъ рѣдко можно встрѣтить. Служака во всей силѣ слова, требователенъ до крайности, педантъ по службѣ страшный. Строгости во фронтѣ такой, что, при появленіи его предъ строй, весь фронтъ, такъ сказать, замиралъ.

Между тѣмъ генералъ Микулинъ былъ, какъ человекъ, очень добрый; но, вслѣдствіе его непомѣрной горячности, нижніе чины его прозвали Василіемъ горячимъ. Отличительная черта генерала

Микулина была все-таки его совершенная порядочность, какъ чловѣка представительнаго. Онъ былъ очень умный господинъ, начитанный, образованный. Онъ прошелъ всю Европу съ Преображенскимъ полкомъ въ кампаніи 1813—1814 гг.

Микулинъ опредѣлился на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ очень молодыхъ лѣтъ; но въ 1812 году, въ сраженіи подъ Бородинымъ, участвовалъ уже офицеромъ и баталіоннымъ адъютантомъ 2-го баталіона нашего полка. Командиромъ Преображенскаго полка въ то время былъ извѣстный генералъ-адъютантъ покойнаго государя Александра Павловича, баронъ Розенъ, который въ наше время былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Во время знаменитаго Бородинскаго побоища, какъ извѣстно, вся даже наша гвардія участвовала въ страшной тогда битвѣ!.. Не было ни одного изъ гвардейскихъ полковъ, который бы тогда, наравнѣ съ нашею побѣдоносною арміею, не бился за-одно, какъ говорится, не на животь, а на смерть! И вотъ, въ то время, кажется, Наполеонъ I и сказалъ кому-то: „La grande Russie a fait son devoir avec honneur“, (русская гвардія честно исполнила свой долгъ). И такъ, командиръ полка, баронъ Розенъ, неоднократно, съ барабаннымъ боемъ, въ пылу боевыхъ столкновеній подъ Бородиномъ, водилъ Преображенскій полкъ въ атаку, и Микулинъ тогда, будучи въ первомъ еще офицерскомъ чинѣ и баталіоннымъ адъютантомъ, получилъ за храбрость орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, — крестъ, который во всѣ времена высоко цѣнился и которымъ Микулинъ не представлялъ гордиться, рассказывая намъ съ большимъ увлеченіемъ подробности бородинскаго сраженія за своимъ обѣдомъ, къ которому онъ постоянно приглашалъ полкового адъютанта и дежурнаго офицера 1-го баталіона или того, который въ это время былъ расположенъ около дворца. При этомъ онъ любилъ повторять слова, что онъ взросъ и посѣдѣлъ въ Преображенскомъ полку.

Этотъ самый нашъ полководецъ, генералъ-адъютантъ Микулинъ, въ 1825 году, будучи полковникомъ и командиромъ нашего 1-го баталіона, въ день 14-го декабря, первый привелъ командуемый имъ баталіонъ на площадь и всталъ противу возмущившихся полковъ гвардіи.

Безпредѣльная преданность Микулина, впоследствии, выражалась истинно выдающеюся при всякомъ представляющемся случаѣ. Государь Николай Павловичъ, наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ и вообще всѣ члены царствующей семьи,—это былъ предметъ боготворенія Ми-

кулина. Проникнутый такими чувствами, онъ велъ и давалъ направленіе командуемому имъ Преображенскому полку. Не говоря уже о полномъ, въ этомъ случаѣ, сочувствіи всего общества офицеровъ Преображенскаго полка, но видно было въ каждой ротѣ во всякомъ солдатѣ Преображенскаго полка, при какомъ бы то ни было обстоятельстве, что-то такое особенное, что-то такое, выказывающее именно преданность и привязанность нашихъ солдатъ къ царскому семейству.

Микулинъ, какъ генераль-адъютантъ и какъ придворный чело-вѣкъ, какъ будто слѣдилъ шагъ за шагомъ за царской фамиліей. Ему всегда было извѣстно, гдѣ и въ какое время можетъ быть государь или великій князь Михаилъ Павловичъ, или наследникъ цесаревичъ и вообще кто бы ни былъ изъ царской семьи. Микулинъ обо всѣхъ постоянно намъ дѣлалъ извѣстнымъ. И это сообщеніе не имѣло никакой другой цѣли, какъ только всегдашняя его заботливость не только одному, но со всѣми вѣренными его командованію подчиненными, быть угодными обожаемому монарху.

Однимъ словомъ, эта угодность во все время его командованія полкомъ и эта выказываемая преданность не могли быть поддѣльными, или напускными, ибо онъ проявлялись постоянно между безчисленными случаями, изъ коихъ я могу указать на два, особенно такъ сказать, выдающіеся. Первый изъ этихъ случаевъ былъ тогда, когда мы ожидали государя Николая Павловича, со всей царской семьей, въ нашъ красносельскій лагерь, послѣ долгаго отсутствія государя изъ Петербурга и послѣ возвращенія его величества изъ чужихъ краевъ, такъ что полкъ очень давно не видѣлъ государя. И другой еще случай, гораздо позже, но былъ тоже въ лагерѣ, когда наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ уже въ чинѣ полковника и своимъ августѣйшимъ родителемъ былъ назначенъ въ лагерѣ временно командовать нашимъ Преображенскимъ полкомъ.

Первый изъ этихъ двухъ случаевъ, сколько мнѣ теперь напоминаетъ, въ 1835 году, но никакъ не позже 1836 года, когда весь гвардейскій корпусъ стоялъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, и вдругъ разнесся слухъ по лагерю,—это было кажется въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца,—что государь съ императрицею и съ кѣмъ то еще изъ августѣйшихъ дѣтей,—теперь тоже не помню,—возвратились изъ-за границы въ Царское Село. Когда слухъ этотъ подтвердился, весь нашъ красносельскій лагерь всполошился. Все начальство, просто, затрепетало. Всѣ полетѣли на другой день, кто въ Царское Село, кто въ Петербургъ въ главный штабъ, такъ что нашъ лагерь

моментально упразднили отъ всего высшаго начальства, и хотя прекращеніе самыхъ обыденныхъ занятій въ лагерѣ было менѣе, чѣмъ кратковременнымъ; но наши тогда юныя сердца, какъ будто, свободнѣе стали биться. Эта кратковременность, какъ теперь помню, въ насъ молодыхъ людяхъ, то-есть въ молодыхъ офицерахъ, въ субалтернъ-офицерахъ, породила празднопатаніе изъ лагеря въ лагерь, визиты въ другіе полки къ товарищамъ, тогда какъ ротные командиры, какъ отвѣтственные начальники частей, совершенно напротивъ, ощутили еще болѣе заботы въ ожиданіи возвращенія начальства и въ ожиданіи извѣстій.

На другой день къ ночи стали слышаться возвращенія начальствъ къ своимъ частямъ. Начальники дивизій, бригадъ и командиры полковъ, все это вернулось въ лагерь. На третій день съ утра, въ лагерь все зашумѣло и засуетилось. Дежурные унтеръ-офицеры по ротамъ, по нѣскольکو разъ въ день, провозглашали послѣдовательнымъ громогласнымъ крикомъ: фельдфебелей въ полковую канцелярію. Это намъ, молодымъ офицерамъ, ничѣмъ не завѣдывавшимъ и ни за что не отвѣтствующимъ, давалось знать, что дѣлаются въ полку приготовленія и распоряженія, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ожиданіи посѣщенія государемъ лагерей.

А между тѣмъ, опредѣлительнаго ничего никто не звалъ. Когда будетъ государь въ лагерь, какъ ожидать и какъ встрѣчать его величество—офіціального ничего не было и всѣ положительно находились въ невѣдѣніи. А мы, молодые офицеры, еще менѣе знали, потому что нашему брату не всегда было удобно по этому предмету вступать въ разговоры со старшимъ начальствомъ.

Прошло еще нѣсколько дней и никакихъ свѣдѣній ни откуда не было. Наше начальство замѣтно волновалось относительно невѣдѣнности о приѣздѣ въ лагерь государя и недоумѣвало касательно самой встрѣчи его величества, на томъ простомъ основаніи, какъ это всегда было въ поговоркѣ у нижнихъ чиновъ, что «гдѣ амуничка, тамъ и репетичка»; а репетичекъ у насъ и не думали производить. Это и насъ, молодыхъ офицеровъ, начинало уже тревожить, какъ вдругъ, чрезъ распоряженія, дѣлаемые нашими ротными командирами, мы узнаемъ, что завтрашній день государь и вся царская фамилія будутъ обѣдать въ Красномъ Селѣ и послѣ обѣда, какъ-бы за-просто, носѣтять лагерь.

Вслѣдствіе этой неожиданности, какъ мы тогда-же слышали, будто происходили между высшимъ начальствомъ, между лагерными начальствующими лицами, большія пренія, за нѣмнѣишемъ надлежа-

щихъ, точныхъ указаній, касательно встрѣчи государя, и какъ будто сами пришли по соглашенію къ тому заключенію, чтобы въ этотъ день полки, или вообще всѣ войска, вывести передъ переднія линейки, тоже какъ-бы за-просто, безъ амуниціи и ружей, въ мундирахъ и фуражкахъ, и построить баталіоны въ колоннахъ справа на одинъ шагъ впереди переднихъ линеекъ, и такъ ожидать приѣзда государя.

Ожиданіе государя приводило нашего полководца, какъ и всегда, въ состояніе тревожное; казалось, что вся жизнь Микулина была посвящена тому, чтобы угодить государю. Съ самаго утра этого дня, онъ волновался, беспокоился, заботился о людяхъ, о томъ, чтобы все было умыто, выбрито и, какъ говорится: молодцомъ поставлено. И надо правду сказать, что во все время командованія Микулинымъ полкомъ, люди наши выводились предъ государя, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ гласитъ русская поговорка, вполне «женехами».

Въ это-же самое утро, то-есть въ самый день посѣщенія лагеря государемъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что его величество, послѣ обѣденнаго стола, со всею царскою фамиліею, поѣдетъ первоначально въ лагерь образцоваго полка, который отъ Краснаго Села былъ расположенъ ближе всѣхъ другихъ полковъ.

Это означало, что объѣздъ начнется съ лѣваго фланга, а мы, преображенцы, стояли на правомъ флангѣ всего красносельскаго лагеря, слѣдовательно, намъ оставалось еще очень много времени ожидать приѣзда къ намъ государя, почему командиръ полка, Микулинъ, приказалъ, не торопясь людямъ пообѣдать въ обыкновенное время, нотомъ хорошенько отдохнуть и затѣмъ приготовиться къ встрѣчѣ государя.

Мы, офицеры, хотя и заняты были одной и той-же мыслію, — приѣздомъ государя въ лагерь, но, въ свою очередь, не суетаясь, каждый преспокойно пообѣдалъ въ своей артели, (у насъ на время лагерное всегда составлялись между офицерами артели).

Въ прекрасный іюньскій день, часовъ около 6-ти вечера, когда полки нашей 1-й гвардейской дивизіи: Семеновскій, Измайловскій и лейбъ-гвардіи егерскій, стали выводить на переднія линейки, тогда у насъ барабанщики ударили дробь и по этому сигналу нашъ Преображенскій полкъ былъ тоже выведенъ на шагъ впередъ предъ первую линейку и всѣ три баталіона были поставлены одинъ подлѣ другого, на извѣстныхъ дистанціяхъ, въ колоннахъ справа.

Видъ людей, какъ теперь вижу: эта стройность, эта выправка, молодцоватость — истинно, восхитительно было смотреть!

Такъ какъ нижнихъ чиновъ, какъ я выше сказалъ, положено было вывести въ простой формѣ, безъ оружія и амуниціи, то и мы, офицеры, должны были быть одѣты соответственно, въ обыкновенной лагерной формѣ, которая состояла тогда изъ сюртука, шарфа и клеенчатого кивера. Баталіоны, по обыкновенію, конечно, должны были стоять выровненными; поэтому и мы встали въ свои мѣста во взводы. Командиры баталіоновъ встали впереди своихъ баталіоновъ; а командиръ полка, генералъ Микулинъ, предъ серединою полка, въ сюртукѣ, въ шарфѣ и въ своей трехъ-угольной шляпѣ съ черными перьями, надѣтой по формѣ.

Я находился тогда въ 5-й ротѣ 2-го баталіона, у штабсъ-капитана Рюдина, который командовалъ этою ротою. Я стоялъ въ 4-мъ взводѣ, какъ разъ противу полкового командира, который будучи передъ полкомъ, находился впереди нашего 2-го баталіона. Впрочемъ, всѣмъ офицерамъ хорошо было видно нашего полководца, который не преставаъ волноваться.

Пока государь проѣзжалъ по линіи полковъ, можетъ быть еще 2-й гвардейской дивизіи, что отъ нашего лагеря было порядочное разстояніе, но крики «ура!» къ намъ долетали очень явственно. Надо было видѣть нашего генерала и командира полка Микулина. Не оставаясь ни минуты спокойнымъ на мѣстѣ, онъ, видимо въ волненіи, не преставаъ относиться къ нижнимъ чинамъ, ободрялъ людей, приказывалъ подтянуться, веселѣе смотрѣть и радостно встрѣчать государя. Видно было, что онъ готовъ былъ отдать душу свою за тотъ моментъ, чтобъ только государь оставался вполне доволенъ встрѣчею полка. Съ симъ вмѣстѣ, эта необыкновенная его энергичность предъ фронтомъ, этотъ громовой командный его голосъ, когда онъ относился къ полку, невольно наводилъ, какъ говорится, морозъ по тѣлу!

Чѣмъ ближе подходили къ намъ возгласы полковъ и крики «ура!», выходившіе уже отъ Семеновскаго полка, который отъ насъ отдѣлялся еще батареею гвардейской пѣшей артиллеріи, тутъ еще сильнѣе выражались ощущенія Микулина. Онъ поминутно, поправлялъ свою шляпу, или снималъ съ руки перчатку и опять ее надѣвалъ, однимъ словомъ, все выказывало его тревожное состояніе. Наконецъ, когда царскіе экипажи стали выѣзжать отъ 1-го баталіона Семеновскаго полка и приближаться къ нашей батарее, тогда Микулинъ, въ послѣдній разъ возвысивъ голосъ, крикнулъ къ полку: «ребята, веселѣе встрѣтить царя... да смотри, чтобы «ура!» у васъ не было казенное, а отъ чистаго сердца!»

Произнеся эти слова, Микулинъ усмотрѣлъ Николая Павловича, въ бѣлой кирасирской фуражкѣ, съ императрицею и съ великими князьями въ шестимѣстной коляскѣ, запряженной пугомъ, выѣзжающими отъ батарей и приближающимися къ лѣвому флангу уже вѣдшаго 3-го баталіона, стоявшаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣшей батарей. Тутъ уже, какъ было видно и какъ надо полагать, онъ не въ силахъ былъ болѣе себя сдерживать! Крикнувъ внезапно: «ребята, за мной, шапки вверхъ, ура!» и свою трехъ-уголку швырнувъ надъ головой и опрометью бросился на встрѣчу коляски государя!

Какъ изобразить этотъ моментъ! Какъ достаточно передать все, что въ эту минуту произошло! Три тысячи солдатъ, стоявшіе до того времени на своихъ мѣстахъ, въ одинъ мигъ глаза устремляются во слову командира за нимъ, три тысячи фуражекъ летятъ вверхъ и «ура!» грянуло такое, которое потрясло небеса! И затѣмъ государь, вся царская семья, вся огромная свита, которая на коняхъ сопровождала царскій поѣздъ, въ томъ числѣ и великій князь Михаилъ Павловичъ, вмѣстѣ съ наследникомъ цесаревичемъ,—всѣ очутились окруженными тремя тысячами людей, съ непокрытыми головами, выражающихъ восторгъ и безпредѣльную приверженность царскому дому!

Такъ увѣнчалась встрѣча государя и его августѣйшей семьи вѣдшимъ Преображенскимъ полкомъ, ибо послѣ насъ не было никакихъ уже войскъ, выстроенныхъ для встрѣчи.

Такая, можно сказать, выходка полкового командира предъ фронтомъ, хотя впрочемъ, какъ я выше сказалъ, нижніе чины не имѣли ни боевой амуниціи, ни ружей, не могла однако не поразить неожиданностію старослужащихъ фронтовиковъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные полки встрѣчали государя, не покидая мѣстъ.

Государь, повидимому, былъ очень тронутъ, ибо тутъ же его величество очень милостиво отнесся къ полку.

Но, впрочемъ, насколько мнѣ сдается по моимъ воспоминаніямъ, Микулинъ, какъ было слышно, будто бы, подвергся за это варканію старыхъ служивыхъ, опирающихся на святость строя и ненарушимость воинскаго устава; но нашъ полководецъ, генералъ Микулинъ, былъ такой натуры господинъ, что ежели только государь и великій князь Михаилъ Павловичъ не выказали ни малѣйшаго неудовольствія, то все остальное ему было нипочемъ, и потому, вообще, Микулинъ имѣлъ болѣе недоброжелателей; но свое генераль-адъютантство онъ несъ высоко.

Расскажу другой случай, еще болѣе подтверждающій искренность тѣхъ чувствъ преданности Микулина къ царской фамиліи, которыя

него проявлялись всегда, какъ только обстоятельства приводили его въ сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ царской фамиліи.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, будучи уже въ чинѣ полковника и флигель-адъютанта, во время одного изъ лагерей нашихъ подъ Краснымъ Селомъ, былъ назначенъ государемъ командовать временно нашимъ полкомъ. Микулинъ же, оставаясь настоящимъ командиромъ Преображенскаго полка, въ это время исполнялъ должность командира 1-й бригады, то есть нашего и Семеновскаго полковъ. Палатка Наслѣднику была поставлена не въ дальнемъ разстояніи отъ палатки Микулина. Не говоря уже про Микулина самого, но для насъ всѣхъ, для цѣлаго полка, поистинѣ сказать, это время казалось самымъ свѣтлымъ и счастливымъ праздникомъ.

Оставшіеся теперь на свѣтѣ мнѣ современные сослуживцы по Преображенскому полку, конечно помнятъ тѣ счастливыя минуты, которыя достались на долю каждого изъ насъ чрезъ присутствіе и время, проведенное Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ нашемъ лагерѣ и въ нашемъ сообществѣ. Постоянное милостивое вниманіе Его Высочества, ко всѣмъ безразлично, простота, кротость и эта ангельская доброта, всегда характеризовавшая Цесаревича, приводила положительно всѣхъ и каждого въ истинный восторгъ и очарованіе.

И все это прошлое, въ какомъ бы отдаленномъ времени оно теперь не представлялось, не можетъ изгладиться изъ памяти еще и потому, что Его Высочество, будучи уже царствующимъ Государемъ, всегда осчастливливалъ каждого изъ насъ представлявшагося Его Величеству словами: «давно знакомый».

И такъ, въ тотъ годъ, государь Николай Павловичъ производилъ смотръ войскамъ, въ лагерѣ находившимся, по полкамъ, по бригадно, по дивизіонно и цѣлымъ корпусомъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ, исполняя должность нашего полкового командира, дѣлалъ лично ученія нашему полку. Самъ на конѣ, водилъ нашъ полкъ учиться на военное поле, которое отъ нашего лагеря находилось на очень дальнемъ разстояніи, такъ что мы считали всегда верстъ 5-ть или 6-ть ходу. И во время производимыхъ Наслѣдникомъ ученій полку, нашъ полковой командиръ, Микулинъ, никогда не присутствовалъ и никогда не вмѣшивался въ распоряженія Его Высочества, по наружному командованію полкомъ. Но, съ симъ вмѣстѣ, его натура не преставала тревожиться; онъ былъ въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы всѣми средствами, всѣми дѣйствіями полка, быть угоднымъ Наслѣднику, хотя все въ лагерѣ шло какъ

нельзя лучше и иначе быть не могло, потому что каждый чинъ полка, отъ высшаго до низшаго, вытягивался, какъ говорится, изъ жилъ, чтобы только удостоиться милостиваго вниманія Наслѣдника Цесаревича и заслужить всѣ тѣ милости, которыми Его Высочество, во все свое пребываніе у насъ въ лагерѣ, не преставаѣтъ распространять на всѣхъ и каждого. Однажды вечеромъ, дежурные унтеръ-офицеры по ротамъ разнесли по палаткамъ приказъ, отданный по волю Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, вслѣдствіе вышедшаго въ тотъ день приказа отъ командующаго 1-ю бригадою, генерала Микулина. Копія съ приказа генералъ-адъютанта Микулина была приложена и заключала слѣдующее:

«Завтрашняго числа, въ 8 часовъ утра, я буду производить ученіе вѣреннаго командованію моему 1-й гвардейской пѣхотной бригады. Почему полкамъ лейбъ-гвардіи Пресбраженскому и Семеновскому прибыть на военное поле къ 7 часамъ утра, и къ 8-ми быть совершенно выровненными и ожидать прибытія моего. Генералъ-адъютантъ Микулинъ».

Вслѣдствіе отданнаго приказа о бригадномъ ученіи, назначенномъ на другой день, насъ подняли очень рано. Наслѣдникъ опять на конѣ, самъ повелъ нашъ полкъ на военное поле. По прибытіи на мѣсто, Наслѣдникъ Цесаревичъ сошелъ съ лошади. Полку приказалъ составить ружья въ козлы и людямъ снять ранцы и далъ отдыхъ на часъ времени.

По окончаніи отдыха, баталіоны построились развернутымъ фронтомъ. Лѣвѣ насъ, на извѣстной дистанціи, построился Семеновскій полкъ. Полкомъ, въ это время, командовалъ тоже одинъ изъ отличныхъ тогда генераловъ, генералъ-маіоръ Ребиндеръ, къ которому государь Николай Павловичъ очень милостиво относился и всегда благоволилъ.

Нашъ полкъ былъ выровненъ по жолонерамъ въ одну линію съ Семеновскимъ полкомъ. Наслѣдникъ нѣсколько разъ самъ лично разнялъ всѣ три шеренги нашего полка и, наконецъ, отъѣхалъ и всталъ предъ серединою полка ожидать прибытія бригаднаго командира, генерала Микулина. Микулина верховая лошадь была приведена на военное поле въ одно время съ прибытіемъ полка.

Генералъ Микулинъ не заставилъ себя дожидаться. Какъ только показалась его коляска, Наслѣдникъ скомандовалъ «смирно!» и баталіоны взяли на плечо по командѣ своихъ баталіонныхъ командировъ.

Генералъ Микулинъ, въ мундирѣ, шарфѣ и шляпѣ съ чернымъ

султаномъ, ѣхалъ очень важно въ коляскѣ вдвоемъ съ исправляющимъ должность бригаднаго адъютанта.

Наслѣдникъ подпустивъ коляску Микулина на известное разстояніе отъ фронта, скомандовалъ цѣлому полку на караулъ, далъ шпоры своему коню и пустился маршъ-маршъ, на встрѣчу Микулина съ рапортомъ. Генералу Микулину, къ коляскѣ была подведена его верховая лошадь; но онъ не успѣлъ на нее сѣсть, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ подскакалъ, опустилъ свою саблю и началъ рапортовать.

Микулинъ, стоя, приложивъ руку къ шляпѣ, выслушалъ весь рапортъ Наслѣдника. Когда Его Высочество кончилъ и сталъ подавать Микулину строевую записку, то Микулинъ, принимая изъ рукъ Великаго Князя рапортъ, сдѣлалъ такое движеніе, какъ бы припалъ къ колѣну Наслѣдника, сидѣвшаго на конѣ, и задыхающимся отъ волненія голосомъ произнесъ: «Ваше Императорское Высочество! этотъ рапортъ ляжетъ со мною въ гробъ»!

Всѣ взоры стоявшаго тогда строя, всѣ были обращены на старшихъ начальниковъ, всѣ видѣли эту сцену. Но подробности намъ были переданы нашимъ полковымъ адъютантомъ, Михаиломъ Катенинымъ, который находился тутъ же, около Наслѣдника. Катенинъ говорилъ, что это было такъ поразительно, что когда Микулинъ произнесъ эти слова, то Наслѣдникъ какъ-бы поспѣшилъ подать Микулину руку и у Его Высочества показались слезы на глазахъ.

По прошествіи нѣсколькихъ послѣ того лѣтъ, Микулинъ, будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, сдалъ нашъ полкъ генералъ-маіору, барону Мунку; ѣздивъ за границу, лечился минеральными водами, возвратился въ Петербургъ больной, долго продолжалъ болѣть и, наконецъ, умеръ. На нашу долю, какъ подлежало, мы отдали ему послѣднюю честь. Нашъ полкъ его хоронилъ, съ придачею нѣсколькихъ орудій гвардейской пѣшей артиллеріи. Отпѣваніе происходило въ нашемъ Преображенскомъ соборѣ. Старшій протоіерей собора, Сицилійскій, по окончаніи отпѣванія, въ то время, когда надѣваютъ на покойниковъ на голову вѣнчикъ, вслѣдствіе сдѣланнаго Микулинымъ предсмертнаго завѣщанія, положилъ къ нему въ гробъ, поданный ему на смотръ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, рапортъ, о которомъ я упомянулъ.

Государь Николай Павловичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, съ огромною свитою генералъ-адъютантовъ, почтили погребальную процессію. Государь, съ великими князьями, далеко провожалъ нашъ

кортежъ и только за Анничковымъ мостомъ, на Литейной, тамъ, гдѣ Литейная пересѣкаетъ Невскій проспектъ, государь остановился и пропустилъ мимо себя всю процессію по направленію къ Невской лаврѣ, гдѣ Микулинъ и похороненъ. Въ память покойнаго, какъ замѣчательнаго тогда полкового командира, который, въ особенности, насъ молодыхъ офицеровъ, такъ сказать, формировалъ для пользы службы, мнѣ не хотѣлось бы выпустить изъ воспоминаній ни одной черты изъ характера Микулина, какъ военнаго дѣятеля, котораго государь Николай Павловичъ нашелъ достойнымъ приблизить даже къ себѣ чрезъ возведеніе его въ званіе своего генералъ-адъютанта.

Службу военную Микулинъ поддерживалъ, какъ говорится, въ полной силѣ слова: всей своей силою, всей своей крѣпостію. Не допускалъ ни малѣйшаго ослабленія по отношенію къ основаніямъ службы военной. Онъ неоднократно, съ характеризующею его энергіею, говорилъ, что «въ военной службѣ должна быть неупустительная строгость, иначе, какъ онъ всегда выражался, весь фундаментъ будетъ развѣзжаться».

Все это Микулинымъ внушалось, въ особенности предъ фронтомъ, въ присутствіи насъ, молодыхъ офицеровъ, съ большою горячіестью. А между тѣмъ, его соотношеніе вообще съ обществомъ офицеровъ было всегда весьма любезное и обходительное. Онъ чрезвычайно слѣдилъ за ненарушимостію чинопочитанія въ полку и, надо правду сказать, что всѣ мы, офицеры, какъ ни были хороши между собою, но на службѣ въ особенности соблюдали, можно сказать, педантическое чинопочитаніе и субординацію; такъ, напримѣръ, нашъ братъ субалтернъ-офицеръ, когда на домашнихъ учевіяхъ въ казармахъ или на ротномъ дворѣ, когда рота выстроена-бывало и ожидаетъ прибытія командира роты, то мы, субалтернъ-офицеры, неунустительно находимся всегда при ротѣ до появленія командира, и какъ только командиръ роты покажется, для него мы тотчасъ командуемъ «мирно» и ротѣ «на плечо!» Это у насъ, въ старину, было уже такъ заведено и никогда не нарушалось.

Впрочемъ, въ тѣ времена не одинъ Микулинъ, но и все военное начальство, всѣ командиры частей войскъ такъ держали своихъ подчиненныхъ; давали такое направленіе, что вообще въ военномъ словіи это такъ было принято. Военное сословіе тогда, какъ будто бы, составляло особенную касту, присвоивъ себѣ въ обязанность быть сословіемъ, которое составляетъ опору государству, охраняетъ его спокойствіе и тишину. Эта крутая военная тогда дисциплина съ этимъ усвоила нашего солдата. Извѣстно, конечно, что тогда вся

ваша Россійская армія состояла изъ отдаваемыхъ помѣщиками въ рекруты людей далеко неодобрительныхъ свойствъ. Надо полагать, что бѣльшая по крайней мѣрѣ часть арміи ими была наполнена. А между тѣмъ эти самые люди, попавшіе, какъ тогда говаривали, подъ красную шапку, этою строжайшею дисциплиною и этою крутою субординаціею передѣлывались и перерабатывались такъ, что этотъ самый бывшій мошенникъ и воръ, — онъ подъ красной шапкой, безразлично, стоялъ на посту; ставился часовымъ и иной разъ довѣрялось ему охраненіе и весьма важное. И я; въ продолженіи всей моей долговременной службы, не помню ни одного случая, чтобы солдатъ, стоя на часахъ, могъ покуситься на кражу. Равномѣрно, чтобы часовой могъ допустить какое-либо сообщничество, чтобы изъ-подъ его охраны могла случиться пропажа, — это было дѣломъ немыслимымъ. Караульный, стоявшій на часахъ, считался какъ бы святынею. Онъ въ руки въ это время ничего принять не могъ. Случалось, что часовому предлагали деньги, желали сдѣлать подарокъ; часовой всегда просилъ дѣлаемое ему приношеніе положить около будки и тогда только его бралъ, когда приходила ему смѣна при разводящемъ ефрейторѣ. Вотъ надъ этимъ-то воспитаніемъ солдата и надъ этимъ его образованіемъ, все наше высшее тогда начальство налегало и корпѣло; а въ особенности нашъ полководецъ Микулинъ, въ этомъ случаѣ, былъ изъ числа самыхъ ярыхъ начальниковъ.

Со всею порядочностію и образованіемъ, генералъ-адъютантъ Микулинъ передъ фронтомъ былъ бѣдовый господинъ. Это была олицетворенная какая-то строгость. При его появленіи передъ фронтомъ не только никто не шевельнется, но цѣлая масса всего строя какъ бы замирала. Я, какъ молодой офицеръ, и служа все время въ строю, былъ постояннымъ не только очевидцемъ, но самъ дѣйствующимъ лицомъ и потому не могу не указать хотя одного примѣра изъ нашей тогда фронтальной выправки и фронтального образованія солдата, а именно:

Я находился тогда въ 1-мъ баталіонѣ и во 2-й ротѣ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Челищева 2-го, который былъ командиромъ этой роты. Нашъ баталіонный командиръ, полковникъ Есиповъ, дѣлалъ однажды въ дворцовомъ манежѣ, что былъ около казармъ нашего 1-го баталіона, домашнее баталіонное ученіе. Баталіонъ экзерцировался тогда дѣланіемъ ружейныхъ приемовъ, какъ внезапно и совершенно неожиданно отворяются двери манежа и въ манежъ входитъ командиръ полка, генералъ Микулинъ. Полковникъ Есиповъ, усмотрѣвъ появленіе командира полка, остановилъ ученіе и коман-

довавъ баталіону «смирно!» По этой командѣ—все замерло. Можно было услышать полетъ мух,—до такой степени водворилась тишина въ манежѣ, гдѣ стоялъ баталіонъ въ тысячу человекъ солдатъ.

Генералъ Микулинъ, услышавъ команду баталіоннаго командира «смирно», приостановился и бросилъ взглядъ на баталіонъ. Онъ смотритъ, а мы, какъ вкопанные, стоимъ и ни единый кутасъ на киверъ солдата не шелохнулся. Весь фронтъ съ обращенными взорами на генерала, мы стоимъ пять минутъ, стоимъ десять минутъ, а генералъ, не здороваясь съ людьми, продолжаетъ всматриваться, а мы все стоимъ недвижны, какъ стѣны манежа. И такимъ образомъ проходитъ, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа. Наконецъ, мы слышимъ голосъ генерала Микулина, который говоритъ полковнику: «не дура, по штани у васъ какъ будто покачиваются, этого не должно быть». Потомъ, вслѣдъ за этимъ, своимъ громовымъ голосомъ крикнулъ баталіону: «здорово молодцы!» На это привѣтствіе люди наши грянули такимъ «здравіа жалаемъ, ваше превосходительство!», что это моментально заглушило весь манежъ и вслѣдъ затѣмъ все опять замерло, какъ въ могилѣ, въ ожиданіи втораго пришествія.

И такъ, вотъ какое было тогда наше фронтовое образованіе. А между тѣмъ, въ тѣ времена солдаты держали ружья въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ и стоять долгое время съ вытянутою рукою подъ прикладомъ, дѣйствительно, было тяжело; но со всѣмъ тѣмъ, все это доводилось до исполненія и надо полагать, что всѣ эти и тому подобныя требованія имѣли свою цѣль и свое основаніе, иначе это и быть не могло. И нельзя же не сознаться, что наши тогдашніе солдатики, усвоенные съ подобною вынравкою и съ такою субординаціею, которая не терпѣла никакихъ обсужденій—вполнѣ, въ тѣ времена, соотвѣтствовали тому, что сказалъ Фридрихъ Великій про русскаго солдата, что «мало того, чтобы убить его, надо еще его толкнуть для того, чтобы онъ упалъ».

Я собрался излагать нашу старинку военной службы, въ которую я поступилъ съ самыхъ раннихъ молодыхъ лѣтъ и потому утверждаю, что старые служивые не только во всѣ прежнія времена нашихъ побѣдоносныхъ кампаній, но и въ знаменательную севастопольскую осаду, показали на дѣлѣ, насколько тогдашняя ружейстика и маршировка могли ихъ усвоить съ такою твердостію и стойкостію, что съ ничтожнымъ оружіемъ, сравнительно съ этими просвѣщенными французскими, англійскими и турецкими войсками, среди смертоноснаго разрушенія, держались 11 мѣсяцевъ. И когда уступили, такъ уступили также точно, какъ нѣкогда уступили въ 1812 году Москву, ежели бы на то не была

воля Божія. Однимъ словомъ, съ такою выправкою, съ такою дисциплиною, которыя существовали въ наше время, найдется-ли ктонибудь, кто бы могъ сказать, что подобное войско, по нынѣшнему времени, не можетъ быть столь пригодно.

И такъ, нашъ полковой командиръ Микулинъ былъ въ числѣ всѣхъ тогда военныхъ начальниковъ—истый, какъ говорится, фронтовикъ. Время было такое. Военная іерархія стояла очень высоко въ государствѣ. Тогда наша святая Русь была какъ бы военной державой. Всѣ дѣятели въ государствѣ, начиная съ государственныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, все это были военные, всѣ были въ военныхъ мундирахъ, а между тѣмъ все это были люди просвѣщенные, все это были люди европейской тогда извѣстности.

Генералъ Микулинъ, не взирая на эту всеобщую односторонность яраго фронтовика, былъ достойнымъ представителемъ въ обществѣ, находясь во главѣ такихъ, могу сказать, просвѣщенныхъ офицеровъ, которые составляли тогда Преображенскій полкъ. Надо сказать кстати, что Преображенскій полкъ, какъ то издревле было, всегда отличался составомъ лучшихъ русскихъ дворянскихъ фамилій.

Микулинъ происходилъ самъ изъ хорошей дворянской фамиліи, можетъ быть не богатой; но, достигнувъ высокаго званія генералъ-адъютанта государя Николая Павловича, онъ съ гордостію носилъ это званіе. Но когда случалось ему находиться среди насъ, офицеровъ, онъ не столько гордился своею выслугою, сколько соотношеніями дворянства и не разъ говаривалъ и очень серьезно, что намъ, какъ онъ выражался, столбовымъ дворянамъ, «намъ надо во всякомъ званіи высоко сохранять свое дворянское достоинство».

Микулинъ любилъ угостить своихъ офицеровъ, въ особенности послѣ какого нибудь смотра, которымъ государь оставался нашимъ полкомъ вполне доволенъ,—тогда онъ задавалъ намъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ, ничего не жалѣя, и русская барская натура вполне высказывалась.

Не могу забыть, когда Микулинъ, будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, сдавалъ нашъ полкъ новому нашему полковому командиру, генералъ-маіору барону Мунку, когда за обѣдомъ онъ подвигалъ къ намъ его послѣдній прощальный бокалъ съ шампанскимъ и хотя даръ слова его никогда не оставлялъ, но тутъ онъ могъ только произнести одно: «какой полкъ, что за офицеры, что за молодежь! я тебѣ передаю, Мункъ». И договорить не могъ, у него слезы навернулись на глазахъ, а всеобщія, единодушныя въ это время крики «ура!» заглушили его смятеніе.

Добрую оставилъ по себѣ память командиръ Преображенскаго полка, генералъ-адъютантъ Василій Яковлевичъ Микулинъ, всѣмъ тѣмъ, кто въ его время и подъ его начальствомъ служили. И надо полагать, въ особенности, по высокому вниманію, оказываемому Микулину государемъ Николаемъ Павловичемъ, ежели-бъ не скорая его кончина, то въ военной іерархіи онъ тогда имѣлъ-бы гораздо большее значеніе.

Генералъ-лейтенантъ Д. Г. Боломольцевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ЕГО СТАРАГО ОФИЦЕРА

въ 1831—1846 гг.

IV ¹⁾.

Послѣ генерала Микулина, я не могу пройти молчаніемъ личностей нашихъ старшихъ офицеровъ, которые въ моихъ воспоминаніяхъ болѣе или менѣе всѣ имѣютъ связь съ прошлымъ, по служенію общему нашему въ Преображенскомъ полку.

По вступленіи моемъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, въ 1834 году, я засталъ командиромъ 1-го баталіона полковника П. П. Есипова. Онъ былъ изъ старыхъ тоже офицеровъ Преображенскаго полка, опредѣлившимся въ полкъ чуть-ли не съ юнкерскаго чина.

Полковникъ Есиповъ былъ еще молодымъ человѣкомъ и красавецъ мужчина во всей силѣ слова. Онъ слылъ тогда по Петербургу, подъ названіемъ le beau Есиповъ. Это былъ человѣкъ хорошаго тона, посѣщающій большой свѣтъ и постоянно приглашаемый на такъ называемые маленькіе вечера Аничковскаго дворца. Приглашенія эти дѣлались постоянно по назначенію самой императрицы. Полковникъ Есиповъ считался въ числѣ кавалеровъ императрицы, сколько мнѣ теперь вспоминается, въ числѣ кавалергардскаго полка поручика князя Трубецкаго, конной гвардіи Свистунова и нашего полка, князя Александра Голицына, которые всѣхъ чаще удостоивались чести танцовать съ императрицей.

Петръ Петровичъ Есиповъ былъ очень хорошій и благородный господинъ, котораго мы всѣ уважали. Я имѣлъ честь служить въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 273—310.

1-мъ баталіонѣ подѣ его начальствомъ и кромѣ полнаго къ нему уваженія, ничего не сохраняется въ моихъ воспоминаніяхъ.

Полковникъ Есиповъ былъ одинъ изъ отличныхъ штабъ-офицеровъ по службѣ. Впослѣдствіи, онъ былъ произведенъ въ генерал-майоры, назначенъ командиромъ одной изъ армейскихъ бригадъ и с того времени я болѣе съ нимъ не видѣлся.

Командиромъ 2-го баталіона нашего полка я засталъ очень короткое время полковника Штейнвера, человека пожилого, болѣномъ. Онъ вскорѣ послѣ того скончался. Полковникъ Штейнверъ, хотя и не былъ кореннымъ преображенскимъ, но, какъ извѣстно было, онъ былъ человекъ уважаемый; а по отношенію службы — отличный и старого закала штабъ-офицеръ.

Командиромъ 3-го баталіона я засталъ полковника Д. Н. Бѣлявцова. Къ нему, по производствѣ моемъ въ офицеры, я прямо, въ 1834 г., попалъ въ баталіонъ, въ 9-ю фузилерную роту штабъ-капитана Раевского.

Полковникъ Бѣлявцовъ тогда былъ тоже изъ числа людей молодыхъ иди, по крайней мѣрѣ, средне-молодыхъ и еще не женатый. И хотя онъ не блисталъ на балахъ и вечерахъ, но былъ господинъ умный, образованный и совершенно порядочный человекъ. Онъ произведенъ въ полковники изъ капитановъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка съ переводомъ къ намъ въ полкъ, еще до моего поступленія.

Нашъ 3-й баталіонъ былъ расположенъ рядомъ съ Таврическимъ садомъ, но въ дальнемъ разстояніи отъ Таврическаго дворца, въ пространныхъ казармахъ, которыя именовались Таврическими.

Тутъ находился фуражный дворъ и все полковое хозяйство. Кромѣ того имѣлись довольно пространныя офицерскія казармы и затѣмъ, еще небольшой двухъ-этажный, тоже каменный, домикъ, который, не знаю почему, вѣроятно по его скупности, всѣ привыкли именовать полудомикомъ. Въ немъ помѣщался всегда баталіонный командиръ и въ нижнемъ этажѣ нашъ полковой штабъ-лекаръ.

Таврида, — такъ въ мое время мы именовали наши Таврическія казармы по отдаленности ихъ отъ центра города и отъ нашихъ казармъ 1-го баталіона, расположенныхъ около дворца, — эта Таврида составляла, такъ сказать, наше эльдорадо. Тутъ жили чуть-ли не двѣ трети офицеровъ всего полка. Житіе въ Тавридѣ для насъ, офицеровъ, было привольное, такъ какъ это былъ уголокъ на краю города, вдали отъ петербургскаго шума. Въ Тавриду, въ тѣ времена, рѣдко кто забирался; это считался дальній край и въ этомъ районѣ, кромѣ офицерства нашего полка и офицеровъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, которыхъ казармы находились въ близкомъ разстояніи отъ

нашихъ, никого, кромѣ простого народа, какъ-то не было видно. Тогда эта вся мѣстность считалась просто глушь.

Рядомъ съ полудомикомъ, въ которомъ обиталъ нашъ баталіонный командиръ 3-го баталіона, было огромное зданіе, въ которомъ находился весь нашъ полковой лазаретъ и, кромѣ того, больные лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка. Въ этомъ же самомъ зданіи находилась тоже наша полковая библіотека и дежурная комната для офицеровъ дежурнаго по полку и по 3-му баталіону вмѣстѣ. Въ этой дежурной комнатѣ часто тоже собирались наши офицеры и проводили иногда цѣлые вечера за чтеніемъ.

Однимъ словомъ, въ Тавридѣ жилось какъ-то отдѣльно; собиралось и группировалось большинство нашихъ офицеровъ. Пріѣзжали иногда наши офицеры съ Миліонной, когда некуда было дѣваться, и товарищи другихъ полковъ, и все это вмѣстѣ проводили цѣлые вечера, въ разнообразныхъ занятіяхъ и за игрой въ карты, или за музыкой, или въ болтовнѣ; тогда была мода въ игрѣ словъ или каламбурахъ, и молодежь острилась; а иногда и въ выпивкѣ холодненькаго. Все это, дружелюбно, безцеремонно и, какъ говорится, на распашку.

Полковникъ Бѣлявцовъ былъ человѣкъ гостепріимный, пріятный, и его всѣ очень любили. Онъ былъ тогда въ Тавридѣ какъ бы нашимъ пѣстуномъ. Конечно, нашъ братъ, мы тогда были еще слишкомъ молоды, чтобы подходить подъ паралель ему современныхъ сослуживцевъ, но не менѣе того, мы всѣ сохранили о полковникѣ Бѣлявцовѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Полковникъ Бѣлявцовъ изъ нашего полка былъ произведенъ въ генералы. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку и женился. А по открытіи севастопольской кампаніи, Бѣлявцовъ, какъ извѣстно, былъ начальникомъ курскаго ополченія, которое особенно отличилось. Поэтому, тогдашнее время, какъ мнѣ теперь вспоминается, начиная съ 1834 г., 1835, 1836 г. и такъ дагѣе, это было время самой оживленной, самой веселой пашей тогдашней молодой жизни. Публичныя увеселенія и въ особенности представленія, даваемые на императорскихъ театрахъ, начинали у насъ тогда приходить, какъ говорится, въ самый разгаръ, еще болѣе и потому, что частое посѣщеніе театровъ государемъ Николаемъ Павловичемъ и всѣми членами царской фамиліи, вообще всѣ публичныя тогда увеселенія воспроизвели въ публикѣ самую оживленную общественную жизнь; все это воспоминанія нашего житія офицерскаго.

Изъ театровъ въ эти годы, сколько я теперь припоминаю, были только Александринскій и Михайловскій; а затѣмъ, никакихъ болѣе

театровъ въ Петербургѣ не существовало. Большой каменный театръ, я не могу теперь хорошенъко припомнить, или только что отстроивался, или его исправляли.

На Александринскомъ театрѣ, гдѣ сцена была обширнѣе, чѣмъ на Михайловскомъ, давались большею частію оперы и балеты. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстные дни ставились на эту сцену и давались пьесы появлявшихся изъ-подъ пера нашихъ тогда знаменитыхъ русскихъ писателей Грибоѣдова, Гоголя и другихъ.

И то сказать, въ то время русская сцена была обставлена такою группою актеровъ, которыхъ можно было смѣло именовать не только артистами, но великими талантами, напримѣръ: семейство Каратыгинныхъ, Самойловы, Сосницкіе, Дюръ, Мартиновъ, впоследствии Максимовъ и другіе таланты, которыми нынѣшняя русская сцена никого и въ паралель поставить не въ состояніи, какъ равно знаменитый голосъ въ оперѣ и такой талантъ, какъ былъ тогда нашъ Петровъ.

На Михайловскомъ театрѣ давались постоянно французскія пьесы и Михайловская сцена украшалась тоже французскими талантами, явившимися къ намъ изъ Парижа.

Въ тѣ времена, молодежь гвардейскаго корпуса казалась какой-то увлекающейся; ибо офицеры переполняли театры своими ежедневными посѣщеніями. Къ тому же и дешевизна была непомерною въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ! Я очень хорошо помню, что креслы 1-го ряда тогда стояли 5 рублей на ассигнаціи и ложи соответствовали такой же дешевизнѣ.

При посѣщеніи офицерами театровъ, гвардейскіе офицеры, по крайней мѣрѣ мы, офицеры Преображенскаго полка, всегда посѣщали театры не иначе, какъ въ мундирахъ; это тогда какъ бы вошло въ этикетъ; а въ особенности въ Михайловскомъ театрѣ, — тамъ обязательно, иначе нельзя было бывать какъ въ мундирахъ. Все это было принято, потому что театры часто бывали посѣщаемы членами императорской фамиліи, которые постоянно пріѣзжали въ театры въ мундирахъ; я, по крайней мѣрѣ, за всю мою службу въ гвардіи, не помню, чтобы я когда нибудь видѣлъ въ спектаклѣ государя Николая Павловича, или наследника, или великаго князя Михаила Павловича иначе, какъ въ мундирахъ.

Впрочемъ, при одномъ только воспоминаніи о томъ вѣкѣ, при одномъ воспоминаніи о прошломъ времени по отношенію обычая тогдашняго свѣта, по этой обстановкѣ общественнаго приличія, которое всегда видѣлось какъ бы преобладающимъ не въ одномъ только извѣстномъ сословіи, ей-ей, чувствуешь себя не въ состояніи всего достаточно передать!...

Гвардейскіе офицеры тогда все это были какіе-го бары.... все это отличалось изящностію, все это отличалось щегольствомъ, и дѣйствительно, что была за прелесть видѣть партеръ въ театрѣ, переполненный офицерами гвардіи, въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ всѣхъ оружіи!

Большая часть гвардейской молодежи, съ какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ тогда увлеченіемъ, предавалась балетнымъ спектаклямъ.

Нынѣ, Александринскій театръ, относительно говоря, бѣденъ талантами. Тогда же эта самая сцена украшалась расадникомъ молодыхъ кордебалетныхъ танцовщицъ. Театральная школа находилась въ зданіи совершенно рядомъ съ Александринскимъ театромъ. Намъ извѣстно было хорошо, что оттуда поступаютъ на сцену всѣ эти дѣвы въ прозрачныхъ костюмахъ, которыя свертывали тогда молодежи головы, какъ вихрь вертитъ песочный столбъ.

Все тогдашнее офицерство, какъ я теперь вспоминаю, точно будто бы невѣдомой тогда силой было увлекаемо. Я не исключаю, впрочемъ, даже и старшихъ, и самый тогдашній нашъ генералитетъ: ибо наши полководцы и дивизіонеры не пропускали ни одного балетнаго спектакля... Тогда было какое-то всеобщее увлеченіе. Тогда ставлялись на сцены театра одна за другой такія балетныя пьесы, которыя положительно производили фуроръ всеобщій!.. «Робертъ-Діаволь», «Возстаніе въ серали», «Влюбленная баядерка» и другія производили общее очарованіе.

«Робертъ-Діаволь», опера, появившаяся къ намъ изъ Парижа, гдѣ ее, какъ тогда было слышно, давали на сценѣ подъ рядъ до 120 разъ, чего она не избѣгла и на нашей русской сценѣ; сколько мнѣ вспоминается, по крайней мѣрѣ у насъ ее давали до ста разъ къ ряду.

Этотъ «Робертъ-діаволь» знаменитъ былъ, во первыхъ, своей прелестной музыкой; а главное, 3-е дѣйствіе этой оперы было у насъ обставлено такими очаровательными и соблазнительными танцами, что не одна только изъ молодыхъ головъ могла тогда вскружиться!

Одно время было такое неимовѣрное увлеченіе этимъ «Робертомъ», въ чемъ я могу сослаться на мнѣ современныхъ сослуживцевъ, которые это должны помнить очень хорошо. Это было какое то общее въ публикѣ сумасшествіе, безумное увлеченіе, которое заставило многихъ молодыхъ людей изъ служившихъ въ гвардіи потерять ихъ карьеры и, между прочимъ, одинъ изъ нашихъ преображенскихъ офицеровъ, молодой малый, прекрасно-образованный, хорошо учившійся, мнѣ современный товарищъ и пріятель, нѣкто прапорщикъ

или подпоручикъ нашего полка Никитинъ, погибъ, какъ говорится, во цвѣтѣ лѣтъ!

Никитинъ до того привязался къ одной изъ этихъ театральныхъ прелестныхъ нимфъ, что онъ себя уже не помнитъ! И что же это была за нимфа такая? Она въ то время не была еще выпущенною изъ театральной школы, а только, для пополненія коръ де балета, фигурировала въ числѣ другихъ, какъ красивая и граціозная дѣвочка. Она участвовала именно въ тѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, которыя въ 3-мъ дѣйствіи Роберта соблазняли его всѣми возможными граціями, принуждая сорвать заколдованную вѣтку.

Когда теперь все это мнѣ вспоминается, я не могу пройти молчаніемъ, чтобъ не сказать, что кромѣ молодежи офицеровъ, въ то время вся петербургская публика, во время этой сцены, всѣ сидѣвшіе въ креслахъ и ложахъ, всѣ приходили въ какой-то не только восторгъ, но азартъ! И дѣйствительно, эффектъ былъ поразительно очаровательный. На сценѣ виднѣлись развалины древняго замка, разрушающееся кладбище, устланное гробами и могилами усопшихъ. И вдругъ, при свѣтѣ восходящей на небѣ луны, начинаютъ постепенно вставать изъ гробовъ мертвецы; внезапно сбрасываютъ съ себя саваны и, переобразовавшись въ прелестныхъ дѣвъ, при блудящихъ по кладбищу огонькахъ, приступаютъ соблазнять Роберта всѣми возможными обольщеніями, которыя только могла природа произвести на чувства и ощущенія человѣческія.

Я очень хорошо помню всю продѣлку тогдашняго выходящаго, такъ сказать, изъ ряда волокитства за актрисами. Мимика офицеровъ изъ партера со сценой была доведена до утонченности. Потомъ, какъ офицеры, по окончаніи спектакля, собирались у театрального подѣзда, дожидались выхода актрисъ, подсаживали ихъ въ кареты и потомъ провожали кареты до мѣста ихъ жительства.

Одно, чего еще не доставало, это то, чтобы кто нибудь изъ офицеровъ не проникъ въ театральную школу, такъ какъ она находилась рядомъ съ театромъ. Но, кажется, это было уже недоступно и недосыгаемо! Такой поступокъ тогда, пожалуй, могъ бы быть принятъ почти какъ святотатство; и притомъ театральная дирекція была, какъ говорится, себѣ на умѣ; она очень хорошо видѣла всеобщее увлеченіе и чувствовала всю театральную отъ этого выгоду въ денежномъ отношеніи, почему оставалась равнодушною при видѣ подсаживанія офицерами актрисъ въ кареты, ихъ провожаніе, ибо эти актрисы были уже внѣ школы. Но тѣ, которыя находились еще театральными воспитанницами, за этими, во время этого заразительнаго увлеченія, присмотръ былъ усиленъ, на подобіе католическихъ монастырей.

Провожаніе каретъ съ актрисами офицерами послѣ каждого спектакля, хотя не было сопряжено ни съ какими произшествіями, ни скандалами, но такъ распространилось въ петербургской публикѣ, что неминуемо должно было дойти до высшихъ сферъ, и притомъ с.-петербургскій оберъ-полиціеимейстеръ, генералъ-адъютантъ Кокоскинъ, имѣлъ тогда свой камертонъ, по которому было установлено въ Петербургѣ какъ порядокъ, такъ и всякое движеніе.

Поэтому, какъ только дошло до великаго князя Михаила Павловича, что офицеры послѣ каждого спектакля провожаютъ кареты съ актрисами, дожидаясь у подъѣзда выхода актрисъ и посаживая ихъ въ кареты, его высочество, тотчасъ отдалъ строжайшій приказъ по гвардейскому корпусу, что ежели кто изъ офицеровъ, послѣ отданія этого приказа, будетъ замѣченъ у подъѣзда ожидающимъ выхода актрисъ или провожать ихъ въ каретахъ, тотъ будетъ преданъ военному суду.

Эта мѣра разомъ прекратила процедуру встрѣчъ и проводовъ актрисъ. Но сердечныя чувства оставались не подсудными! Нашъ бѣдный Никитинъ, я не помню уже, какъ онъ сажалъ свою дульцинею въ карету и какъ онъ нѣсколько шаговъ могъ ее провожать до школы, но приказъ этотъ лишалъ его окончательно послѣдней отрады, драгоценнаго свиданія на подъѣздѣ театра съ возлюбленнымъ имъ существомъ!

Послѣ того, онъ сталъ страшно задумываться и сдѣлался совершенно другимъ, чѣмъ всѣ его знали, такъ что не только мы, его товарищи, но начальство стало замѣчать въ немъ перемѣну и какъ будто какое-то болѣзненное состояніе.

Конечно, какъ юноша, онъ влюбился той пылкой любовью, которая, какъ говорятъ, удержу не подвластна! И такъ какъ, по отданіи великимъ княземъ приказа, онъ не имѣлъ возможности, хотя на секунду, повидаться съ своей возлюбленной, ибо у подъѣздовъ актрисъ стояли нарочно назначенные жандармы, а другого случая быть не могло, почему, какъ мы узнали впоследствии, вся его задумчивость происходила отъ того, что онъ придумывалъ и ломалъ себѣ голову, за чтобы-то ни стало, проникнуть въ театральную школу, хотя-бы за пять минутъ свиданія и переговоровъ съ своей возлюбленной.

Но казалось-бы, какъ проникнуть въ театральную школу, ежели-бы даже эта Сильфида, (я теперь вспомнилъ ее фамилію: Федорова), могла чрезъ закулисныхъ сторожей или школьныхъ прислужницъ передать Никитину желаніе съ нимъ лично промолвить нѣсколько словъ. Но, вѣроятно, въ театральную школу къ воспитанницамъ, изъ постороннихъ личностей или гостей мужчинъ не допускали, а тѣмъ

болѣе офицеру,—это было-бы уже совершенно бессмысленнымъ. Но видно, тяжкая любовь, какъ голь, на выдумки хитра. Попадъ-же нашъ Никитинъ въ театральную школу, какъ мы о томъ достовѣрно потомъ узнали! Но надо-же было быть пораженнымъ и такою бѣшеною страстію, чтобы рѣшиться на такія мѣры, какія онъ для этого принялъ.

Въ Петербургѣ, въ прежнее время, какъ это могутъ помнить многіе изъ старожилъ, шатались по закоулкамъ и переулкамъ заселенныя старухи съ корзинами въ рукахъ, въ которыхъ находились черносливъ, нанизанный на лучинку, и печенныя яблоки. Черезъ кого и какъ Никитинъ могъ узнать, что эти замарашки старухи ходятъ въ театральную школу и воспитанницамъ продаютъ эти фрукты, мы никогда этого узнать не могли.

Между тѣмъ впослѣдствіи мы узнали достовѣрно, что нашъ прапорщикъ Никитинъ костюмировался въ заселенную старуху, съ поддѣльными на головѣ сѣдыми волосами, съ корзинкой, полной чернослива, нанизаннаго на лучипкахъ, и печеными яблоками, и такимъ образомъ, неузнанный, онъ проникъ въ театральную школу и провелъ нѣсколько часовъ съ обожаемымъ имъ предметомъ.

Мы, товарищи, все это узнали впослѣдствіи совершенно вѣрно; во только никакъ не отъ самаго Никитина, ибо въ этомъ онъ никогда не хотѣлъ сознаться.

И такъ, все это оставалось тогда недознаннымъ и безъ всякихъ послѣдствій и лишь только въ театральномъ мірѣ и между товарищами театрами это было извѣстно.

А между тѣмъ, какъ говорить русская пословица: что купилъ пошелъ по воду, тамъ ему и сломить голову; такъ и случилось, что нашъ Никитинъ послѣдней выкинутой имъ вновь штукой, въ театрѣ, доконалъ себя окончательно.

Государь Николай Павловичъ. въ тѣ времена, какъ извѣстно, ежедневно присутствовалъ при разводахъ съ церемоніею полковъ. Мы въ это время занимали караулы въ Петербургѣ по зарѣчному положенію. Зарѣчное положеніе называлось то, когда на нѣкоторое время прекращалось сообщеніе съ другою частию города по случаю разведенныхъ мостовъ на Невѣ и тогда наши полки занимали караулы по этой части города, а за рѣкой содержали караулы квартирующіе тамъ полки лейбъ-гвардіи гренадерскій и финляндскій.

Разводъ съ церемоніею давался, этотъ разъ, отъ нашего полка. И въ этомъ случаѣ мы занимали караулы не цѣлымъ полкомъ сразу, а однимъ баталіономъ, на примѣръ, сегодня, а другимъ—завтра. Поэтому и одна половина офицеровъ нашего полка идетъ сего дня

а другая насъ смѣняетъ завтра. Но при разводѣ присутствовали и парадировали офицеры всего полка.

Баталіонъ былъ выстроенъ на площади Инженернаго замка. Начальникомъ нашей первой гвардейской дивизіи былъ тогда генералъ-адъютантъ Исленьевъ, который, до поступленія моего въ полкъ, командовалъ нашимъ полкомъ и сдалъ его Микулину. Поэтому онъ хорошо зналъ всѣхъ офицеровъ преображенскаго полка.

Такъ какъ разводъ давался отъ полка дивизіи генерала Исленьева, то онъ пріѣхалъ къ разводу ранѣе другихъ, обошелъ весь фронтъ и не только могъ видѣть тѣхъ офицеровъ, которые заступали занимать караулы, но онъ продѣлалъ репетицію личнаго явленія къ государю заступающихъ въ караулы офицеровъ. И нашъ прапорщикъ Никитинъ, какъ заступающій тоже въ караулъ, подходилъ къ генералу Исленьеву въ числѣ прочихъ и рапортовалъ о томъ, какой караулъ онъ идетъ занимать.

Я теперь, натурально, не имѣю возможности припомнить куда Никитинъ шелъ въ караулъ, но что въ этотъ день онъ занималъ караульный постъ—это дѣйствительно. Разводъ сошелъ, въ присутствіи государя, совершенно хорошо. Мы, офицеры, долженствовавшіе въ свою очередь, завтра заступать въ караулъ, мы, развѣзаясь съ развода, вспомнили, что сегодня дается въ театрѣ опера «Робертъ-Дьяволъ» и потому всѣ крайне были удивлены какъ могъ Никитинъ не помѣняться съ кѣмъ нибудь изъ насъ, чтобъ ему быть сего дня свободнымъ и не ходить въ караулъ, ибо его всѣ знали, какъ театралъ самого яраго, который не можетъ пропустить ни одного спектакля. Почему же это могло случиться, у насъ въ казармахъ, до самого вечера, происходилъ между собою споръ по разъясненію этой загадки, въ особенности, какъ я теперь помню, со стороны одного изъ нашихъ товарищей, нѣкоего подпоручика Аркадія Похвиснева, одного изъ милѣйшихъ, чрезвычайно остроумныхъ и пріятныхъ собесѣдниковъ и въ то же время завзятаго также театрала.

И такъ, въ этотъ вечеръ, большая часть насъ присутствовали на представленіи нашего тогда всѣми любимаго «Роберта». Я выше говорилъ, что наше все высшее начальство рѣдко пропускало одинъ изъ подобныхъ спектаклей, поэтому и этотъ разъ нашъ дивизионеръ, генералъ-адъютантъ Исленьевъ, сидѣлъ въ первомъ ряду.

Первый и второй акты «Роберта-Дьявола» прошли какъ слѣдуетъ. Вдругъ, въ моментъ самаго поднятія занавѣса въ 3-мъ актѣ и представленія той сцены, въ которой при лунномъ освѣщеніи, съ полуночи, видѣются развалины древняго замка, кладбище, могилы и гробы усопшихъ, внезапно является въ театръ нашъ Никитинъ.

Появленіе это и самая неожиданность обудила насъ всѣхъ какимъ-то поражающимъ удивленіемъ; никто не могъ думать, чтобы онъ покинулъ постъ.

Во первыхъ, Никитинъ имѣлъ уже извѣстность въ театральной публикѣ патентованнаго, такъ сказать, театрала, а къ этому, молодой человѣкъ не дурень собой, стройный, головная прическа на манеръ Букингама, слегка волосы назадъ; въ новенькомъ щегольскомъ мундирѣ, конечно безъ караульнаго шарфа; на рукахъ какъ снѣгъ бѣлыя перчатки, трехъ-угольная шляпа подъ мышкой,—онъ прошелъ серединою партера съ такой выразительной ловкостью, что не взирая на то, что занавѣсъ взвился, всѣ взоры публики невольно на него были обращены!

Но Никитинъ, какъ бы не замѣчая никого, взомелъ въ 1-й рядъ креселъ и сѣлъ на свое мѣсто, какъ нарочно, рядомъ съ генераль-адъютантомъ Исленьевымъ, приложилъ свой чудовищный бинокль къ глазамъ и впился, такъ сказать, въ представляющуюся сцену.

Конечно, сцена 3-го дѣйствія «Роберта», какъ я уже выше говорилъ, была болѣе, чѣмъ очаровательною, и нашъ дивизионеръ Исленьевъ былъ тоже изъ тѣхъ личностей, которыя поддаются нѣжнымъ ощущеніямъ, но со всѣмъ тѣмъ, появленіе прапорщика Никитина изъ караула въ театрѣ, оставивъ свой постъ, не могло не поразить удивленіемъ! А вмѣстѣ не могла не смутить его еще и смѣлость офицера явиться въ публику и сѣсть въ 1-й рядъ креселъ, рядомъ съ своимъ непосредственнымъ и старшимъ начальникомъ!

Генераль-адъютантъ Исленьевъ былъ тогда извѣстенъ какъ личность, отличающаяся своимъ барствомъ и своимъ происхожденіемъ. Исленьевъ, не взирая на свое значеніе, былъ сдержанъ...

Какъ только окончился 3-й актъ и занавѣсъ началъ спускаться при страшномъ тогда шумѣ, рукоплесканіи и вызовахъ, Исленьевъ не успѣлъ, я думаю, опомниться, какъ Никитина въ театрѣ уже не было.

На другой день, я, въ числѣ прочихъ нашихъ офицеровъ, заступалъ въ городской караулъ. Нашъ баталіонъ точно также былъ выстроенъ на площади инженернаго замка, для развода съ церемоніею. Генераль-адъютантъ Исленьевъ также точно, какъ начальникъ дивизіи, явился ранѣе другихъ; обошелъ всѣхъ насъ во фронтѣ и никто изъ насъ не замѣтилъ въ немъ и тѣни къ возбужденію вчерашней, серьезной однако, продѣлки со стороны прапорщика Никитина.

Такимъ образомъ, прошелъ завтрашній и нѣсколько послѣдующихъ дней. Кромѣ начальника дивизіи и офицеровъ нашихъ, ни-

кто, конечно, этого знать не могъ. Очень естественно еще и то, что къ этому могло способствовать и зарѣчное положеніе, тѣмъ, что кромѣ своихъ, своего полка, никто не могъ догадаться, кто изъ офицеровъ въ день спектакля находился въ караулѣ; слѣдовательно, возбужденіе должно было быть отъ Исленьева, а онъ молчалъ. Никитинъ, какъ порядочный господинъ, онъ тотчасъ доめкнулъ, что ему оставаться въ полку неудобно. Вскорѣ отпрапортовался больнымъ и вслѣдъ затѣмъ подалъ переводъ въ армію, въ войска, дѣйствующія на Кавказѣ.

Странное дѣло, что такая за страна былъ тогда Кавказъ! Всякій, кто только начиналъ ощущать невзгоду въ жизни, спѣшилъ на Кавказъ; тотъ, кто безнадежно влюбился, летѣлъ на Кавказъ; тотъ, кто въ Петербургѣ, бывало, надѣлаетъ какихъ-либо глупостей, избираетъ мѣстомъ жительства тотъ же Кавказъ!

Истинно, тогда Кавказъ составлялъ какъ будто страну утоленія печалей; и дѣйствительно, въ наше тогда время, многіе изъ молодыхъ людей полной жизни утолили свои печали, такъ что болѣе и не возвращались на свѣтъ Божій!

Такъ, нашъ Никитинъ, будучи переведенъ въ одинъ изъ полковъ кавказскихъ, вскорѣ сложилъ свою воспаленную головушку, именно, чуть ли не въ первый даже годъ, въ одной изъ экспедицій былъ убитъ на полевѣ.

Засимъ, я возвращаюсь къ продолженію описанія, въ короткихъ изложеніяхъ, тѣхъ личностей по служенію въ Преображенскомъ полку, которыя въ свое время пользовались полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ по достоинству своихъ заслугъ какъ отъ высшаго начальства, такъ и отъ современнаго имъ общества.

V.

Кромѣ выше описанныхъ мной баталіонныхъ командировъ, которыхъ я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ, я считаю долгомъ воскресить моими воспоминаніями память двухъ нашихъ младшихъ штабъ-офицеровъ, съ которыми я началъ мое служеніе въ Преображенскомъ полку, вполне достойныхъ искренняго уваженія, какъ люди по своимъ душевнымъ качествамъ и какъ отличные служивые тѣхъ временъ.

Начну съ полковника В. И. Назимова, считавшагося издревле кореннымъ Преображенскимъ офицеромъ. Онъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ въ 1818-мъ или 1819 году, изъ дворянъ хорошей русской фамиліи, но не богатой, ибо ихъ было

много братьевъ и всѣ служили въ военной службѣ, преимущественно въ артиллеріи.

Нашъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ былъ человекъ души великодушнѣйшей и въ полномъ смыслѣ высокаго благородства. Какъ штабъ-офицеръ военной тогда службы, онъ былъ у великаго князя Михаила Павловича на счету отличнѣйшаго штабъ-офицера. А такъ какъ военная служба въ тѣ времена, и въ особенности служба въ гвардіи, имѣла великое значеніе, потому что вообще, какъ я уже сказалъ, служба военная стояла на высокой степени отличія въ государствѣ, то очень натурально, что цѣль каждого служащаго въ военной службѣ состояла въ томъ, чтобы добиваться повышеній и отличій; а отличія тогдашней военной службы давали отличительныя положенія въ обществѣ и въ жизни. Не говоря уже о, такъ сказать, избранныхъ офицерахъ, получающихъ званіе флигель-адъютантовъ государя и тѣмъ счастье быть приближенными къ высочайшимъ особамъ; но вообще, отличенный офицеръ военной службы, получалъ значущія изъ значенія, напримѣръ, начальствованіе надъ полкомъ, не упоминая уже о командирѣ гвардейскаго полка, что давало, можно утвердительно сказать, въ тѣ времена, почетное положеніе не только у насъ, но и во всей просвѣщенной того времени Европѣ. Гдѣ ни покажись бывало, за-границей, русскій военный, въ особенности въ чинѣ полковника, вездѣ и всюду уважали иностранцы русскихъ военныхъ и военныя заслуги, и всегда относились съ подобающею почестью; а къ русскимъ генераламъ и подавно, ибо тогда было еще свѣжо въ памяти самыя 1812 годъ и этотъ разсадникъ тогдашнихъ блестящихъ нашихъ генераловъ, защитниковъ Москвы и Святой Руси.....

Назимовъ, въ дѣйствительности, былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ строевыхъ офицеровъ; но не имѣя ни фортуны, ни выдающихся силъ, онъ никогда не могъ мечтать о такой карьерѣ, какую онъ впоследствии составилъ. Для него начальствованіе какимъ-либо изъ армейскихъ полковъ въ это время скорѣе всего могло быть доступнымъ. И такъ какъ армейскіе полки квартировали постоянно въ провинціяхъ, то Назимову, какъ человѣку, далеко не богатому, такое изъ значеніе могло тогда вполне соответствовать его положенію тѣмъ, что дешевизна провинціальной жизни дала бы ему еще болѣе возможности помогать своимъ престарѣлымъ родителямъ, какъ это онъ неупустительно всегда дѣлалъ.

Съ этой цѣлю, сколько мнѣ теперь припоминается, полковникъ Назимовъ два раза подавалъ прошеніе о переводѣ его въ одинъ изъ армейскихъ корпусовъ, потому что перешедшимъ изъ гвардіи полковникамъ, при открытіи вакансій на полковаго командира, скорѣе

давали полки въ командованіе. Но великій князь Михаилъ Павловичъ всегда дорожилъ отличными офицерами, почему оба раза не изъявилъ согласія на переводъ полковника Назимова изъ гвардіи въ армію, все по тому и одному же принципу, что полковникъ Назимовъ необходимъ, какъ приносящій пользу службѣ въ гвардіи. А къ тому и судьба, которую, какъ говорятъ,—не преддешь, судила иное....

Я теперь хорошенъко не припомню, но мнѣ кажется, что это было въ 1836 или 1837 году, но только это было около этого времени, что наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, для изученія строевой службы, требовался хорошій штабъ-офицеръ. По повелѣнію государя о назначеніи такого штабъ-офицера, великій князь Михаилъ Павловичъ указалъ на полковника Назимова. А можетъ быть справедливы и тѣ слухи, которые по этому случаю въ то время ходили, что старый сослуживецъ Назимова, тоже бывшій Преображенскій офицеръ, Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, въ то же время состоявшій при наслѣдникѣ цесаревичѣ, доложилъ его высочеству о Назимовѣ, какъ о своемъ товарищѣ, который по Преображенскому полку ему хорошо извѣстенъ, и въ такомъ случаѣ, по желанію уже самаго цесаревича, Назимовъ долженъ былъ поступить къ его высочеству инструкторомъ по строевой части.

Такъ или иначе, но въ эти годы, какъ я сказалъ, вышелъ приказъ по гвардейскому корпусу, въ которомъ было сказано, что полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка Назимовъ откомандировывается изъ полка, которому и состоятъ при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ.

Когда вышелъ приказъ по полку, Назимовъ поспѣшилъ представиться государю наслѣднику и потомъ онъ самъ рассказывалъ намъ въ полку, что онъ былъ въ упоеніи счастія отъ пріема, ему сдѣланнаго государемъ цесаревичемъ, наслѣдникомъ престола. Эта характеризующая ангельская доброта цесаревича, кого же она могла тогда не очаровывать?—мы, всѣ и каждый изъ насъ, на себѣ это ощущали...

Полковникъ Назимовъ былъ въ восторгѣ отъ своего новаго положенія и не малое число достойныхъ офицеровъ гвардіи ему завидовали. Впрочемъ и было чему завидовать, состоятъ при особѣ кого же? цесаревича Александра Николаевича,—это восходящее солнце Россіи!....

Назимову оставалось только, какъ говорится, всей силою и всей крѣпостію своей души сдѣлаться достойнымъ вниманія цесаревича и тѣмъ заслужить его милости. И кажется Назимовъ ничего не упустилъ; онъ, дѣйствительно, всѣмъ сердцемъ привязался къ наслѣднику и сдѣлался наипреданнѣйшимъ ему человѣкомъ до конца

своей жизни. Все это мы знали въ полку и какъ личные очевидцы, и кромѣ того, гораздо позже, когда уже прошло слишкомъ два десятка лѣтъ, именно въ то время, когда Назимовъ былъ уже генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, я тогда вторично поступилъ въ военную службу и попалъ въ войска, дѣйствующія противу польскихъ мятежниковъ, почему, по старой памяти, какъ сослуживецъ по Преображенскому полку, очень часто навѣщалъ и бывшего прежде и въ это время настоящаго своего начальника, Владиміра Ивановича Назимова, и тутъ еще болѣе убѣдился въ привязанности и въ безпридѣльной преданности Назимова уже къ царствующему государю Александру Николаевичу, котораго онъ былъ генералъ-адъютантомъ.

Теперь буду продолжать излагать постепенное возвышеніе числящагося еще въ нашемъ полку полковника Назимова.

Назимовъ, состоя въ должности инструктора по строевой части при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ, сопровождалъ его высочество, въ числѣ его адъютантовъ, во всѣхъ тогда дѣлаемыхъ путешествіяхъ наслѣдникомъ, какъ по Россіи, такъ и за границу.

Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, полковникъ Назимовъ былъ возведенъ въ званіе флигель-адъютанта государя Николая Павловича и, по прежнему, оставленъ состоять при цесаревичѣ.

Назимовъ, въ званіи флигель-адъютанта государя Николая Павловича, внезапно, по повелѣнію его величества, былъ командированъ въ Западный край, со строжайшею инструкцію разслѣдовать прикосновенныхъ личностей по очень важному дѣлу поляка Канарскаго, который и былъ разстрѣленъ, а съ симъ вмѣстѣ множество соприкосновенныхъ къ этому дѣлу разнаго рода личностей были арестованы и переполняли всѣ тюрьмы и остроги виленскіе и прилежащей окрестности.

Флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ, по прибытіи въ г. Вильно и по изслѣдованіи дѣла, между прочимъ, вопреки мнѣній высшаго административнаго виленскаго начальства, нашелъ большую часть изъ задержанныхъ и арестованныхъ невиновными, и какъ флигель-адъютантъ, облеченный высочайшею довѣренностію, не колеблясь, освободилъ чуть ли не половину лицъ, такъ долго томившихся долгимъ заключеніемъ, и тѣмъ, какъ тогда же распространился слухъ, поставилъ себя въ такое критическое положеніе, что съ каждымъ приходомъ почты, (тогда желѣзныхъ дорогъ еще не существовало), могъ ожидать, по мнѣнію виленской администраціи, страшной грозы, которая разразится надъ его головою. По крайней мѣрѣ, это было общее мнѣніе, потому что всѣ знали, всѣмъ было извѣстно, что государь Николай Павловичъ, по дѣламъ возмущеній и крамохъ, не

щадилъ даже и тѣхъ личностей, которыя могли быть подозрѣваемы; тѣмъ болѣе, что виленская администрація, какъ разъ, на этомъ и стояла. И вдругъ присланный флигель-адъютантъ, можетъ и не опытный еще по такимъ дѣламъ, одинъ, такъ сказать, возстаетъ противу мнѣній всѣхъ!

Покойный государь Николай Павловичъ, во все свое царствованіе, всѣми своими дѣйствіями, былъ всегда однимъ изъ добродѣтельнѣйшихъ людей на свѣтѣ, не взирая на всю крутость характера, который въ немъ тогда полагали; между тѣмъ, какое безчисленное множество благодѣяній имъ было дѣлаемо, даже тѣмъ, которые самимъ установленіемъ закона справедливо бывали наказуемы... И потому, какъ только государь получилъ донесеніе отъ своего флигель-адъютанта полковника Назимова о сдѣланномъ имъ распоряженіи, его величество, въ справедливомъ чувствѣ безошибочности, для провѣрки дѣйствій Назимова, немедленно командировалъ генераль-адъютанта Кавелина, — личность, съ давнихъ лѣтъ пользовавшуюся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ государя Николая Павловича. Кавелинъ ѣхалъ съ высочайшимъ повелѣніемъ провѣрить всѣ дѣйствія и поступки флигель-адъютанта Назимова.

Я очень хорошо помню, какъ страшились въ тѣ времена не того, чтобы сдѣлать ошибку, или даже, чрезъ недоразумѣніе, сдѣлать какую-либо проруху, но чрезъ посредство высочайшаго довѣрія и даннаго повелѣнія сдѣлать умышленную несправедливость, или злоупотребить высочайшимъ повелѣніемъ, — это вело на безповоротную гибель всякаго, кто это сдѣлалъ-бы.

Генераль-адъютантъ Кавелинъ, рассмотрѣвъ, во всей обширности и во всей подробности, веденіе дѣла Назимовымъ, его безпристрастные и прямые взгляды, его прямоту и честность соотвѣтственно данной Назимову высочайшей инструкціи при его отправленіи, вполне подтвердилъ всѣ дѣйствія Назимова въ своемъ донесеніи государю.

Надо было видѣть, надо было слышать рассказы современныхъ товарищей полковника Назимова, какъ государь Николай Павловичъ, котораго считали грознымъ, какъ его величество принималъ послѣ того Назимова, какъ государь оцѣнилъ прямоту Назимова и какъ былъ доволенъ многимъ добромъ, сдѣланнымъ дѣйствіями полковника Назимова, прежде всего какъ человека.

Послѣ того, Назимовъ, какъ говорится, пошелъ быстро въ гору... Вскорѣ былъ произведенъ въ генераль-маіоры съ оставленіемъ въ свѣтѣ государя. Потомъ получилъ назначеніе начальника штаба 6-го армейскаго корпуса, расположеннаго въ Москвѣ. Затѣмъ, возведенъ въ званіе генераль-адъютанта государя Николая Павловича;

имѣлъ высочайшее повелѣніе одно время исполнять обязанность попечителя Московскаго университета и, такимъ образомъ, покойный государь Николай Павловичъ до конца своей жизни не переставалъ осчастливливать Назимова своимъ полнымъ довѣріемъ.

Владиміръ Пвановичъ Назимовъ, кромѣ счастья быть такъ обстановленнымъ, какъ онъ былъ, всѣми милостями государя и особеннымъ вниманіемъ особъ царской фамиліи, имѣлъ еще ту отраду—видѣть признательность людей, которымъ онъ оказалъ пособіе. Не было ни одного дома, ни простой хаты въ западномъ краѣ, гдѣ бы не былъ вѣшшенъ на стѣнахъ комнатъ портретъ Владиміра Ивановича Назимова.

Впослѣдствіи, государь Александръ Николаевичъ, въ неизмѣнномъ своемъ благоволеніи къ Назимову, какъ бы въ память своего незабвеннаго родителя, возвысилъ генералъ-адъютанта Назимова назначеніемъ его военнымъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ того края, гдѣ нѣкогда, по порученію покойнаго государя, Назимовъ вѣдѣлъ важномъ исполнѣ оправдалъ довѣріе его величества.

Владиміръ Ивановичъ Назимовъ скончался въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 1874 года. Я въ это время только что возвратился изъ хивинской экспедиціи, по взытіи нами Хивы, и пріѣхалъ въ Петербургъ какъ будто кстати, для отдаванія послѣдняго долга тому, при которомъ я поступилъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ и который, какъ во все время нашего пребыванія въ Преображенскомъ полку, такъ и гораздо позже, когда я служилъ уже въ арміи подъ начальствомъ Назимова, какъ командующаго войсками Виленскаго военного округа,—всегда и во всѣ времена оказывалъ, могу сказать, дружеское ко мнѣ расположеніе.

Отпѣваніе покойнаго генералъ-адъютанта Назимова происходило въ нашемъ Преображенскомъ соборѣ. Отданіе послѣдняго почета покойному было отъ того же л.-гв. Преображенскаго полка, но только новаго уже поколѣнія! Изъ насъ, старыхъ его сослуживцевъ, не многимъ досталась доля его проводить, потому что не много уже насъ и остается!

Государь императоръ Александръ Николаевичъ почтилъ прахъ своего стараго слуги личнымъ присутствіемъ при похоронахъ, и такимъ образомъ отдалъ послѣдній долгъ такъ долго состоявшему при его величествѣ, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, первоначально въ должности инструктора по строевой части, а впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ его величества.

Вторымъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ полку, тоже изъ старыхъ, коренныхъ преображенскихъ офицеровъ, я засталъ полковника

Х. В. Глухова, одного изъ типовъ тогдашняго времени строевыхъ служивыхъ: отличный штабъ-офицеръ, превосходно знавшій свое дѣло и исполнявшій всѣ служебныя обязанности до пунктуальности. Когда полковникъ Бѣлявцовъ былъ произведенъ въ генералы, Глуховъ принялъ отъ него нашъ 3-й баталіонъ въ командованіе на законномъ основаніи и вскорѣ былъ утвержденъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ этой должности. Полковникъ Глуховъ былъ строгій педантъ по службѣ, держалъ всѣхъ чиновъ въ баталіонѣ въ страшной строгости и у него солдатикъ бывало не избадается.

Полковникъ Глуховъ былъ на очень хорошемъ счету и командовалъ нѣсколько лѣтъ нашимъ 3-мъ баталіономъ. Затѣмъ произведенъ былъ въ генераль-маіоры.

Впослѣдствіи онъ долгое тоже время не оставлялъ военной службы; перекомандовалъ и бригадами, и дивизіею въ Оренбургѣ, и, какъ я недавно слышалъ, нашъ почтенный Хрисанфъ Васильевичъ Глуховъ давно уже въ отставкѣ и на покой, конечно, въ глубокой старости, ибо когда я былъ только что молодымъ прапорщикомъ, онъ былъ уже заслуженнымъ полковникомъ Преображенскаго полка.

Затѣмъ, послѣдующіе два нашихъ полковника, при которыхъ я уже достигъ чина штабъ-капитана въ Преображенскомъ полку и командовалъ нѣсколько лѣтъ ротой, это были А. И. Бахтинъ, произведенный къ намъ изъ капитановъ л.-гв. Московскаго полка, и Г. Д. Бабкинъ, тоже изъ капитановъ л.-гв. Семеновскаго полка. Бахтинъ у насъ командовалъ 3-мъ баталіономъ, а Бабкинъ — 2-мъ.

Оба эти полковника были воины заслуженные, пропедшіе всѣ кампаніи, начиная съ кампаніи Персидской 1827 года, Турецкую 1828 г., Польскую 1831 года и осаду Севастополя, и были обвѣшаны орденами.

Полковники Бахтинъ и Бабкинъ командовали у насъ въ Преображенскомъ полку баталіонами долгое время, положительно до производства каждаго изъ нихъ въ генералы. Я у каждаго изъ нихъ служилъ въ баталіонѣ, уже командуя самъ частію. Первоначально во 2-мъ баталіонѣ у полковника Бабкина, и затѣмъ долгое время командовалъ 9-й фузилерной ротой въ 3-мъ баталіонѣ подъ начальствомъ полковника Бахтина.

Оба эти полковника были одни изъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, которыхъ мы всѣ искренно уважали и любили, и которые въ моихъ воспоминаніяхъ оставили наипріятнѣйшую память.

Къ этимъ всѣмъ личностямъ младшихъ штабъ-офицеровъ полка, обитавшіе всѣ, какъ я выше говорилъ, съ большинствомъ офицеровъ цѣлаго полка, Таврическія казармы, я, по воспоминаніямъ моимъ, не могу не присоединить тоже одного изъ, такъ сказать, членовъ,

входившихъ въ составъ общества нашего полка, уважаемаго не только цѣлымъ нашимъ полкомъ, во и всѣми тѣми, которые прежде еще при немъ служили въ полку, какъ сторожила, нашего полкового штабъ-лекаря Федосея Кирилловича Дьяконенко. Личность крайне замѣчательная, какъ умомъ своимъ, такъ серьезностію своею и искусствомъ, какъ хорошій медикъ того времени. Но такого ничѣмъ не переломимаго малороссійскаго или хохлацкаго характера, который истинно можетъ, по дѣйствіямъ всей его жизни, служить подлинно настоящимъ типомъ древнихъ хохловъ.

Дьяконенко, при его бѣдности, ибо кромѣ службы онъ ничего не имѣлъ, отличался высокой честностію и безкорыстіемъ необыкновеннымъ. Кромѣ того, выдающаяся черта, ему характеризующая, это поразительный порядокъ, который онъ требовалъ, держалъ и велъ во все время его служенія въ Преображенскомъ полку по завѣдыванію имъ полковымъ нашимъ лазаретомъ, въ которомъ находились больные и л.-гв. кавалергардскаго Ея Величества полка. Лазаретъ нашъ находился всегда во все время дня и ночи, въ такомъ постоянно необыкновенномъ порядкѣ, въ какомъ физически не возможно было лучше содержать. Зато всѣ его подчиненные, не говоря уже о фельдшерахъ, но ординаторы, доктора, все это ходило по стрункѣ и каждый исправлялъ свою обязанность, какъ заведенные часы.

Государь Николай Павловичъ, а въ особенности великій князь Михаилъ Павловичъ и наследникъ цесаревичъ, нерѣдко посѣщали нашъ лазаретъ и всегда оставались вполне довольными.

Дьяконенко приобрѣлъ всеобщую извѣстность, не говоря уже по отношенію искусства своего ремесла, но какъ человѣкъ выдающійся своимъ необыкновеннымъ безкорыстіемъ и честностію. Зато нашъ Федосей Кирилловичъ взялъ на себя такой авторитетъ, что онъ знать никого не хотѣлъ.

Весь высшій медицинскій персоналъ, у котораго, собственно говоря, онъ находился подъ началомъ, его очень не долюбливалъ; но ничего никогда не могли съ нимъ сдѣлать, потому что подъ него во всѣхъ отношеніяхъ не возможно было, какъ говорится, и безъ лавочки подпустить. А къ этому еще, какъ человѣкъ очень умный, онъ не ходилъ къ себѣ въ карманъ за словомъ и, какъ хохлацкой натуры, онъ ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ бывало не остановится и свое словечко непременно вставитъ!

И теперь очень хорошо помню, когда великій князь Михаилъ Павловичъ однажды возвратился изъ заграницы и мы къ нему представлялись цѣлымъ обществомъ полка и, конечно съ нами, какъ надлежить, находился нашъ полковой штабъ-лекарь Дьяконенко.

Великій князь вышелъ къ намъ въ отчѣнномъ расположеніи духа. Очень милостиво разговаривалъ съ нашимъ полковымъ командиромъ Микулинымъ, потомъ подходилъ къ нѣкоторымъ изъ нашихъ старшихъ офицеровъ и, наконецъ, остановившись на минуточку предъ Дьяконенко, его высочество, съ характеризующей его привѣтливостію, въ особенности при хорошемъ расположеніи духа, отнесся съ вопросомъ:

— «Ну, коноваль, скажи-ка, сколько ты безъ меня переморилъ солдатъ?»

Дьяконенко, не смутившись ни мало и не задумавшись, возразилъ:

— Я, ваше высочество, морю менѣе солдатъ, чѣмъ вы вашими ученіями на Царицыномъ лугу.

Великій князь, не намѣняя расположенія своего духа, съ улыбкой обратился ко всѣмъ намъ и проговорилъ:

— «Каковъ,—все такой-же!»

Мы всѣ, зная хорошо нашего полкового медика, мы, со всѣмъ тѣмъ, были озадачены такимъ отвѣтомъ его, кому же? — великому князю, и притомъ такъ быстро и рѣшительно высказаннымъ. Но нашъ полковой командиръ Микулинъ, у котораго всѣ мысли и чувства сосредоточивались въ единомъ угожденіи лицамъ царствующаго дома, былъ просто въ отчаяніи. А между тѣмъ, съ Дьяконенко, какъ говорить русская пословица, взятки гладки.

Дьяконенко, надо правду сказать, былъ невыразимо привязанъ къ обществу офицеровъ Преображенскаго полка. Онъ былъ одинокій, не имѣлъ ни родни, ни друзей; онъ весь предался семьѣ Преображенской и, находясь уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, онъ во всѣхъ насъ истинно принималъ родную заботу! Не говоря уже, что при болѣзни кого-либо изъ насъ это было все вниманіе, все участіе и уходъ такой, какой можно только ожидать отъ самой близкой родни, и ко всему этому никто изъ насъ не смѣлъ и заикнуться о томъ, чтобы когда-нибудь заплатить ему за визитъ. Это все я испыталъ на самомъ себѣ.

Федосей Кириловичъ Дьяконенко служилъ въ полку слишкомъ 25 лѣтъ. Дѣлалъ всѣ кампаніи съ Преображенскимъ полкомъ, и турецкую 1828 года, и польскую 1831 г., и имѣлъ ордена на шеѣ.

Передъ выходомъ его изъ нашего полка, вслѣдствіе его утомленія и клонящихся къ старости лѣтъ, ему было предоставлено по медицинской части какое-то спокойное мѣсто съ сохраненіемъ получаемого имъ содержанія и полкъ дѣлалъ ему прощальный обѣдъ, на которомъ ему былъ поднесенъ золотой кубокъ съ надписями офицеровъ. На этотъ обѣдъ были приглашены и прежніе сослуживцы Федосея Кириловича, которые давно оставили нашъ полкъ. Этотъ по-

дарокъ, поднесенный нашему полковому штабъ-лекарю отъ всѣхъ насъ, офицеровъ Преображенскаго полка, былъ единственною наградою, которую только онъ рѣшился принять за все время его служенія въ нашемъ полку.

Всѣ, кто только служилъ въ Преображенскомъ полку въ бытность Федосея Кириловича полковымъ медикомъ, всѣ сохранили къ нему самую признательную память полного къ нему уваженія.

VI.

Въ этомъ же самомъ зданіи нашего лазарета, даже въ одномъ и томъ же подъѣздѣ, при входѣ налѣво, находилось нѣсколько большихъ, прекрасно меблированныхъ комнатъ, которыя были обставлены шкафами книгъ очень хорошей нашей библіотеки, которая заключала въ себѣ очень много ученыхъ руководствъ, классическихъ книгъ и исторій на разныхъ иностранныхъ языкахъ и частію новѣйшихъ романовъ, которые въ то время выходили въ свѣтъ.

Эти три большія комнаты и составляли нашу дежурную комнату, въ которой хранились, драгоценные для памяти полка, мундиры государей Александра Павловича, Николая Павловича и великаго князя Михаила Павловича, которые они носили. Въ послѣдующихъ еще нѣсколькихъ тоже комнатахъ хранилось старинное оружіе, артиллеріи, древнее военное одѣяніе и тому подобное. Между прочимъ, по смерти нашего великана тамбуръ-мажора Лучкина, было передано все одѣяніе его, какъ рѣдкость.

Такимъ образомъ, какъ только я былъ произведенъ въ офицеры, я прежде всего попалъ на службу въ 3-й баталіонъ, въ роту, которою командовалъ штабсъ-капитанъ Раевскій.

Будучи знакомъ съ большинствомъ офицеровъ еще съ юнкерскаго чина, какъ я выше упомянулъ, вслѣдствіе служенія въ Преображенскомъ полку одного изъ братьевъ мнѣ родныхъ и двухъ двоюродныхъ, по фамиліи Потуловыхъ, мнѣ легче было сближаться съ обществомъ нашихъ офицеровъ, не говоря уже про товарищей, которые за годъ до моего выпуска были выпущены въ полкъ и тѣхъ, которые со мной вышли, но и съ остальными, подходящими, такъ сказать, ближе къ моему товариществу, я, благодаря Бога, сошелся вскорѣ со всѣми благопріятно.

Вслѣдствіи, когда я, такъ сказать, оперился въ полковомъ обществѣ, я, въ свою очередь, многія лѣта проживалъ въ Таврическихъ казармахъ. И что же это, дѣйствительно, было за привольное въ то

время наше житье-бытье! Таврида истинно была нашимъ Эльдorado. Вдали отъ центра городского шума, тамъ, какъ я уже сказалъ, постоянно собиралось и группировалось большинство нашихъ офицеровъ и, кромѣ того, другихъ полковъ товарищи, друзья, не проходило дня, чтобы насъ не посѣщали. Все стремилось въ Тавриду, какъ будто въ какую-то особенную, привольную страну, гдѣ будто бы жилось свободнѣе, вдали отъ соблазна большого свѣта, отъ церемоній и стѣсненій. Въ Тавриду вашу точно удалялись какъ будто бы на отдохновеніе всѣ усталые отъ пертурбацій большого свѣта, отъ ба-ловъ, свѣтскихъ церемоній, которыя впоследствии всѣмъ надоели. А въ Тавридѣ, истинно, вечера проводились задумевные.

Этотъ первый годъ моего производства въ офицеры я несъ всѣ служебныя обязанности въ 3-мъ баталіонѣ. Я пріѣзжалъ всякій Божій день, а случалось и по два раза въ день въ Тавриду изъ казармъ 1-го баталіона, съ Большой Миліонной. И это происходило по слѣдующему случаю: мой старшій и родной братъ, который служилъ нѣсколько лѣтъ въ Преображенскомъ полку, въ самый годъ моего производства вышелъ изъ полка, почему мой отецъ, какъ это въ старину вообще велось или было въ обычаѣ, ибо наши родители были люди строгіе и крутые, а дѣти не то, что нынѣ,—дѣти, бывало, по отношенію къ родителямъ, какъ гласила русская пословица: «ходи весело, да не смѣйся»;—поэтому мой родитель, по выходѣ изъ полка моего старшаго брата, за нѣсколько мѣсяцовъ до моего производства въ офицеры, тотчасъ написалъ въ Преображенскій полкъ къ моему двоюродному брату Потулову, который былъ въ то время уже штабсъ-капитаномъ, отличился въ польскую войну 1831 года и командовалъ въ Преображенскомъ полку ротой, что онъ меня препоручаетъ ему, подъ его надзоръ и, какъ дядя, остается совершенно увѣреннымъ, что Потуловъ не оставитъ меня своимъ наблюденіемъ и приметъ меня, хотя на первый годъ, въ свою квартиру на жительство, и съ этимъ вмѣстѣ выслалъ на имя Потулова деньги на мою офицерскую экипировку и кромѣ того лошадь, экипажъ и двухъ крѣпостныхъ людей, именно одного служить мнѣ лакеемъ, а другого—кучеромъ.

Поэтому я, будучи произведенъ въ офицеры, долженъ былъ поселиться на квартирѣ у сказаннаго моего двоюроднаго брата Потулова, который командовалъ 3-й ротой въ 1-мъ баталіонѣ. Квартира Потулова находилась въ домѣ Богдановича, который издревле былъ отведенъ, въ добавленіе казармъ 1-го баталіона, подъ помѣщеніе офицеровъ. Этотъ Богдановича домъ выходилъ переднимъ фасомъ на канаву, которая проходитъ подъ Пѣвческимъ мостомъ, а заднимъ

фасомъ упирался къ стѣнѣ дворцоваго манежа, который былъ совершенно противу эрмитажа Зимняго дворца, что составляло въ полномъ смыслѣ, какъ говорится, рукою подать намъ до Зимняго дворца и до нашихъ солдатскихъ казармъ 1-го баталіона и обратно, солдатскимъ казармамъ до дворца и до дома Богдановича.

Вотъ теперь совершенно кстати очертить нашу прикосновенность или, такъ сказать, наше близкое сожителство съ Зимнимъ дворцомъ, и такъ какъ я, до полученія въ командованіе роты, въ младшихъ чинахъ раза два или три былъ переводимъ въ 1-й баталіонъ для несенія службы, то прежде всего мнѣ желательно, по воспоминанію, описать обстановку нашего офицерскаго житія въ казармахъ 1-го баталіона, по столь близкому сожителству съ дворцомъ.

Зимній дворецъ соединенъ съ эрмитажемъ большой крытой стеклянной галереею, которая съ лѣваго фаса дворца вдетъ къ стѣнѣ эрмитажа; затѣмъ, когда пройдешь залами весь эрмитажъ, представляется вторая такая же галерея, которая, выходя изъ эрмитажа, продолжается до нашихъ, Преображенскаго полка, казармъ 1-го баталіона и дверь этой галереи упирается въ стѣну комнатъ, въ которыхъ размѣщена была государева рота Преображенскаго полка, и въ наше время въ этой самой комнатѣ, въ которую проходила дверь изъ галереи эрмитажа, помѣщался фельдфебель государственной роты. Дверь эта постоянно находилась запертою. Но во дни выходовъ и большихъ баловъ, даваемыхъ во дворцѣ, мы, преображенскіе офицеры, въ тѣ времена этимъ пользовались, именно: чрезъ фельдфебельскую комнату проходили въ галерею эрмитажа, потомъ, пройдя весь эрмитажъ, выходили въ залы Зимняго дворца.

Поэтому можно судить о той прикосновенности, которая съ древнихъ лѣтъ такъ приблизила Преображенскій полкъ къ императорскому дому.

Для насъ, преображенскихъ офицеровъ, это составляло во многихъ отношеніяхъ немалое преимущество по отношенію офицеровъ другихъ полковъ. Это насъ избавляло во время выходовъ и баловъ во дворцѣ брать экипажи и людей съ собою при разѣздахъ на дворцовыхъ подъѣздахъ, гдѣ обыкновенно толпилось безчисленное множество пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, такъ что, не взявъ съ собою своего человека, крайне было затруднительно отыскать свою шубу и свой экипажъ.

А самое главное и важное—то было во время даваемыхъ большихъ баловъ во дворцѣ, гдѣ обязательно было положительно находиться всѣмъ офицерамъ гвардіи и въ бальныхъ формахъ того времени (*grand gala*), такъ что безъ кареты попасть на парадный балъ

во дворецъ было мудрено, почему многіе офицеры полковъ гвардіи, не имѣя возможности имѣть своихъ каретъ, нанимали и двухмѣстныхъ, и 4-хмѣстныхъ кареты извозицъ.

Бальная форма того времени, хотя насъ стѣсняла, но надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантною. Эта бальная форма была установлена для офицеровъ всѣхъ оружій, кромѣ уланскихъ и казачьихъ полковъ, которые и на парадныхъ балахъ сохраняли свою форму.

Бальная форма (grand gala) или торжественная заключала, ежели гвардейскій мундиръ, то съ открытыми лацканами; бѣлыя короткія до колѣнъ суконныя панталоны; затѣмъ шелковые чулки и башмаки съ серебрянными пряжками; шпага у бедра и трехъ-угольная шляпа въ рукахъ, у пѣхотныхъ съ черными, а у кавалеріи съ бѣлыми перьями; слѣдовательно, въ такомъ костюмѣ, да еще зимой, кромѣ того, что надо было быть въ каретѣ, но надо было имѣть на себѣ и мѣховые сапоги до колѣнъ, ибо въ чулкахъ и башмакахъ проѣхать до дворца, безъ теплыхъ сапогъ, не поздоровится. А мы, преображенскіе офицеры, въ этихъ случаяхъ, въ тѣ времена, являлись въ фельдфебельскую комнату государевой роты. Наши камердинеры заранѣе приносили бальную форму, мы одѣвались и прямо изъ фельдфебельской комнаты, чрезъ галерею эрмитажа, проходили въ самый эрмитажъ и, пройдя залами эрмитажа, попадали въ бальные залы Зимняго дворца, совсѣмъ одѣтые, не имѣя нужды ни въ чемъ тепломъ, ибо какъ во дворцѣ, такъ и въ эрмитажѣ, температура комнатъ вездѣ была одинаково сносная.

И такъ, по воспоминаніямъ моимъ, нашъ прошлый вѣкъ, мнѣ казалось, былъ какъ будто вѣкомъ щегольства, которое даже въ самомъ тогдашнемъ обществѣ выражалось принятымъ приличіемъ. Я помню, напримѣръ: было принято въ обществѣ утромъ, до обѣда, дѣлать визиты въ сюртукахъ и эполетахъ (тогда постоянно носились эполеты); а къ обѣду и вечеръ—всегда и не иначе какъ въ мундирѣ. Тоже самое соблюдали и статскіе, обѣдъ и вечеръ во фракѣ. Но нынѣ это совсѣмъ иное дѣло, молодые люди нынѣшняго времени слѣдуютъ вѣку просвѣщенія и прогресса безъ стѣсненія, почему и видишь въ обществѣ зачастую офицеровъ на вечерахъ въ сюртукахъ, да еще и съ погонами.

Я долженъ сказать, что въ то время въ нашихъ тогда офицерахъ Преображенскаго полка было видно какое-то особенное, выдающееся элегантство во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ, поступившимъ молодымъ офицерамъ въ полкъ, тотчасъ бросалась въ глаза эта

особенность, этотъ, такъ сказать, шикъ преображенскій, которому молодежь невольно должна была слѣдовать.

Надо правду сказать, что въ то время, какъ я прежде сказалъ, государь Николай Павловичъ оказывалъ полку при всѣхъ случаяхъ свое особенное, свое необыкновенное благоволеніе. Поэтому, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ члены царской фамиліи, вся царская семья, видными участіемъ и расположеніемъ какъ бы приблизили къ себѣ. Мы, преображенскіе офицеры, бывая при дворѣ въ числѣ всѣхъ прочихъ гвардіи офицеровъ, чувствовали себя какъ бы по преимуществу.

Равноудѣльно, посѣщая дома высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, которыя не рѣдко удостоивались чести принимать царскую фамилію, преображенскіе офицеры всегда удостоивались обращать на себя вниманіе членовъ царской семьи. Все это, конечно, болѣе способствовало видѣть ближе и большой свѣтъ, и общество того времени, и принимать этотъ лоскъ и всѣ манеры избраннаго общества. Въ особенности при такомъ двигателѣ, какимъ у насъ тогда былъ командиръ полка генералъ-адъютантъ Микулинъ, который при всякихъ случаяхъ, а наипаче на придворныхъ балахъ и на торжествахъ во дворцѣ, всѣми средствами старался выставлять своихъ преображенскихъ офицеровъ болѣе на видъ.

И то сказать, дворцовые балы въ то время: это казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ, это было что-то такое особенно привлекательное для насъ молодыхъ людей. Какое великолѣпіе! Что за блескъ! Что за прелесть; нѣтъ словъ, чтобы это достаточно изобразить. Богатство царское; нарядность русскихъ туалетовъ придворныхъ дамъ; блескъ разнообразныхъ костюмовъ всѣхъ иностранныхъ посольствъ того времени; формы красивыхъ, стройныхъ тогда гвардейскихъ мундировъ,—все это представляло истинно полное величіе.

Затѣмъ выходъ царской фамиліи изъ внутреннихъ покоевъ предъ ожидающую публику. Надо было видѣть появленіе императорской фамиліи въ залъ, въ моментъ раздавагоса полонеза оркестромъ знаменитаго тогда Лядова, это было величественнымъ явленіемъ...

Государь Николай Павловичъ, подъ руку съ императрицей, въ парадномъ мундирѣ атамана казачьихъ войскъ, которому величественнымъ видомъ и красотой ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не могъ приравняться.

Масса блестящей публики тоже попарно слѣдовала за царской фамиліею по большимъ заламъ великолѣпнаго дворца и при входѣ царя въ каждый изъ залъ звукъ того же польскаго принимался уже другими оркестрами, хорами музыки кавалергардскаго, конно-гвардейскаго и Преображенскаго полковъ.

Блистательное освѣщеніе, богатое убранство великолѣпныхъ палатъ Россійскаго императора, все вмѣстѣ невольнo дѣйствовало на всѣхъ и каждого поразительнымъ очарованіемъ. Въ эту минуту чувствовалось и оцущалось что-то особенное; что-то такое, какъ бы неподходящее къ мірскому, какъ будто волшебное!

Однимъ словомъ, тому, кто жилъ въ тѣ времена, кто видѣлъ прошлое, кто видѣлъ все происходившее, людей и общество того времени,—нельзя не почитать все и вся достойнымъ воспоминаніемъ.

VII.

Исчисливъ все наше старшее начальство, которое я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ, мнѣ необходимо перейти къ тѣмъ, которые составляли тоже ближайшее начальство насъ, молодыхъ офицеровъ,—это къ ротнымъ нашимъ командирамъ, которые хотя и начальствовали частями, но ближе подходили къ нашему товариществу, съ которыми жилаи вмѣстѣ и съ которыми были сопряжены многие эпизоды общей нашей офицерской жизни, и наконецъ, какъ люди, своими личностями вполне достойные воспоминанія.

При поступленіи моемъ въ полкъ, я засталъ полковымъ адъютантомъ Преображенскаго полка поручика Мих. Ан. Катенина, личность во всѣхъ отношеніяхъ совершенно порядочная.

Должность полкового адъютанта Преображенскаго полка въ то время имѣла высокое значеніе. Всѣ наши полковые адъютанты удостоивались званія флигель-адъютантовъ государя Николая Павловича или назначались личными адъютантами великаго князя Михаила Павловича.

Катенинъ, нашъ полковой адъютантъ, былъ произведенъ офицеромъ въ нашъ полкъ изъ камеръ-пажей двора его величества. Катенинъ былъ человѣкъ очень умный и образованный и весьма пріятный человѣкъ.

Государь Николай Павловичъ ежедневно изволилъ присутствовать при разводахъ съ церемоніею всѣхъ полковъ гвардіи. Эта постоянная близость къ государю, очень натурально, возвышала насъ духомъ.

Во время разводовъ съ церемоніею, полковые адъютанты тѣхъ полковъ, отъ которыхъ давался разводъ, и тѣхъ, въ которыхъ его величество состоялъ, подходили къ государю съ рапортами, въ то время какъ музыканты начинали играть извѣстный разводный сборъ. Въ подходѣ Катенина къ государю всегда замѣчалась какъ бы особенная представительность адъютанта перваго полка гвардіи.

Михаилъ Катенинъ при мнѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ полковымъ адъютантомъ и, наконецъ, къ празднику Пасхи, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, государь назначилъ Катенина личнымъ адъютантомъ къ его высочеству.

Катенинъ прослужилъ тоже нѣсколько лѣтъ адъютантомъ великаго князя, будучи уже въ чинѣ полковника. Впослѣдствіи онъ женился на родной сестрѣ флигель-адъютанта графа Орлова-Денисова и по домашнимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ, великій князь Михаилъ Павловичъ согласился на увольненіе Катенина въ отставку генераль-маіоромъ.

По открытіи севастопольской войны, Катенинъ начальствовалъ, кажется, ярославскимъ ополченіемъ и по окончаніи войны вновь вышелъ въ отставку.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Катенинымъ въ Ярославѣ, въ то время, какъ я самъ одно время находился въ отставкѣ и пріѣзжалъ въ Ярославль по дѣламъ. Мы, какъ однополчане, и такого полка, какъ Преображенскій, въ которомъ мы всѣ жили истинно какъ родные, мы встрѣтились при такихъ чувствахъ воспоминанія о полку, которыхъ передать трудно.

Мы пробесѣдовали только нѣсколько часовъ, потому что оба были на отъѣздѣ. Но за то много было и перемолвлено; между нами много было воспоминаній и разсужденій о прошедшемъ и о настоящемъ, хотъ головѣ вскружиться! Катенинъ первый мнѣ подалъ мысль, при воспоминаніяхъ о старой нашей службѣ, объ обществѣ офицеровъ, о времени всеобщаго безумія при посѣщеніи театральныхъ представленій, въ которыхъ нѣкогда онъ самъ принималъ участіе, и наконецъ, разговорившись о пожарѣ Зимняго дворца, который намъ, Преображенскимъ, особенно памятенъ, онъ мнѣ сказалъ: любопытно бы было все это описать; и кто бы могъ всему повѣрить, что бывало и что безслѣдно прошло!

Наконецъ мы попрощались; я чрезъ года два послѣ того вновь поступилъ на военную службу во фронтъ и, находясь уже въ Туркестанскомъ краѣ, я съ прискорбіемъ узналъ о кончинѣ Катенина.

И съ того времени у меня зародилась мысль и я сталъ набрасывать тогда же мои воспоминанія.

Прослуживши 14 лѣтъ офицеромъ въ Преображенскомъ полку и, благодаря Бога, въ такихъ наилучшихъ отношеніяхъ со всѣми товарищами, какъ нельзя болѣе, я былъ истинно, въ обществѣ офицеровъ нашего Преображенскаго полка, какъ въ большой семьѣ родныхъ; поэтому, при моихъ воспоминаніяхъ обо всемъ прошломъ, о всемъ дѣлаемомъ, о всемъ происходившемъ между всѣми нами, мнѣ необходимо,

хотя въ краткихъ словахъ, обрисовать всѣ тѣ личности изъ моихъ сослуживцевъ, которыя въ моей памяти оставили вліятельныя и самыя живыя воспоминанія.

Командиромъ головной роты нашего Преображенскаго полка, именно роты его величества, я, при поступленіи моемъ въ полкъ, засталъ полнаго тогда капитана Александра Андреевича Катенина, — родной и старшій братъ нашего полкового адъютанта, о которомъ я только что говорилъ.

Капитанъ Катенинъ въ царствоваше государя императора Александра Николаевича былъ уже военнымъ генералъ-губернаторомъ Оренбурга и командующимъ войсками оренбургскаго края; а тогда онъ былъ только что еще капитаномъ Преображенскаго полка, но уже имѣлъ за собой много лѣтъ службы и солидное число годовъ отъ рожденія, ибо волосы его головы серебрились.

Катенинъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ во времена чуть-ли не 1818-го или 1819-го годовъ, когда его родной дядя служилъ у насъ въ полку полковникомъ, — Павелъ Александровичъ Катенинъ, извѣстный тогда писатель, о которомъ нашъ незабвенный поэтъ Пушкинъ всегда, въ своихъ сочиненіяхъ, относился съ особеннымъ уваженіемъ.

И такъ, нашъ командиръ государственной роты, капитанъ Катенинъ, былъ человѣкъ серьезный, весьма замѣчательнаго ума, способностей и познаній. Я засталъ его въ полку, какъ одного изъ числа старшихъ нашихъ офицеровъ и, какъ казалось, болѣе всѣхъ имѣвшаго вліяніе въ полку. Онъ воспитывался, учился и образовывался, какъ это велось въ кругу древнихъ дворянъ, у себя дома, при отличныхъ воспитателяхъ и учителяхъ и, пожалуй, хуже ли бывало тогдашнее образованіе, это можно указать на то, что во всѣ времена русское извѣстное дворянское сословіе всегда стояло выше воспитаніемъ и образованіемъ иностраннаго.

Капитанъ А. А. Катенинъ служилъ у насъ въ полку строевымъ офицеромъ. Онъ получилъ въ командованіе роту еще въ поручичьемъ чинѣ; а государствену роту получилъ въ командованіе уже при полковомъ командирѣ генералѣ Микулинѣ.

Часть нашей гвардіи въ 1839 году ходила въ г. Калишъ на маневры и наша государственная рота, подъ начальствомъ Катенина, въ полномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находилась тоже.

Съ этого времени началось быстрое повышеніе капитана Катенина по службѣ, ибо до того онъ служилъ дѣйствительно довольно несчастливо; вакансіи въ полку шли какъ-то туго и онъ при серебряныхъ уже волосахъ получилъ чинъ полнаго капитана.

Государь Николай Павловичъ, отъ проницательности котораго не ускользала никакая способность, по возвращеніи съ Калишскихъ маневровъ, возвелъ капитана Катенина въ свои флигель-адъютанты. Затѣмъ вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники и взятъ въ свиту государя.

Находясь въ свитѣ государя, онъ сопровождалъ его величество во многихъ путешествіяхъ по осмотру войскъ, и на Кавказѣ былъ оставленъ государемъ по очень важному тогда порученію.

По возвращеніи съ Кавказа, полковникъ Катенинъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ оставленіемъ въ свитѣ его величества. Послѣ того, въ непродолжительномъ времени, генералъ Катенинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба одного изъ армейскихъ корпусовъ. Затѣмъ, я не помню уже, послѣ какого времени, Катенинъ, прямо изъ корпусныхъ начальниковъ штаба, былъ назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Это было уже безъ меня, я тогда только что недавно вышелъ изъ полка.

Такое назначеніе, какъ изъ начальниковъ штаба корпуса въ полковые командиры, казалось бы умаленіемъ. Но, напротивъ того, въ тѣ времена всякое назначеніе, дѣлаемое государемъ, во первыхъ, имѣло высокое значеніе. А во вторыхъ, встать во главѣ такого полка, какъ Преображенскій, чуть-ли не приравнивалось тогда къ тому, какъ-бы встать ближе къ солнцу.

Въ продолженіе командованія Катенинымъ Преображенскимъ полкомъ, онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. А затѣмъ, впослѣдствіи, онъ получилъ назначеніе дежурнаго генерала,—должность, въ тѣ времена имѣвшая огромное значеніе.

Наконецъ, во время севастопольской кампаніи генералъ-адъютантъ Катенинъ, какъ было слышно, былъ облеченъ государемъ Николаемъ Павловичемъ еще болѣшимъ довѣріемъ, оставаясь при особѣ государя. Катенинъ, говорятъ, работалъ день и ночь безъ усталости и его дѣятельность во время осады Севастопольской по всѣмъ частямъ, относящимся до войска, была примѣрная. Впрочемъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что Катенинъ былъ въ полномъ смыслѣ практикъ нашего военнаго ремесла.

Александръ Андреевичъ Катенинъ скончался въ должности оренбургскаго генералъ-губернатора и начальника края.

За государственной ротой слѣдовала 1-я фузилерная рота, командиромъ которой я засталъ почтеннаго и всѣми уважаемаго въ полку, тоже полнаго капитана, Платона Ивановича Челищова.

У насъ въ это время въ полку было пять братьевъ Челищевыхъ, изъ

коихъ Платонъ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ были между собою родные братья. Затѣмъ, Николай Егоровичъ, Алексѣй Егоровичъ и третій, Владиміръ Егоровичъ, Челищевы тоже были трое родныхъ братьевъ, а первымъ двумъ приходились двоюродными.

Всѣ пять братьевъ Челищевыхъ въ полку были очень любимы всѣмъ полкомъ. Что относится до Челищевыхъ Ивана Ивановича и Алексѣя Егоровича, я ниже изложу мои воспоминанія болѣе пространно, какъ о личностяхъ, каждая въ своемъ родѣ, очень замѣчательныхъ.

Командиръ 1-й роты, капитанъ Платонъ Челищевъ, былъ изъ старыхъ офицеровъ въ полку, ибо онъ съ полкомъ дѣлалъ кампанію турецкую 1828 года и польскую 1831 года. Капитанъ Челищевъ былъ очень умный и образованный господинъ и притомъ офицеръ боевой, обвѣщенный орденами за храбрость и отличія въ сраженіяхъ.

При открытіи кампаніи польской въ 1831 году, Платонъ Челищевъ, въ числѣ избранныхъ офицеровъ, въ числѣ прочихъ изъ гвардейскаго корпуса, по назначенію государя Николая Павловича, былъ откомандированъ изъ нашего полка въ отрядъ извѣстнаго тогда генерала Н. Н. Муравьева, извѣстнаго впоследствии подъ наименованіемъ Муравьева-Карскаго.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ-Карскій, что не безызвѣстно тоже, былъ въ свое время однимъ изъ умныхъ, просвѣщенныхъ людей и генералъ не безъ таланта и притомъ, какъ слышно было, онъ былъ изъ числа древнихъ служивыхъ, — страшно разборчивъ, строгъ и даже крутой, такъ что его подчиненные могли ожидать только тогда отъ него награды, когда онъ ихъ найдетъ вполнѣ заслуживающими. И вотъ, между прочимъ, Платонъ Челищевъ, во все время польской войны, состоя при Муравьевѣ, былъ имъ награжденъ за отличія въ сраженіяхъ чиномъ и нѣсколькими орденами за храбрость, и по окончаніи польской кампаніи былъ возвращенъ въ Преображенскій полкъ. Въ то время служившіе подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева и имъ отличенные составляли себѣ репутацію по службѣ, ибо Муравьевскія отличія считались лучшей рекомендаціею.

Платонъ Ивановичъ Челищевъ былъ одаренъ прекраснымъ талантомъ: онъ великолѣпно рисовалъ карикатуры. У него былъ большой альбомъ прелестно схваченныхъ съ натуры личностей всего гвардейскаго корпуса, не исключая и высокопоставленныхъ особъ того времени. Личности, изображенныя имъ въ его альбомѣ, хотя и были писаны въ карикатурныхъ видахъ, но были неподражаемой и восхитительной прелести. Сходство, манеры, поза, — такъ все было мастерски схвачено, что каждый тотчасъ узнавалъ себя. Однимъ словомъ, альбомъ

Платона Ивановича Челищева имѣлъ такую заманчивую прелесть, что ходилъ по рукамъ лучшаго петербургскаго общества и подъ конецъ заинтересовалъ и особъ царской фамиліи. Чрезъ это Челищевъ приобрѣлъ нѣкоторую общественную извѣстность; при чемъ, крайне замѣчательна была эта скромность, которая выражалась въ авторѣ такого прекраснаго таланта.

Платонъ Ивановичъ Челищевъ, не дождавшись въ полку производства въ полковники, при мнѣ еще, по желанію собственному, перешелъ въ войска кавказскаго корпуса, подполковникомъ. Тамъ, внонѣ, за отличія въ сраженіяхъ, получилъ чинъ полковника и полкъ въ командованіе.

Со взбѣраннымъ ему полкомъ, онъ выдержалъ всю осаду Севастополя, и, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ, заболѣлъ и скончался.

Генер.-лейтен. Д. Г. Колокольцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17, 18 и 19 декабря 1837 г.

Изъ записокъ стараго л.-г. Преображенскаго полка офицера¹⁾.

На третьемъ году моей службы въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, именно въ 1837 г., случился пожаръ Зимняго дворца. Событіе это сильно запечатлѣлось въ моей памяти.

На Большой Милліонной постоянно былъ расположенъ батальонъ нашего Преобр. полка около Зимняго дворца, рядомъ съ Эрмитажемъ, о чемъ я прежде уже упоминалъ, объ этой соприкосновенности объ этомъ близкомъ нашемъ сожителствѣ съ Зимнимъ дворцомъ. И такъ, въ казармахъ 1-го батальона находились квартиры: командира полка, полковаго адъютанта и командира роты государевой, а остальное все зданіе казармъ вмѣщало въ себѣ помѣщеніе нижнихъ чиновъ батальона, писарей и полковую канцелярію. Затѣмъ, полковникъ, командиръ 1-го батальона, всѣ остальные ротные командиры и младшіе офицеры 1-го батальона, всѣ размѣщались и жили въ домѣ, отведенномъ подъ офицерское помѣщеніе, домъ Богдановича, который и понынѣ существуетъ.

Домъ Богдановича находился на разстояніи какихъ-нибудь 10-ти шаговъ до дворца и до казармъ одинаково, состоялъ изъ неболь-

¹⁾ См. первыя главы этихъ Записокъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., томъ XXXIX, май, стр. 273—310; іюнь, стр. 593—622.

Предъ нынѣ печатаемою главою, въ рукописи есть еще глава, заключающая въ себѣ, по преимуществу, характеристики офицеровъ-сослуживцевъ автора. Пока мы ее опускаемъ, но впоследствии и ей дадимъ мѣсто на стр. „Русской Старины“, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ, какъ и вообще всѣ Записки ген.-маіора Д. Г. Колокольцова, интересныя черты внутренняго быта полка 1830—1840 гг., стоявшаго и стоящаго въ челѣ всей русской гвардіи.

шого домика, 3-хъ этажнаго, со дворомъ, ворота котораго и передній фасъ выходили на канаву, почти противъ Пѣвческаго корпуса и Пѣвческаго моста.

Въ среднемъ этажѣ дома Богдановича жилъ командиръ 1-го батальона, полковникъ Есиповъ. Онъ былъ холостой и занималъ только часть бель-этажа. А другую часть занимали наши офицеры, сколько я могу теперь припомнить: Суходольскій, Аверкіевъ, Сеславинъ, Демидовъ; впрочемъ, всѣ пережили на этихъ квартирахъ, когда бывали поочередно переводимы въ 1-й батальонъ.

Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщеніе было чуть ли не попространнѣе, съ правой стороны, обитали два родныхъ брата: Платонъ и Иванъ Челищевы, изъ которыхъ первый командовалъ 1-ю ротю, а Иванъ 2-ю ротю. Рядомъ съ этою квартирою было еще помѣщеніе, въ которомъ жили тоже два родныхъ брата: Николай и Алексѣй Челищевы, которые приходились двоюродными—первымъ двумъ братьямъ Челищевымъ.

Съ лѣвой стороны этого нижняго этажа жилъ тогда нашъ подпоручикъ Левъ Яковлевъ.

Въ 3-мъ этажѣ дома Богдановича, на одной изъ квартиръ, жили два родныхъ брата: Григорій и Андрей Шостакъ. Эта квартира Шостакъ отдѣлялась дверью отъ квартиры, въ которой жили: командиръ 3-й роты, штабсъ-капитанъ Потуловъ, мой двоюродный братъ и его меньшой братъ, Николай, и съ ними вмѣстѣ помѣщался и я. Каждый изъ насъ имѣлъ свою особую, очень недурную, комнатку. Я тогда находился во 2-й ротѣ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ивана Ивановича Челищева; я былъ въ этотъ годъ только что переведеннымъ, для исполненія служебныхъ обязанностей, въ первый батальонъ.

Такимъ образомъ, тогда наша холостая, казарменная жизнь была совершенно безъ всякихъ стѣсненій—прямо товарищеская; одинъ другого безцеремонно навѣщали по нѣсколько разъ въ день; иногда обѣдали всѣ вмѣстѣ, цѣлою компаніею, у когонибудь изъ товарищей на квартирѣ, и случалось проводить цѣлый день до поздней ночи—до того отношенія были хороши и коротки всѣхъ, вообще, между собой.

Въ одинъ изъ такихъ дней, вѣрнѣе сказать, злосчастныхъ дней, 17-го декабря 1837 года, насъ цѣлая компанія своихъ офицеровъ собралась, по обыкновенію, на квартирѣ у братьевъ Шостакъ, у которыхъ, очень часто, импровизировались вечера-чаепитія, игры въ карты, проведенія времени въ болтовнѣ и каламбурахъ, которые тогда были въ большой модѣ и въ обществѣ, и въ казармахъ.

Это было часовъ въ 8, или около 9 часовъ вечера; а какъ сей-

часть помню, изъ Тавриды пріѣхалъ въ это время напѣ офицеръ, подпоручикъ Подымовъ, который тотчасъ возбуждалъ всѣхъ съѣсть играть въ новую, только что недавно вошедшую въ моду, игру въ преферансъ, которая въ Таврическихъ казармахъ уже практиковалась. Сказано и сдѣлано. Подымовъ, я, Андрей Шостакъ и Суходольскій тотчасъ, не теряя времени, засѣли къ зеленому полю; нѣкоторые изъ офицеровъ пристроились къ нашему столу смотрѣть, а нѣкоторые остались при своихъ прежнихъ занятіяхъ: болтали, остряли и всѣ находились въ нетерпѣливомъ ожиданіи подаванія чая, ибо подходило время, кажется, къ 9 часамъ вечера.

У насъ тогда у всѣхъ, или у большей части офицеровъ, была собственная прислуга изъ крѣпостныхъ людей, только у нѣкоторыхъ находилась казенная прислуга, въ томъ числѣ ее имѣли и братья Шостаки, крымскіе помѣщики. Имъ, вѣроятно, неудобно было выписывать изъ Крыма своихъ людей.

И въ тотъ самый моментъ, когда прислуга гг. Шостакъ, вѣроятно, была занята приготовленіемъ чая за отдѣльной перегородкой, гдѣ все это производилось, вдругъ, совершенно неожиданно, потому что этого никогда не было прежде, чтобы безъ доклада могъ войти солдатъ въ тѣ комнаты, гдѣ сидятъ офицеры; и такъ, въ этотъ разъ, безъ всякаго доклада, вбѣгаетъ въ ту самую комнату, гдѣ мы всѣ сидѣли и играли въ карты, дежурный унтеръ-офицеръ по ротѣ, портузая чрезъ плечо и киверъ на головѣ, и какъ теперь вижу—немного пригнулся, чтобы султаномъ кивера не задѣть потолка, ибо у насъ въ 3-мъ этажѣ потолоки были довольно низки, и какимъ-то испуганнымъ и торопливымъ голосомъ произноситъ, что Зимній дворецъ горитъ, и что «дежурная рота по пожару» въ готовности стоитъ у воротъ казармъ.

Всёконечно, вольно всякому повѣрить, или не повѣрить, но только внезапность эта и мысль, чтобы во дворцѣ государя Николая Павловича могъ быть пожаръ, до того насъ озадачила и поразила, что я, теперь, когда пишу эти строки, по прошествіи болѣе 45 лѣтъ, меня при одномъ воспоминаніи того момента разбираетъ нервная дрожь. Послѣ того можно себѣ представить, какъ мы тогда всѣ и каждый, забывъ игру, положеніе и костюмы, кто въ какомъ находился, въ одинъ мигъ, какъ безумные, вскочили съ своихъ мѣстъ. Полетѣли со стола карты, чайныя ложки, отодвинутыя стулья; однимъ словомъ, казалось бы, что самый сильный громовой ударъ, разразившійся надъ зданіемъ, не заставилъ бы такъ встрепетуться, какъ вѣсть, что Зимній дворецъ государя могъ когда-нибудь горѣть.

Я еще разъ повторю, что съ того времени прошло болѣе 45 лѣтъ,

а между тѣмъ, при одномъ воспоминаніи этого поразительнаго тогда событія, въ моей памяти все воскресаетъ такъ живо, какъ нельзя болѣе. Вбѣжавшій къ намъ унтеръ-офицеръ представляется въ моемъ воображеніи въ лицѣ; конечно, я не могу помнить, какой онъ былъ роты и какъ онъ прозывался, но какъ сейчасъ вижу его фizioномію: высокій ростомъ, немного пригнувшись, бѣлая португеза съ тесакомъ чрезъ плечо, киверъ съ султаномъ на головѣ, и этотъ тонъ торопливаго голоса, которымъ какъ будто старался насъ тогда вразумить, все отдается еще въ моихъ ушахъ.

Всѣ бросились съ квартиры братьевъ Шостаковъ вонъ, опрометью. Я не помню кто былъ изъ офицеровъ въ этотъ день дежурнымъ по пожару. Въ тѣ времена, дежурный офицеръ, на случай пожара, долженъ былъ вести роту на пожаръ, и обязательно оставаться до конца, почему офицеры эти не выѣзжали изъ дому, а ежели и отлучались, то сообщали всегда прислугѣ: гдѣ кто находится, и человѣкъ бывало летитъ на извозникѣ за своимъ баринномъ; а предварительно попросить кого-либо изъ находившихся дома офицеровъ изъ товарищей свести роту къ мѣсту пожара. Обыкновенная форма офицеровъ на пожарѣ была: сюртукъ, перепоисанный шарфомъ, и киверъ, а въ холодное время мы всѣ имѣли или ваточный, или мѣховой сюртукъ, что впрочемъ, зимой на службѣ, постоянно мы носили.

Я бросился въ дверь, ведущую отъ Шостака въ нашу съ Потуловыми квартиру. Человѣкъ Потулова, старикъ Матвѣй, меня встрѣтилъ, объявляя мнѣ, что его господѣ нѣтъ дома; онъ держалъ въ рукахъ мой теплый сюртукъ, полусаблю и киверъ, и присовокупилъ, что мой камердинеръ Степанъ побѣжалъ за уголь взглянуть на пожаръ, ибо, какъ я уже говорилъ, отъ насъ до дворца было рукою подать. Я, спускаясь съ лѣстницы, успѣлъ сказать Матвѣю: «смотри, чтобы къ намъ кто нибудь не забрался», и выбѣжалъ изъ воротъ дома Богдановича по тротуару канавы, обогнулъ дворцовый манежъ и явился къ комендантскому подъѣзду Зимняго дворца.

Пока я спѣшилъ, проходя тротуаръ канавы, которая выходила на Милліонную и къ нашимъ казармамъ 1-го батальона, я мимоходомъ успѣлъ усмотрѣть массу нашихъ солдатъ 1-го батальона, стоявшихъ около казармъ и на Милліонной улицѣ въ шинеляхъ и фуражкахъ съ устремленными взорами на Эрмитажъ и на дворецъ, которые находились рядомъ. И въ этомъ пространствѣ къ началу Милліонной, близъ Эрмитажа, близъ дворца, около нашихъ казармъ, вездѣ темнота, вездѣ тишина и все спокойно; только мнѣ показалось, какъ будто уже тутъ находилось нѣсколько пожарной команды. А быть можетъ дѣйствительно мнѣ такъ только показалось, потому что,

ни на Милліонной, ни близь дворца и Эрмитажа, въ это время не было слышно ни чьихъ голосовъ, ни распоряженій, все было смирно, и, какъ будто, выжидалось появленіе самаго огня или пламени, а между тѣмъ царствовалъ полнѣйшій мракъ, за исключеніемъ горѣвшихъ постоянно уличныхъ фонарей, освѣщавшихся въ то время масломъ.

Это бѣдствіе было зимой. Я не помню хорошо, былъ ли этотъ день морозный, ибо климатъ Петербургскій въ то время былъ замѣчательно непостояненъ; случались перемѣны съ холода на подтаиваніе раза по два въ день, всегда сопровождаемыя постояннымъ вѣтромъ. Въ день же самой катастрофы дворца, я очень хорошо помню, что вѣтеръ былъ сильный,—въ особенности, когда я явился къ комендантскому подъѣзду, открылась дворцовая большая площадь, и тутъ вѣтеръ дулъ пронзительный и очень рѣзкій.

Около Александровской колонны, какъ и въ настоящее время, горѣли четыре фонаря, но только освѣщались масломъ. Равномѣрно и на всей дворцовой площади фонари были поставлены по извѣстному направленію, и съ извѣстнымъ расчетомъ; и хотя было несравненно темнѣе, чѣмъ теперь, но со всѣмъ тѣмъ, всегда можно было различить и людей, и проѣзжающіе экипажи. Мнѣ показалось, что на площади въ это время было большое движеніе и многолюдство, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенной суматохи и чего-либо особенно выражающагося замѣтно не было, и дворецъ и площадь продолжали находиться въ совершенномъ мракѣ.

Наша рота, назначенная на пожаръ, конечно пришла первая на площадь, и стала вѣнскомъ, противъ комендантскаго подъѣзда, ближе къ Александровской колоннѣ и тыломъ къ оной, почти противъ главныхъ дворцовыхъ воротъ и тѣхъ парныхъ часовыхъ, которые постоянно охраняютъ эти главные ворота.

Вскорѣ подошла рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, назначенная на пожаръ; потомъ, послѣдовательно, стали подходить роты и прочихъ полковъ, и всѣ пристраивались къ нашей ротѣ, въ совершенномъ мракѣ и тишинѣ и порядкѣ, какъ будто заранѣе вызванныя, въ ожиданіи долженствующихъ быть распоряженій.

Въ это время я не усмотрѣлъ никакого начальства: ни военнаго, ни со стороны города. Всѣ пришедшіе офицеры съ командами, все это разсѣялось во мракѣ и мелькали около дворца и площади близь Александровской колонны; и всѣ недоумѣвали, что за причина всеобщаго вызова командъ всѣхъ полковъ, когда не видно никакого пожара ни около, ни въ самомъ дворцѣ?

Между тѣмъ, я увидѣлъ нашего командира батальона, полков-

ника Есипова, вышедшаго изъ воротъ дворца съ нѣкоторыми изъ нашихъ офицеровъ, и нѣсколько офицеровъ другихъ полковъ, которые всѣ говорили, что караулъ главной гауптвахты, который былъ чуть ли не лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, а теперь уже не помню, весь выведенъ на платформу и что, по приказанію коменданта, который во дворцѣ находится, всѣ внутренніе караулы изъ залъ сняты и выведены на большой дворъ, гдѣ главная гауптвахта, и въ каменномъ большомъ корридорѣ, и всѣ въ ожиданіи приказаній, что залы дворца полны дыма, а что горить, и что дѣлается во дворцѣ—никто не знаетъ.

Такимъ образомъ, всѣ недоумѣвали, отъ кого и какимъ образомъ пришло приказаніе вытребовать на площадь дежурныя роты по пожару, которыя стояли на площади сложа руки по крайней мѣрѣ съ часъ времени? Все казалось тихо, не было ни малѣйшей суматохи, но все это казалось только намъ, находившимся на площади, и не проникавшимъ во внутренность дворца.

А между тѣмъ, что былъ за переполохъ, что былъ за ужасъ внутри дворца, какъ это все узналось впоследствии!

Сколько погибло первыхъ жертвъ и чего только не пожрало неслыханное до того у насъ бѣдствіе....¹⁾ Нѣтъ довольно словъ, которыми можно бы было выразить такой поражающій ужасъ.

Пожаръ Зимняго дворца, какъ были тогда слухи и какъ впоследствии подтвердились, начался внутри, съ самаго верхняго чердака этого громаднаго зданія, въ которомъ, какъ тогда было извѣстно, помѣщалось обитающихъ въ Зимнемъ дворцѣ, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, до 7-ти тысячъ душъ. Соответственно сему населенію, конечно, все было предусмотрено, все было приспособлено для могущаго произойти какого либо несчастнаго случая: во всякомъ этажѣ, на каждомъ дворѣ, а дворовъ въ Зимнемъ дворцѣ, кромѣ главнаго, имѣются еще нѣсколько внутреннихъ, въ каждомъ отдѣленіи—имѣлись пожарныя трубы, надлежащіе инструменты и при нихъ своя дворцовая команда. Поэтому, очень правдоподобно, что когда во дворцѣ случилась бѣда, то прежде чѣмъ ее огласить дворцовому начальству, а еще болѣе изъ опасенія бывшаго тогда министромъ двора, впоследствии свѣтлѣйшаго князя Волконскаго, котораго боялись и страшились пуще самаго огня, очень можетъ быть, дѣйствительно, что завѣдующіе и надсматривающіе какія-то лопнувшія трубы на чердакѣ сами отъ себя зачинивали и замазывали, а когда потомъ убѣ-

¹⁾ По извѣстіямъ официальнымъ въ пожарѣ Зимняго дворца изъ людей никто не погибъ, но это, конечно, не правда. См. „Русск. Арх.“ 1865 г. стр. 1093.

дѣлились, что дѣло еще хуже испортили, начали всѣми средствами стараться не давать огню распространиться и, такъ какъ у нихъ все было подъ рукою, и пожарныя трубы, и команда, то они тушили и до нелѣзя силились не давать вспыхивать пламени. Вотъ единственная причина, вслѣдствіе которой снаружи, съ площади, очень долго ничего не могло быть видно...

При этомъ страшномъ событіи нельзя не усматривать великаго покровительства Провидѣнія, Всемогущаго Бога, что въ этотъ самый вечеръ ни государя, ни императрицы, ни наслѣдника престола не случилось во дворцѣ, — они были въ театрѣ — чрезъ что избѣгли, быть можетъ, моментальнаго, но страшнаго, могущаго ихъ охватить, испуга ¹⁾. А затѣмъ, за отсутствіемъ императорской фамилии, во время этого страшнаго переполоха и сумятицы, которая произошла во дворцѣ, и гдѣ распоряжались, какъ было слышно, комендантъ и дворцовое начальство, вѣроятно, малолѣтнія царскія дѣти тотчасъ же были перевезены въ Аничкинъ дворецъ.

И такъ, хотя всему этому прошло уже болѣе 45-ти лѣтъ, но я на свою душу не принимаю во лжи ни малѣйшаго грѣха, и, какъ личный очевидецъ, утверждаю, что мы всѣ тогда на площади во мракѣ простояли, конечно, болѣе часа времени.

По той ли причинѣ, что мы часъ времени стояли на мѣстѣ безъ движенія; или дѣйствительно потому, что вѣтеръ, какъ на бѣду, усилился и началъ дуть порывистымъ уже вихремъ, (видно въ такихъ случаяхъ въ природѣ все должно такъ складываться), только мы всѣ стали ощущать нѣкоторую отъ стужи дрожь.

Вдругъ, какъ будто по какому велѣнію, или въ силу какого-либо волшебства, внезапно, неожиданно для всѣхъ, находившихся на площади, въ моментъ одного изъ сильныхъ порывовъ вѣтра, съ страшнымъ шумомъ и трескомъ, какъ будто все разверзлось во мракѣ, посыпались стекла изъ оконъ дворца, рамы вылетѣли горѣвшими на площадь, шторы на окнахъ всѣ вдругъ спустились, и въ этотъ же мигъ огненными змѣйками начали взвиваться по вѣтру. Въ этотъ же самый моментъ дворецъ внутренно весь освѣтился! Да какъ освѣтился! Вылетѣвшія рамы изъ оконъ образовали громадныя отверстія, которыя стоявшимъ на площади выказали всю внутренность бельэтажа дворца: всѣ комнаты, все убранство, всѣ стѣны, объятія пламенемъ. Въ особенности было поразительно видѣть покои надъ ко-

¹⁾ Государь, по прїѣздѣ изъ Большаго театра, (въ тотъ вечеръ шла опера съ балетомъ „Баядерка“ и всѣ восхищались знаменитою Тальони) самъ разбудилъ дѣтей своихъ и отправилъ ихъ въ Аничкинъ дворецъ.

мендантскимъ подъѣздомъ, въ которомъ одно сплошное огненное пламя какъ будто стояло, освѣщая какъ солнце.

Эта неожиданность, эта внезапность превращенія дворца изъ мрака — въ огненный, произвели то, что весь людъ, находившійся на площади: народъ и войско, одновременно, однимъ возгласомъ, все ахнуло. Это дало почувствовать, что подобное пораженіе потрясло нервы всѣхъ безразлично. И въ это самое мгновеніе, дежурныя по пожару роты, стоявшія близъ Александровской колонны, какъ бы инстинктивно, съ наклоненными штыками, ринулись прямо въ главные ворота дворца, а за ними бросился и народъ.

Вслѣдъ затѣмъ поднялся шумъ, крикъ и всеобщій гамъ, которые, смѣшавшись съ бушевавшей погодой, превратили все въ какой-то невыразимый хаосъ! Не видно и не слышно было среди прилива массы народа ничьихъ и никакихъ распоряженій; одинъ только, какъ будто, густой ревъ или гулъ переполнялъ воздухъ. Однимъ словомъ, не находится довольно словъ, ни выраженій, чтобы понятно изобразить все тогда видѣнное и чувствуемое!

Мы всѣ обомлѣли, какъ будто безсознательно взирали на все, что творилось съ этимъ громаднымъ, съ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ — жилищемъ русскаго царя, превратившимся въ огненное пекло.

Площадь, народъ, войско, стоявшіе предъ тѣмъ во мракѣ, внезапно очутились освѣщенными свѣтомъ огненнымъ. Всѣ человѣческія фигуры людей, находившихся на площади, всѣ представлялись цѣта огненнаго. Однѣ только высокія каменные стѣны дворца давали вблизи себя какую-то густую тѣнь. Онѣ стояли невредимыми, въ то время, когда внутри ихъ все пожиралось огненнымъ неизобразимымъ пламенемъ.

Одновременно, какъ только освѣтился дворецъ, страшная масса черно-сѣроватаго дыма, вѣроятно спертаго внутри дворца, съ ужасной силой устремилась во всѣ отверстія.

Дворцовыя окна, вслѣдствіе сгорѣвшихъ и вылетѣвшихъ рамъ, представляли собою какія-то огромныя ворота, изъ которыхъ валялъ этотъ густой дымъ и бушевавшимъ вѣтромъ разносился по воздуху. Выѣстъ съ тѣмъ, надъ самой крышей дворца, составила изъ дыма черная, точно грозовая, туча, которая освѣщалась огромнѣйшимъ на небѣ заревомъ, и это зарево, говорятъ, было видно за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Петербурга.

Въ минуты человѣческихъ бѣдствій есть-ли возможность найти достаточно словъ, которыми можно бы было выразить вполне ощущение и самое состояніе человѣка? Въ это время всѣ люди — людьми, одинаково поддаются ощущеніямъ испуга, страха и паники, рѣдко

кто неизмѣнно сохранить свой твердый духъ, и человѣкъ этотъ всегда выдается и всегда отличаемъ. Мы всѣ тогда, это я могу сказать безъ преувеличенія, вся масса присутствующаго люда при зрѣлищѣ свирѣпствующаго элемента, мы всѣ находились въ такомъ положеніи, которое не только трудно, но невозможно передать! Такое бѣдствіе, которое представлялось, сама неожиданность уже отбила, такъ сказать, у всѣхъ разумъ! Всѣ растерялись. Никто не зналъ за что взяться, что предпринять! всѣ галдѣли, шумѣли и только одна всеобщая суматоха!

Вдругъ, среди самаго этого гвалта, внезапно оглашается прїѣздъ на пожаръ государя Николая Павловича. Какъ огласился, кѣмъ огласился, я опять-таки ничего теперь сказать не могу! Но только скажу одно: кто жилъ и служилъ въ царствованіе государя Николая Павловича, тому должно быть очень памятно, какое всегда магическое дѣйствіе имѣло на все и на всѣхъ появленіе государя.

И то сказать, находился ли когда нибудь и кто нибудь, хотя бы одинъ такой, который сказалъ бы, что въ просвѣщенномъ и образованномъ мірѣ того времени онъ встрѣчалъ подобнаго человѣка, какимъ постоянно представлялся государь Николай Павловичъ во всѣхъ случаяхъ въ жизни. Прежде всего, государь Николай Павловичъ былъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ первымъ рыцаремъ своего вѣка. Во вторыхъ, чтобы припомнить всѣмъ тѣмъ, кто жилъ въ царствованіе государя Николая Павловича, то нравственное вліяніе, которымъ обладалъ тогда русскій царь, я безошибочно могу подвести хотя бы такого рода обстоятельство: ежели бы собрать сотню тысячъ людей разныхъ націй на какомъ нибудь пространномъ мѣстѣ и призвать какого либо изъ заморскихъ этихъ господъ и спросить его, чтобы онъ указалъ, который изъ этой сотни тысячъ людей можетъ быть русскій царь?—всеконечно, и безъ сомнѣнія, онъ указалъ бы на Николая Павловича.

И такъ, во время самаго разгара бушующаго огненнаго вихря, государь Николай Павловичъ спокойно, тихо, по обыденному своему положенію одинъ въ санкахъ въ одну лошадку, подѣхалъ ко дворцу, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ трехъ-угольной шляпѣ, которую его величество всегда носилъ по установленной формѣ.

Въ этотъ вечеръ, какъ я уже сказалъ, вся царская фамилія находилась въ театрѣ. По докладѣ о пожарѣ, государь прямо изъ театра прїѣхалъ на пожаръ и подѣхалъ прямо къ главнымъ воротамъ Зимняго дворца и сошелъ съ саней.

При появленіи государя Николая Павловича на пожарищѣ,

среди страшнаго шума, криковъ и гвалта, въ одинъ мигъ все смолкло. Весь людъ, послѣ невыразимой всеобщей суматохи, все очутилось въ тишинѣ и всѣ оставались, какъ будто, въ какомъ-то напряженномъ состояніи, въ ожиданіи, что будетъ произнесено царемъ? Только и чувствовалось всѣми и каждымъ, при произнесеніи единого слова государемъ, полнѣйшая готовность на всякое сверхъ-естественное предпріятіе.

При этомъ, опять-таки, я, какъ изъ людей древнихъ временъ, несовременный нынѣшнему, и потому всему дивлюся: откуда все взялось, какъ это сообразить, по щучему что-ли это велѣнію, какъ въ басняхъ говорятъ? Только, не успѣлъ государь выйти изъ саней, какъ все дышащее въ Петербургѣ, всѣ высокопоставленныя личности, все городское и воинское начальство, всѣ иностранные посланники и все военное офицерство гвардіи, все это вдругъ внезапно очутилось предъ государемъ и всѣ въ одномъ ожиданіи.

Государь предъ главными вратами своего разрушающагося жилища. Передъ государемъ стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ, приложивъ руку къ шляпѣ, а за великимъ княземъ,—вся масса вышесказанныхъ лицъ въ полукругѣ, и ни полъ-слова между собою. Вѣтеръ страшно завывалъ и изъ отверстій оконныхъ дворца поминутно выходило пламя и освѣщало мѣстность. Государь разсыпалъ изъ окружающихъ его величество генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, и съ этой минуты все сосредоточилось на одномъ государѣ.

Подходя къ Салтыковскому подъѣзду, государь опять остановился и обернулся ко всѣмъ его окружающимъ. Мы всѣ приложили руки къ козырьку. Государь отрывисто произнесъ:

— «Г. г. офицеры 1-го батальона Преображенскаго полка—на половину императрицы, и, что можно, сохраните отъ огня, но прошу собой не рисковать».

Затѣмъ куда государь, великій князь и вся свита отошли, я сказать не могу, потому что вслѣдъ затѣмъ, какъ только государь произнесъ эти слова, вся масса офицеровъ, которая только тутъ находилась и Преображенскихъ и другихъ полковъ, а въ числѣ всѣхъ и я—мы всѣ чрезъ разные подъѣзды устремились во дворецъ и, какъ теперь помню, всѣ бросились съ какимъ то увлеченіемъ, съ какой-то охотой и тотчасъ же присоединились къ громадной массѣ солдатъ, которые были разсыпаны по всѣмъ покоямъ и комнатамъ дворца.

Тутъ я уже не могу сообразить что передать, и какъ передать: устремляясь во дворецъ и зная, что въ немъ горитъ, я все таки не воображалъ видѣть всего того, что неожиданно представилось! Какъ

изобразить все, что происходило внутри дворца, когда мы въ него проникли, вслѣдствіе словъ государя?

Послѣ такого порядка, чистоты и убранства, которыя мы привыкли всегда видѣть во дворцѣ, намъ представился полнѣйшій хаосъ, ежели только это выраженіе можетъ достаточно опредѣлить, во всей силѣ слова, настоящее безобразіе, которое мы тамъ усмотрѣли! Массы солдатъ, все ломаютъ, все обдираютъ, все тащатъ, все вытаскиваютъ въ дворцовый манежъ, который дѣйствительно былъ наполненъ вынесенными и, конечно, извоверканными вещами! И по чѣму все это дѣлалось указанію, никто ничего не зналъ; а между тѣмъ, казалось, что эта ломка, обдираніе, какъ будто, болѣе раздражало и возбуждало огонь, ибо все кругомъ вспыхиваетъ, трепить и валится. Минуты не возможно было оставаться на одномъ мѣстѣ! Солдаты сами не знали, что они дѣлаютъ; оглушающій трескъ, ежеминутное появленіе новаго огня, спирающійся дымъ, все вмѣстѣ заставляло теряться и приводило въ чувство одуренія!

Мы всѣ первоначально, конечно, имѣли въ мысляхъ, когда мы проникли только во дворецъ, полную увѣренность быть чѣмъ-либо полезными, но какъ попали въ это хаотическое пекло, совершенно растерялись, ибо тотчасъ усмотрѣли, что не только быть полезными, но необходимо самимъ спастись, тѣмъ болѣе, что среди свирѣпствующаго повсюду огня вмигъ потеряли нить на выходъ, ибо откуда вошли, то это пространство уже занялось сплошнымъ огнемъ! Вотъ тутъ-то появляется въ человѣкѣ трепетъ, который никакому ощущенію не возможно уподобить.

Офицеры, солдаты, безразлично, всѣ растерялись окончательно! Захваченные со всѣхъ сторонъ огнемъ и дымомъ, какъ обезумѣвшіе, одинъ за другимъ, или вѣрнѣе, толпа за толпой перебѣгали изъ залы въ залу, сопровождаемые стукомъ и трескомъ и не находя возможности отыскать выхода; все занялось огнемъ, все переполнилось дымомъ, ничего различить невозможно, бѣжимъ безсознательно, начинаемъ задыхаться и чувствовать, что мысли въ головѣ начинаютъ путаться.

Офицеры, солдаты, всѣ смѣшались, но не только всѣ смѣшались, но всѣ сравнялись, всѣмъ одна участь, всѣ бѣгутъ; никто никого внять не хочетъ, и каждый бѣжитъ, думая только о себѣ. Дворцовыя залы, безъ того огромныя, а въ это время онѣ показались намъ неизмѣримой величины.

Въ этой душевной тоскѣ, пробѣгая по горѣвшимъ заламъ, мы столкнулись еще съ нѣсколькими изъ своихъ офицеровъ и, вдругъ, всѣ повернули въ другую залу и побѣжали, какъ будто, по другому

направленію, и я въ дыму тотчасъ потерялъ двухъ изъ своихъ товарищей и началъ бѣжать на голосъ полковника Есипова, нашего батальоннаго командира, котораго голосъ я хорошо зналъ. Есиповъ, бѣжавши, поминутно кричалъ: «Ефимовъ, Ефимовъ!» и прибавлялъ «куда, гдѣ?» Ежели бы не голосъ полковника Есипова, я бы рѣшительно потерялся въ столкновеніяхъ съ солдатами, бѣжавшими и поминутно измѣнявшими направленіе.

Не взирая на все сокрушительное положеніе, въ мысляхъ моихъ промелькнуло любопытство—кто такой можетъ быть этотъ Ефимовъ,—такого офицера у насъ въ полку не было и быть не могло. Оказалось, впоследствии, что этотъ Ефимовъ, спасшій тогда много людей, былъ никто другой, какъ нашей государевой роты унтеръ-офицеръ.

И такъ, пробѣгая залы толпами, одни за другими, мы очутились, какъ послѣ дозналось, какъ будто въ той залѣ, гдѣ постоянно занимали внутренній караулъ кавалергарды и конно-гвардія. Безобразіе, произведенное пожарищемъ, перебуравило до того внутренность покоевъ дворца, что невозможно было ни узнать, ни различить что либо, еще болѣе и потому, что дымъ отъ всего прогорѣлаго такъ сгустился въ иныхъ комнатахъ, что казался, какъ будто кисея, протянутая отъ потолка къ полу. Этотъ дымъ рѣзалъ глаза и заставлялъ задыхаться; а при томъ еще трескъ, паденіе чего-то громоздкаго и безнадежность отыскать выходъ и спастись начинали приводить къ ощущенію такого отчаянія, которое можно приравнять къ агоніи умирающаго, но только для здороваго и полной жизни человека это несравненно тягостнѣе.

Вдругъ, внезапный пронзительный крикъ: «сюда, сюда, ваше высокоблагородіе, здѣсь!» Этотъ голосъ такъ оживилъ всѣхъ, что моментально раздалися сотни голосовъ, повторившихъ: «здѣсь, сюда!»

Возгласъ этотъ заставилъ, какъ будто, опаматоваться или придти въ себя, ибо придалъ всѣмъ и каждому сто процентовъ бодрости, мужества и оживленія. Всѣ ринулись еще поспѣшнѣе и, какъ сейчасъ помню, пробѣжали какое-то еще пространство съ трепетомъ, и когда подбѣгали, то вновь слышался, какъ бы на нѣкоторомъ разстояніи, голосъ: «сюда!»

Затѣмъ, моментально, предъ какимъ-то спускомъ, столпилась громадная масса солдатъ и офицеровъ перемѣшавшихся и началась давка, толкотня безъ разбора; пожалуй бы могло дурно кончиться, ежелибъ не крикнулъ какой-то хриплый басъ, но, какъ будто, повелительный голосъ: «легче, не всѣ вдругъ!» Всю кучу составляли солдаты, и при этомъ повелительномъ «легче» невольнo всѣ на минуту пріостановились — предъ всѣми нами оказалась каменная

лѣстница, ведущая въ нижній этажъ Зимняго дворца къ тому выходу, чрезъ который кавалерійскіе караулы проходятъ въ залы для содержанія внутреннихъ карауловъ. Однимъ словомъ, это оказался единственный путь къ общему спасенію. Лѣстница эта, въ сравненіи съ другими лѣстницами, которыя чрезъ всѣ подъѣзды проходили во дворецъ, оказалась очень узкою. Но ужъ тутъ самосохраненіе взяло такой верхъ надъ всѣмъ, что и басистаго голоса не слышно было болѣе; вся толпа солдатъ разомъ съ криками устремилась, давка была страшная. Къ этому темнота на лѣстницѣ, дымъ, и при этомъ невыразимая внутренняя тоска чувствъ, вырваться, такъ сказать, изъ преисподней на свѣтъ, не можетъ быть изобразима! Я теперь, писавши эти строки, ей, ей, ощущаю, какъ будто, какое-то стѣсненіе въ груди!

Наконецъ, при давлѣ и крикахъ, выбились въ какой-то широкій каменный корридоръ, который тоже былъ наполненъ дымомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вдругъ охватило надворнымъ воздухомъ и холодомъ. Но разобрать и видѣть тоже невозможно было ровно ничего и никого. Пространство корридора оказалось довольно широкое, всѣ пустились бѣгомъ по корридору, не зная еще куда онъ насъ ведетъ, при страшномъ шумѣ и отъ происходившаго надъ нами стука и треска горѣвшаго дворца, и слышавшихся съ надворья криковъ,—все это потрясало нервы и весь организмъ.

Мнѣ казалось, что мы будто бы довольно долго бѣжали по корридору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, холодный воздухъ все болѣе и болѣе давалъ себя чувствовать, наконецъ, оказался надворный ночной, но все-таки уже свѣтъ, и мы изъ корридора вышли на площадку, гдѣ я тотчасъ же узналъ караульныя главной гауптвахты: офицерскую и солдатскую. Но все это въ безобразномъ положеніи: видно было, что по уходѣ караула, тотчасъ принялись все ломать. Двери офицерскихъ комнатъ были выломлены, мебель вытащена и разломанная валялась. Нары изъ огромной солдатской караульной частью были вытащены и тоже разбросаны у крыльца схода съ гауптвахты на главный дворъ, гдѣ находилась платформа. Но ни платформы, ни сошекъ для ружей, ни колокольчика, ни будки часового—не существовало.

Главный дворъ былъ полонъ солдатъ, пожарной командой, трубами, бочками и лошадьми. И такъ какъ дворъ этотъ составляетъ большое каре или квадратъ, то весь людъ и все находившееся на дворѣ было ярко освѣщено окнами, выходившими изъ дворца на этотъ главный дворъ. И такъ какъ въ этихъ окнахъ рамъ, конечно, не существовало уже, то яркимъ пламенемъ изъ этихъ отверстій все и освѣщалось.

Пожарная команда тутъ сильно работала, наведенными трубами не переставала заливать въ окна, но со всѣмъ тѣмъ, внутри все продолжало горѣть и сильно трещать. И вообще на этомъ главномъ дворѣ, въ это время, было такое огромное скопленіе солдатъ съ пожарной командою и такая суетня, крикъ и шумъ, что невозможно было ничего сообразить, ни разобрать.

Я въ числѣ прочихъ, но съ кѣмъ—я уже сказать не въ состояніи, но только въ числѣ страждущихъ, трепещущихъ и, могу сказать, одурѣвшихъ, прошмыгнувъ чрезъ этотъ главный дворъ въ ворота и вышелъ на дворцовую площадь. Я чувствовалъ, что я стремлюсь и спѣшу такъ, какъ будто изъ боязни, чтобъ меня не схватили, или не остановили. И вотъ какія чувства могутъ охватывать въ моментъ потери своего нормальнаго состоянія и даже сознанія.

А между тѣмъ этотъ кипѣвшій людъ на главномъ дворцовомъ дворѣ не обратилъ даже на меня ни малѣйшаго вниманія. Я, одинъ, самъ только чувствовалъ откуда и какъ я вышелъ. Но даже, ежели бы вся эта масса людей меня и замѣтила, какъ офицера, то что это для нихъ, ихъ бы нисколько не удивило, ни особенно тронуло и даже не смутило бы, потому собственно, что всѣ находились въ одномъ и томъ же душевномъ состояніи. А имъ опасность, безъ сомнѣнія, всегда предстоитъ еще большая и всѣ они съ полнымъ самоотверженіемъ и безмолвно приносятъ себя въ жертву. Надо отдать полную справедливость великому народу русскому.

Когда я вышелъ изъ главныхъ воротъ дворца на площадь, что могъ я ощутить, что могъ я чувствовать? Это я предоставляю на сужденіе всѣхъ тѣхъ, которые прочтутъ эти простыя, эти древнія мои воспоминанія.

Я былъ только три года офицеромъ гвардіи; мнѣ было отъ роду какихъ нибудь 21 годъ. Гдѣ взять словъ, которыми можно бы было выразить состояніе той молодости, которой будущность всегда представляется въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ.

Теперь я сознаюсь чистосердечно и откровенно, что послѣ того, когда возвратились ко мнѣ всѣ мои нравственныя силы и когда я опаматовался и ощутилъ, что я могу вздохнуть свободно, то я подумалъ и сказать про себя: «гори дворецъ, хотъ еще сильнѣе, но я болѣе туда не хожу!»

Дворцовая площадь была переполнена людомъ и это скопленіе произвело на площади всеобщую невыразимую суетню, крикъ, шумъ, которыя превратились въ какой-то гулъ въ воздухѣ. Движеніе на площади было страшное, пожарная команда, пожарныя бочки скакали,

прѣвѣжали и отбѣжали ежеминутно. Все смѣшалось; пожаръ, продолжавшая свирѣпствовать буря и эта возня народа на площади, все это такъ оглушало и охватывало со всѣхъ сторонъ, что поневолѣ необходимо было поминутно озираться, чтобы не быть задавленнымъ.

На площади невозможно было усмотрѣть и признака того, что было первоначально, когда приходили на площадь роты и становились около Александровской колонны въ типинѣ и порядкѣ. Въ это время всеобщее движеніе пожарныхъ командъ и переполнявшихъ площадь солдатъ сотворили полную суматоху. Вѣтеръ продолжалъ страшно и порывисто дуть, и пожарище, мнѣ казалось, нисколько не уменьшалось. Я полагаю, что было тогда болѣе часу ночи, а внутренность дворца продолжала истребляться и пожираться страшнымъ огнемъ.

Я невольно обратилъ мой взоръ на горѣвшій дворецъ и мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно смотрѣть во внутренность зданія; я содрогнулся всѣмъ тѣломъ, когда вспомнилъ, что внутри дворца осталось много людей, а въ это время чрезъ освѣщенные отверстія бывшихъ оконъ слышался стукъ, трескъ и паденіе чего-то тяжелаго, которое конечно минутно, но какъ будто потрясло все зданіе дворца. И какъ узналось впоследствии, это паденіе тяжелаго, это было разрушеніе и паденіе потолковъ въ нѣкоторыхъ залахъ. И одинъ изъ таковыхъ обваловъ потолка, въ одинъ моментъ, прикрылъ и въ мусорѣ похоронилъ до 30 человѣкъ солдатъ экипажа-гвардіи. Ужасъ, который при одномъ воспоминаніи невольно заставляетъ содрогаться.

О погибшихъ и отысканныхъ впоследствии нами, войсками, жертвахъ, когда мы очищали дворецъ, я буду говорить ниже, потому что пожаръ внутри дворца продолжался, сколько я помню, цѣлую недѣлю, ажи не болѣе, конечно, не такимъ огнемъ, какъ тотъ, который первоначально свирѣпствовалъ, но не менѣе того, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, внутри этой громады зданія продолжало все горѣть и горѣло до тѣхъ поръ, пока все сгораемое вещество не было истреблено, и затѣмъ, образовались груды жара и горячаго угля.

И такъ, когда я обратилъ вниманіе на все то, что творилъ этотъ злѣйшій элементъ съ жилищемъ государя, меня, не смотря на всю молодость и вѣтренность, меня охватили думы и думы крайне сукрушительныя. Такое зданіе, такое великолѣпіе, какъ Зимній дворецъ, обитель русскаго царя, сосредоточіе всѣхъ надеждъ и упованій, однимъ днемъ разрушается и превращается въ груду пепла. Такъ для меня это казалось тогда непостижимымъ.

Этотъ всепожирающій огонь, безпощадно уничтожая и истребляя

все находящееся внутри стѣнъ дворца, не принесъ однако тяжкаго вреда самимъ стѣнамъ. Рамы, окна, все убранство, ничего не осталось и въ поминѣ. Изъ оконъ образовались какія-то огромныя отверстія, въ родѣ воротъ, откуда валилъ сѣро-черный, сгустившійся продолговатой массой, въ родѣ какого-то чудовища, дымъ и, по вылетѣ изъ отверстій, принимался вѣтромъ и разсѣвался по воздуху. Взирать тогда на все это было нестерпимо.

Я, удрученный мыслями, взволнованный отъ небывалаго со мной до того времени ничего подобнаго, и при томъ утомленный физически, намѣревался пробраться домой и потому взялъ направленіе, пересѣкая дворцовую площадь прямо къ Пѣвческому мосту, который какъ разъ находился наискось воротъ дома Богдановича и моей квартиры съ братьями Потуловыми. Но площадь эта, хотя громадная, но до того была запружена пожарными командами, трубами, бочками, лошадьми, пожарными инструментами, что съ большимъ трудомъ можно было пробираться среди солдатъ почти всего гвардейскаго корпуса, которые, въ это время, были вѣроятно вызваны и приданы на помощь дѣйствующимъ пожарнымъ командамъ и самой полиціи, для удержанія простого народа.

Я уже почти подходилъ къ пѣвческому мосту, какъ вдругъ и внезапно я поражаюсь, совершенно не ожидая и не предполагая даже, звонкимъ и повелительнымъ голосомъ Государя: «спасибо, ребята, молодцы!..» И вслѣдъ затѣмъ грянуло единодушное, громогласное: «рады стараться, Ваше Императорское Величество»!.. И это самымъ бушевавшимъ вѣтромъ разнеслось по всей площади и прозвенѣло въ ухахъ всего находящагося на площади воинства.

Что же это былъ за гласъ въ ночи, что же это были за возгласы, раздавшіеся со стороны горѣвшаго дворца отъ комендантскаго подъѣзда? Я минутно оторопѣлъ, но тотчасъ опаматовался; это былъ голосъ царя и отвѣтъ войска стараго закала!

При одномъ теперь воспоминаніи о прошедшемъ бѣдствіи, о томъ, какъ работало это войско на пожарницѣ, какъ гибли эти люди, какія были выказаны высокія самоотверженіе и преданность — живьемъ шли въ огонь за царя — у меня трепещетъ сердце.

Какъ только я услышалъ голосъ Государя, мои усиленные усталостью и томленіемъ чувства вдругъ оживились, я ощутилъ вновь и бодрость, и силу, и, не доходя до своей квартиры, повернулъ къ сторонѣ дворцоваго манежа, добрался до комендантскаго подъѣзда и вышелъ къ началу самой Милліонной улицы. Тутъ представилось зрѣлище, выходящее изъ ряда всякаго описанія. Чтобы передать все

видѣнное, недостаточно одной памяти и воспоминанія, необходима сила наложенія.

Какъ выше я говорилъ, съ лѣвой стѣны отъ Зимняго дворца проходила крытая галерея въ Эрмитажъ, слѣдовательно, это мѣсто дворцовой стѣны, откуда былъ проходъ въ галерею, было единственнымъ пунктомъ, откуда огонь могъ легко пройти чрезъ галерею въ Эрмитажъ; охвативъ Эрмитажъ, чрезъ вторую такую же галерею, которая упиралась въ стѣну нашихъ казармъ 1-го батальона, проникнуть въ казармы, охватить дома Большой Милліонной, Мраморный дворецъ и далѣе, и тогда бѣдствія для Петербурга могли быть неисчислимыми!.. Поэтому, не допускать перехода огня изъ дворца въ галерею и въ Эрмитажъ было дѣломъ чрезвычайной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне опасной задачей, для выполненія которой требовались сверхъестественныя человѣческія силы.

Пробравшись къ началу Милліонной на тротуаръ дворцоваго манежа, который своимъ длиннымъ фасомъ былъ совершенно противъ Эрмитажа, я усмотрѣлъ по всему протяженію Милліонной, отъ стѣны дворца и до нашихъ казармъ 1-го батальона, что вся улица была загромождена пожарными командами, и дѣятельность кипѣла неизобразимая. Большое количество пожарныхъ трубъ дѣйствовали безостановочно, не только въ самый проходъ стѣны, откуда страшное пламя и огонь пробивались на галерею, ведущую къ Эрмитажу, но обливался усиленно весь Эрмитажъ, равномерно манежъ и всѣ прилежащія строенія. Вся эта мѣстность, пожарные люди и войска, имъ приданныя въ помощь, всѣ были вымочены, какъ говорится, до костей. А самая Милліонная улица, между дворцовымъ манежемъ и Эрмитажемъ,—вся эта часть мѣстности представляла полное наводненіе.

Крытая галерея, выходящая изъ стѣны дворца и упирающаяся въ Эрмитажъ, составляла именно проходъ въ Эрмитажъ, который совершенно былъ разломанъ и оставались одни только толстые желѣзные брусья, протянутые отъ стѣны дворцовой до стѣны Эрмитажа, на которыхъ былъ насланъ полъ галереи, когда она существовала. И вотъ, на этихъ-то брусьяхъ громоздились нижніе чины какъ пожарной команды, такъ и войскъ, приданныхъ имъ въ помощь. Всѣ нѣсли въ рукахъ стволы пожарныхъ трубъ, направленные и дѣйствующие въ отверстіе стѣны дворца, изъ котораго страшная масса огненного пламени выбивалась наружу, къ сторонѣ разрушенной галереи. Усилія людей остановить эту свирѣпствующую огненную бурю были неимоверныя. А смотрѣть эту картину было изумительно и страшно!

Одновременно сиву, на улицѣ, было тоже сосредоточено нѣсколько пожарныхъ трубъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто наведенныя батареи, дѣйствующія по одному и тому же предмету. Все это огромное количество пожарныхъ трубъ, дѣйствующихъ совокупно, имѣло ту силу, что заставляло неоднократно выбивающееся изъ прохода стѣны дворца огненное пламя потухать, и мѣсность въ этотъ моментъ покрывалась, какъ будто, тѣнотю.

Казалось бы достигали цѣли, утушивъ въ проходѣ огонь, не выпускать пламя наружу. Но затѣмъ, все вновь какъ будто разверзлось. Силою вѣтра страшное пламя съ трескомъ вылетало изъ прохода стѣны, обдавало людей, громовидившихся на желѣзныхъ брусьяхъ; люди обожженные падали съ брусевъ и убивались. При видѣ всего этого кровь застывала въ жилахъ, до того это было поразительно. Съ симъ вмѣстѣ, было замѣтно, что каждая такимъ образомъ поражающая сцена ужасно озлобляла людей; наши солдатики, въ особенности пожарная команда, вмгъ взбирались на смѣну упавшихъ, и съ большимъ упорствомъ напрягали все человѣческое усиліе. Самоотверженіе, самопожертвованіе дѣйствующихъ на пожарницѣ нижнихъ чиновъ, вообще, можетъ смѣло быть названо безпримѣрнымъ.

Это былъ бой съ силою огненной стихіи, который ни съ какимъ боемъ въ мірѣ сравняться не можетъ. Тутъ люди, безъ малѣйшихъ помысловъ, приносили себя въ жертву, и преданность солдата государю здѣсь выказалась на чистоту.

Гибель, грозившая, можетъ быть, большей части Петербурга, была остановлена тѣмъ, что, наконецъ, отстояли Эрмитажъ и не допустили пожарище охватить нашихъ казармъ и затѣмъ Милліонной улицы; вся огненная лава осталась въ стѣнахъ и внутри Зимняго дворца. Стѣны этого громаднаго зданія, отдѣлавшіяся одной только копотью, величаво стояли, сохраняя въ своей утробѣ временно-переполненный дышащимъ огнемъ мусоръ... При этомъ, не малое количество отстававшихъ Петровъ градъ сдѣлались жертвами спасенія и погребли себя подъ развалинами всего разрушеннаго и истребленнаго огненнымъ бѣдствіемъ.

Самъ государь Николай Павловичъ во все время находился на тротуарѣ дворцоваго манежа, прямо противъ Эрмитажа, въ той же самой формѣ одежды, какъ пріѣхалъ изъ театра на пожаръ, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ трехъ-угольной шляпѣ. Около государя также находились великій князь Михаилъ Павловичъ и та же свита генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ. Самъ государь и всѣ его окружающіе, всѣ были, какъ говорится, до нитки вымочены водой.

Государь слѣдилъ за дѣйствіями работавшихъ такъ, какъ мнѣ кажется, никто другой не могъ бы такъ исполнить. Не теряя никогда присутствія духа, государь лично распоряжался, отдавалъ всѣ приказанія, ни минуты не оставаясь празднымъ. Его величество принималъ всѣ мѣры, которыя только были возможны для того, чтобы не допускать далѣе распространяться огню. Личное присутствіе государя имѣло неимоверное вліяніе, крайне воодушевляло, ободряло и поддерживало усиліе солдатъ. Вотъ почему эти возгласы: «рады стараться» и разносились по воздуху, предъ силой, все опустошающей въ глазахъ самаго государя.

Отъѣзжалъ ли государь отъ пожарища хотя на нѣкоторое время, или находился безотлучно съ минуты своего пріѣзда изъ театра, я, къ моему сожалѣнію, ничего теперь не помню, и поэтому ничего сказать не могу. Но, по силѣ воли, которою обладалъ государь Николай Павловичъ, въ особенности въ минуты трудныя, надо полагать, что его величество ни на минуту не покидалъ пожара, усмотрѣвъ грозящее бѣдствіе. Впрочемъ не безънадежно было въ тѣ времена всѣмъ и каждому, что въ царствованіе государя Николая Павловича это было не первое бѣдствіе, которое личнымъ присутствіемъ его величества всегда прекращалось, утушалось и нормальное положеніе восстанавливалось.

На другой день и въ послѣдующіе нѣсколько дней, тушеніе пожара въ Зимнемъ дворцѣ все продолжалось. Съ самаго вечера катастрофы съ Зимнимъ дворцомъ, вся царская семья переѣхала въ собственный ихъ величества Аничкинъ дворецъ.

Зимній же дворецъ продолжалъ горѣть нѣсколько дней къ ряду, а именно сколько дней, я теперь хорошенько припомнить не въ состояніи, но по крайней мѣрѣ внутри дворца все продолжало горѣть съ недѣлю. Очень натурально, не такимъ огнемъ и пожаромъ, какъ въ первый день,—не видно было снаружи ни огня, ни выходящаго пламени, но вся внутренность этого громаднаго зданія, гдѣ насчитывалось нѣсколько внутреннихъ дворовъ, а поэтому и жилья, которыя всѣ были охвачены пожарищемъ перваго дня, распространеніе котораго внутри стѣнъ двора остановлено быть не могло, поэтому все, весь дворецъ былъ переполненъ оставшимся еще жаромъ и горящимъ углемъ. Слѣдовательно, необходимо было продолжительное и тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы эти груды мусора съ огнемъ и горящій пепелъ не могли быть раздуты вѣтромъ и выброшены наружу.

Нашъ Преображенскій полкъ со втораго же дня пожара началъ

чередоваться съ Семеновскимъ полкомъ. Мы по двѣнадцати часовъ къ ряду, безвыходно, стояли на дворцовой площади, близъ Александровской колонны, противъ дворца, и днемъ и ночью, безотлучно, такъ что нижнимъ чинамъ пища доставлялась изъ казармъ на площадь. А такъ какъ непостоянный петербургскій климатъ повернулъ вдругъ и, какъ нарочно, на сильный морозъ, то дозволили намъ, съ полной осторожностью развести для нижнихъ чиновъ костры, и въ особенности вечеромъ и ночью наша стоянка на площади представляла видъ очень недурной, видъ освѣщеннаго бивака. Только мнѣ очень и очень памятно, какъ мы всѣ въ продолженіи этихъ 12 часовъ мерзли. У насъ въ то время не было и въ заведеніи имѣть на службѣ фуражекъ, а былъ постоянный киверъ съ султаномъ на головѣ; ружья стоятъ въ козлахъ, а люди сидятъ у костровъ, да отогрѣваются. Тогда у нижнихъ чиновъ не существовало никакихъ башлыковъ; чтобы не заморозить ушей, то въ 10 градусный морозъ надѣвали черные наушники и шинели на мундиръ въ рукава. И я, право, во всю мою службу не помню, чтобы когда нибудь нижніе чины отмораживали себѣ члены, за это строго взыскивалось. Мы же, офицеры, въ эту 12-ти часовую стоянку, конечно находились съ ротами на площади безотлучно. У насъ, у всѣхъ, были или сюртуки на ватѣ или мѣховые и тоже черные наушники подъ киверомъ. Мы отогрѣвались большею частію чайкомъ, а иногда водочкой и винцомъ. Да, я очень хорошо помню, что тогда морозъ насъ всѣхъ пробиралъ порядкомъ.

Съ нами вмѣстѣ на площади дежурила тоже и часть пожарной команды въ полномъ составѣ, т. е. съ трубами, бочками и лошадьми. Эта пожарная команда тоже чередовалась и послѣ 12-ти часовой стоянки уходила къ себѣ. Равномѣрно, внутри самаго дворца, находилась постоянно пожарная команда, но еще въ большемъ составѣ, которая и денно и нощно, безостановочно, продолжала поливать и все заливать каждый уголокъ во дворцѣ.

Такое наше наблюденіе продолжалось недѣли двѣ, всякій Божій день, до тщательности неимовѣрной, и, при этомъ наблюденіи, повѣряющихъ и надсматривающихъ надъ площадью и дворцомъ и денно и нощно было безчисленное множество начальствующихъ лицъ. Когда всѣ убѣдились, что все потухло, охладѣло и не осталось ни единой искры ни въ мусорѣ, ни во всемъ обгорѣломъ, тогда приступили къ очищенію дворца.

Что относится до очистки Зимняго дворца послѣ пожара, то я опять нахожусь въ томъ затрудненіи, чтобы достаточно изобразить, что была это за работа. Конечно, не египетская, какъ имѣютъ обык-

новеніе называть всякую тяжелую работу, но очистка дворца была такая работа, въ которой участвовали всѣ гвардейскіе полки безпромежуточно, по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ времени, ежели не болѣе. Масса всего обгорѣвшаго во дворцѣ, въ этомъ громадномъ зданіи, и обратившагося въ мусоръ, сотнями подводъ ежедневно вывозилась, но не сотнями, а тысячами пудовъ. Послѣ того можно судить, что такое было въ зданіи, въ которомъ внутри сгорѣло все до тла! Вся внутренность дворца была загромождена, такъ сказать, наваленными кучами такой громады мусора, что большая часть этихъ кучъ имѣли нѣсколько сажень въ высоту и столько же въ объемѣ. И вотъ тутъ, когда разрывали эти кучи, представлялись сцены, душу раздрающія. Находили иныхъ людей, какъ заживо похороненныхъ, другихъ обезображенными и искалѣченными. Множество труповъ людей обгорѣлыхъ и задохшихся отъ дыма было усмотрѣно почти по всему дворцу. Однимъ словомъ, мы не могли безъ ужаса выслушивать рассказы нашихъ солдатъ о томъ, въ какихъ видахъ и положеніяхъ они находили своего брата солдата во время очистки дворца. А когда, по отрытій труповъ, выносили этихъ людей, я и всѣ мы поспѣшали отходить въ сторону единственно отъ душевнаго терзанія. Я помню, между прочимъ, фигуру одного обгорѣлаго солдата. Я помню, какъ насъ всѣхъ поразило: это былъ настоящій обгорѣлый черный уголь, въ немъ положительно ничего невозможно было признать, кромѣ человѣческаго контура.

Небывалое до того, по крайней мѣрѣ, въ наше время бѣдствіе погубило множество людей. Не знаю, было ли это доведено до всеобщаго свѣдѣнія, но, какъ было извѣстно въ то время, что государь Николай Павловичъ не оставилъ ни одной сироты, ни одной семьи изъ числа погибшихъ безъ щедраго награжденія и полнаго обезпеченія на всю жизнь.

И такъ, вотъ происшествіе, которое истинно никогда изъ памяти моей не изгладится.

Кромѣ того, вслѣдъ за воспоминаніемъ объ изложенной мною катастрофѣ съ Зимнимъ дворцомъ, мнѣ приходитъ на память, какія же чудеса въ самомъ дѣлѣ творились въ тѣ времена, ежели взять въ соображеніе тотъ фактъ, что изъ обезображеннаго огненнымъ опустошеніемъ дворца и такимъ опустошеніемъ, какому мы тогда всѣ были личными очевидцами, ровно чрезъ годъ воздвигнулся вновь тотъ же самый Зимній дворецъ, такой же великолѣпный и безъ малѣйшаго измѣненія внутренняго убранства, но до такой степени, что ежели на какомъ либо драпри прежде была золотая пуговка, то и

въ новомъ дворцѣ она оказалась въ томъ же мѣстѣ, а уже объ остальномъ устройствѣ дворца нечего и упоминать. Зимній дворецъ, какъ будто, никогда и не подвергался никакой порчѣ, или въ особенности злополучію.

Затѣмъ, тоже вѣроятно, нигдѣ такъ не осуществляютъ пословицы, какъ у насъ на Руси, въ томъ отношеніи, что не бываетъ ни одной бѣды безъ другой, или что одна бѣда влечетъ за собой другую. Такъ и случилось.

Послѣ возстановленія и отдѣлки вновь воздвигнутаго изъ пепелища великолѣпнаго дворца, въ который государь и вся царская фамилія переѣхали, всегда бывалъ, по установленному порядку, въ день праздника св. Георгія Побѣдоносца, большой выходъ во дворцѣ со всѣми кавалерами орденовъ св. Георгія и имѣющихъ золотое оружіе. Послѣ того, въ назначенный часъ этого дня всѣ вышесказанные кавалеры приглашались къ обѣденному царскому столу и это празднество въ то время происходило въ Георгіевской залѣ.

Государь Николай Павловичъ, въ кругу своей августѣйшей семьи, чествовалъ своихъ доблестныхъ воиновъ, какъ первый во главѣ кавалеръ ордена св. Георгія. Обѣдъ, какъ всегда, бывалъ однимъ изъ торжественныхъ. Государь, постоянно въ отминомъ расположеніи духа, припоминая и восхваляя подвиги славныхъ тогда побѣдъ, удостаивалъ всегда своимъ монаршимъ благоволеніемъ и своихъ героев-воиновъ. Затѣмъ, по окончаніи обѣда, государь и вся царская фамилія удалялись во внутренніе покои.

На другой день этого перваго празднества во вновь воздвигнутомъ дворцѣ, пробѣжалъ вновь ужасающій слухъ по всему Петербургу, что потолокъ въ этой самой Георгіевской залѣ весь рухнулъ, что впоследствии и подтвердилось.

Въ этомъ случаѣ нельзя не видѣть опять великаго покровительства свыше....

Въ добавленіе къ изложенному мною происшествію относительно катастрофы Зимняго дворца, я долженъ присовокупить еще слѣдующее мое воспоминаніе.

Когда государь во время пожара, обратившись къ намъ, офицерамъ Преображенскаго полка, приказалъ офицерамъ 1-го баталіона идти на половину императрицы, я, бросившись въ числѣ другихъ во дворецъ, не попалъ на половину императрицы, или потому что я бросился, хотя со многими нашими офицерами, не на тотъ подъѣздъ, или вѣрнѣе всего, мы не знали съ какого подъѣзда скорѣе можно было попасть на половину государыни, или полагали, что, проник-

нувъ во дворецѣ, мы найдемъ покои императрицы, но когда вошли во внутренность дворца, мы очутились въ такой обстановкѣ, какъ я сказалъ выше, что пробѣжавъ нѣсколько комнатъ, мы разошлись, растерялись среди огня, и не было возможности воротиться даже туда, откуда вошли, ибо все занялось огнемъ и чѣмъ болѣе мы кружили по огненному лабиринту, все болѣе и болѣе запутывались, почему необходимо было отыскивать не половину императрицы, а выходъ къ спасенію, то очень натурально, что я, разобившись съ своими, сталъ слѣдовать за толпою бѣжавшихъ, самъ не зная куда.

Часть нашихъ офицеровъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, забравшихся съ другихъ подъѣздовъ, дѣйствительно добрались благополучно до покоевъ государыни, чему можетъ служить фактическимъ доказательствомъ то, что нашъ офицеръ, подпоручикъ или поручикъ Александръ Россетъ, тогда же взялъ съ письменнаго стола императрицы ея маленькія часы, и тутъ же ночью ихъ передалъ командиру полка, генералу Микулину.

Подпоручикъ Россетъ тремя годами ранѣе меня былъ произведенъ въ Преображенскій полкъ изъ Пажескаго корпуса и за годъ до производства, будучи камеръ-пажемъ императрицы, цѣлый годъ служилъ при ея величествѣ. И такъ какъ эти камеръ-пажи не только во время официальныхъ выходовъ, но постоянно и чуть ли не всякій день, поочередно, находились на службѣ при дворѣ, то имъ не только внутренніе покои всѣхъ высочайшихъ особъ были извѣстны, но всѣ входы и выходы они хорошо знали, и потому съ Россетомъ тогда угодили на половину императрицы и большая часть нашихъ офицеровъ, выпущенныхъ изъ камеръ-пажей, изъ коихъ я помню: Андрей Шостаковъ, Левъ Яковлевъ, Сеславинъ, Батюшковъ и другіе, которыхъ теперь я перезабылъ, но всѣ они во время пожара были въ покояхъ государыни и всѣ представили кой-какія захваченныя ими вещицы....

А нашему брату, — остальнымъ офицерамъ, расположеніе дворца не могло быть такъ извѣстно, ибо мы знали дворецъ только по выходамъ и баламъ, а внутренніе покои, у дверей которыхъ бывало стояли постоянно арабы и никого не допускали, мы внутреннихъ комнатъ не могли ни видѣть, ни знать.

И такъ, вслѣдствіе сказанныхъ словъ государемъ на пожарѣ дворца, чтобы офицеры 1-го баталіона Преображенскаго полка отправились на половину императрицы, на другой день послѣ пожара приказомъ по полку повелѣно было всѣмъ офицерамъ 1-го баталіона

прибыть къ 2-мъ часамъ пополудни въ парадной формѣ въ Аничковъ дворецъ, для представленія государынѣ императрицѣ.

Въ назначенный часъ, мы, всѣ офицеры 1-го баталіона, съ нашимъ командиромъ во главѣ, полковникомъ Есиповымъ, пріѣхали во дворецъ.

Нашъ командиръ полка, генералъ-адъютантъ Микулинъ, вслѣдъ за нами пріѣхалъ въ Аничковъ дворецъ. Микулинъ, постоянно щегольски одѣтый и въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, имѣлъ всегда видъ бодрый, оживленный и сіяющій. Онъ тотчасъ былъ потребованъ на половину государя. Возвратившись изъ кабинета государя еще болѣе оживленнымъ, Микулинъ сталъ насъ просить и торопить скорѣе встать по старшинству чиновъ въ одну линію и все съ той же, какъ я выше его описывалъ, характеризующей его угодливостью, въ ожиданіи скорого выхода государя Николая Павловича изъ внутреннихъ полковъ.

Первымъ, правѣе всѣхъ, всталъ нашъ батальонный командиръ, полковникъ Есиповъ, лѣвѣе, и рядомъ съ нимъ,—командиръ государственной роты съ серебристыми на головѣ волосами, но личность видимо представительная, нашъ полный капитанъ Александръ Катенинъ. Рядомъ съ нимъ — командиръ 1-й роты, потомъ 2-й и 3-й и такъ далѣе, субалтернъ-офицеры по старшинству чиновъ, а тамъ и наша братья мелкота—подпоручики и прапорщики.

Въ такомъ порядкѣ мы ожидали выхода государя, по крайней мѣрѣ, съ полчаса.

Вдругъ растворилась дверь и вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ министръ двора—старикъ князь Волконскій. Какъ только вошелъ и приближаясь къ нашему небольшому обществу преображенскихъ офицеровъ, онъ, съ чувствомъ своего достоинства, привѣтствовалъ насъ всѣхъ съ самою утонченною вѣжливостью.

Вслѣдъ затѣмъ, внезапно, растворились всѣ двери, ведущія изъ внутреннихъ покоевъ и показалась вся царская семья, за царской фамиліей слѣдовали много придворныхъ и много генералъ-адъютантовъ.

Этотъ маленькій выходъ царской семьи, окруженной своимъ приближеннымъ штатомъ, въ небольшомъ дворцѣ, по сравненіи съ Зимнимъ,—казался какъ бы домашнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ до того величественнымъ, что всѣхъ присутствующихъ, въ особенности насъ молодыхъ людей, мало враппавшихся еще въ кругъ придворномъ, обдало такимъ чувствомъ обаянія, которое передать трудно.

Императрица Александра Феодоровна шла посреди, между

государемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и разговаривала по французски. Наслѣдникъ цесаревичъ былъ въ мундирѣ казачьяго атамана.

Императрица, приблизившись къ намъ, остановилась на нѣкоторомъ предѣ нами разстояніи, и какъ будто не прерывая своего разговора, отнеслась ко всѣмъ намъ на томъ же французскомъ языкѣ, и въ нѣсколькихъ милостивыхъ словахъ выразила намъ свою благодарность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень быстро подошла къ полковнику Есипову и подала ему руку. Полковникъ Есиповъ поспѣшилъ поцѣловать руку у императрицы, и, съ подобающимъ глубокимъ поклономъ, отступилъ шагъ назадъ.

Затѣмъ императрица подала руку капитану Катенину, который также поцѣловалъ руку государыни. Послѣ того, ея величество продолжала подходить къ каждому офицеру, и каждый, въ свою очередь, удостоивался цѣловать руку императрицы. Это продолжалось какихъ-нибудь нѣсколько минутъ. Между тѣмъ, взоры всѣхъ: государя, великаго князя и всѣхъ присутствующихъ придворныхъ, въ глубокомъ молчаніи, взоры всѣхъ были обращены на насъ.

Что относится до меня, я былъ совершенно озадаченъ. Для меня это было совершенною новостью. Я не ожидалъ и не предполагалъ ничего подобнаго. Я никогда еще не видѣлъ и не присутствовалъ при подобныхъ обстоятельствахъ, какъ цѣлованіе руки у высочайшихъ особъ. Вся эта сцена въ присутствіи государя, всей царской фамиліи и всѣхъ придворныхъ на меня произвела какое-то особенное, какое-то необыкновенное впечатлѣніе. Мнѣ все это казалось такъ изумительно и до того величественно, что я совершенно растерялся мыслями и не успѣлъ еще опомниться, какъ очередь дошла до меня, и я въ совершенномъ забытіи, которое продолжалось какую-нибудь секунду времени, я чуть-чуть не перекрестился предъ тѣмъ, какъ поцѣловать руку у императрицы. Я чувствовалъ, что я уже заносилъ свою руку ко лбу, чтобы сотворить знаменіе креста, но тотчасъ же опомнился.

Много прошло послѣ того времени, много лѣтъ легло мнѣ на плечи, но воспоминаніе это живо и никогда не изгладится изъ моей памяти.

Не знаю, замѣтилъ ли мое движеніе кто-либо изъ царской фамиліи или изъ присутствующихъ, но ближайшіе изъ моихъ товарищей это очень хорошо замѣтили, ибо объ этомъ разнесся слухъ не только между товарищами, которые долго надо мной подтрунивали, но слухъ этотъ перешелъ и къ знакомымъ товарищамъ, въ дру-

гіе полки, такъ что бывало при встрѣчахъ меня осыпали допросы и запросы, точно ли я перекрестился предъ тѣмъ, чтобы поцѣловать руку у государыни Александры Ѳеодоровны?

А когда это дошло до командира полка, до нашего знаменитаго генерала Микулина, онъ на это сказалъ:

— «И хорошо бы сдѣлалъ, ежелибъ перекрестился!»...

Д. Г. Колокольцовъ.
